

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Заместитель главного редактора МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Ответственный секретарь МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Белецкий С. В.* Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- Бон Т.* Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
- Бондаренко К. М.* Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Бородкин Л. И.* Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Бригадин П. И.* Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Вабищевич А. Н.* Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
- Виддер Э.* Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Егорейченко А. А.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Жеребцов И. Л.* Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
- Карпов С. П.* Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Карпюк С. Г.* Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
- Коваленя А. А.* Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кодин Е. В.* Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.
- Колесник В. Ф.* Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Коришук В. К.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Космач В. А.* Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Костюк М. П.* Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кошелев В. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

- Кудрявцева Т. В.** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Матяш И. Б.** Высший совет юстиции, Киев, Украина.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Новаковски В.** Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша.
- Новгородский Т. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Прохоров А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша.
- Сальков А. П.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Ставнюк В. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Терпиловский Р. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Туманс Х.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шиндлинг А.** Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Шмигель М.** Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
- Шумейко М. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Намеснік галоўнага рэдактара МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Адказны сакратар МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Бялецкі С. В.** Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
- Бон Т.** Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
- Бандарэнка К. М.** Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
- Брыгадзін П. І.** Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
- Відэр Э.** Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
- Егарэйчанка А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Жарабцоў І. Л.** Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Рэспубліка Комі.
- Карнаў С. П.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
- Карпюк С. Г.** Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
- Каваленя А. А.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Кодзін Я. У.** Смаленскі дзяржаўны ўніверсітэт, Смаленск, Расія.
- Калеснік В. Ф.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Коршук У. К.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Космач В. А.** Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
- Касцюк М. П.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Кошалеў У. С.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Кудраўцава Т. У.** Расійскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя А. І. Герцэна, Санкт-Пецярбург, Расія.
- Лаўрыновіч Д. С.** Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

- Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
- Лінднер Р.** Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
- Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Марзальюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
- Мацяш І. Б.** Вышэйшы савет юстыцыі, Кіеў, Украіна.
- Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
- Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
- Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
- Навакоўскі В.** Інстытут археалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, Варшава, Польшча.
- Навагродскі Т. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Прохараў А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлаўскі ўніверсітэт, Вроцлаў, Польшча.
- Салькоў А. П.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Стаўнюк В. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Церпілоўскі Р. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Туманс Х.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
- Фядосік В. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
- Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шадурскі В. Г.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шындлінг А.** Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
- Шмігель М.** Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
- Шумейка М. Ф.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Яноўскі А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KOHANOVSKY A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by
-
Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Bondarenko K. M.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Bryhadzin P. I.	State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Yegoreichenko A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kodin E. V.	Smolensk State University, Smolensk, Russia.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Korshuk V. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kudryavtseva T. V.	Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Matyash I. B.** High Council of Justice, Kyiv, Ukraine.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Nowakowski W.** Institute of Archaeology of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
- Nowogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Prokhorov A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rok B.** University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
- Salkov A. P.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stavnyuk V. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Terpilovsky R. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Fedosik V. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Feng S.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shadurski V. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Schindling A.** Institute of the Early Modern History of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Šmigel M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Shumeiko M. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL

Столетний юбилей революционных событий в Российской империи 1917 г. актуализировал ряд ключевых для исторического сообщества вопросов. Осознавая тот факт, что практически невозможно выстроить строгую и бесспорную иерархию задач, стоящих перед корпорацией историков в юбилейный год, редакция журнала стремится обратить внимание прежде всего на проблему символической реактуализации революционных событий для современного белорусского общества и государства. В течение почти семидесятилетнего существования Советского Союза создавалась система символов революции(й) 1917 г., в которой Октябрь превалировал над Февралем. Партия большевиков представлялась не только организатором победы революционных сил, но и единственным глашатаем подлинных интересов социальных страт и национальных сообществ. Формирование советского народа как новой исторической общности напрямую связывалось с революцией, которая одновременно представлялась в контексте классового интернационализма и формирования советской идентичности.

В новых независимых государствах, образовавшихся после распада СССР, сегодня происходит деконструкция советского революционного дискурса. Развитие национальных историографий дает возможность научно осмыслить революционные процессы и их интерпретации основываясь на неизвестных ранее архивных документах, расширенной источниковой базе и углубленных познавательных возможностях социальных и гуманитарных наук. Современный взгляд на революцию все больше отражает отношение к 1917 г. не как к изолированному и самодостаточному объекту изучения, а как к части глобальных процессов, которые в той или иной степени затронули весь мир.

Переосмысление и выстраивание национальных историй, а также процесс национально-государственной самоидентификации делают необходимыми расширение «социальных рамок памяти», концентрацию внимания общества на национальных и демократических процессах, актуализированных событиями 1917 г., кроме того, они позволяют анализировать отечественную историю как историю

одного из геополитических центров первых десятилетий XX в. Комплексное изучение революции в контексте предшествующих и последовавших за ней событий европейской и мировой истории становится одним из важнейших факторов формирования современной идентичности, которая базируется на принимаемом обществом и государством понимании прошлого.

Представленные в журнале исследования рассматривают различные аспекты истории Беларуси не только в эпоху революционных преобразований, но и в иные исторические периоды. В статьях Д. С. Лавриновича и К. М. Бондаренко анализируется, с одной стороны, политическая деятельность масонских организаций на территории Российской империи (в частности Беларуси) в период, предшествующий 1917 г., а с другой – история возникновения и организационного становления Брестского уездного отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА), который осуществлял деятельность в 1910–1914 гг.

Малоизученную проблему особенностей повседневной жизни населения губернского города в период между двумя революциями (на примере г. Минска) рассматривает А. А. Гужаловский. Историк анализирует отношение горожан к решению нарастающих проблем, а также попытки самоорганизации и зарождения гражданского общества.

Статья П. И. Бригадина посвящена событиям 1917 г., которые были связаны с подготовкой и проведением Первого Всебелорусского съезда в декабре названного года, раскрывает роль форума в углублении национально-освободительного движения на территории Беларуси и формировании идеи о неделимости и независимости страны. Стоит отметить, что с точки зрения редакции журнала, эти события оказались в числе наиболее определяющих в истории становления белорусской государственности XX в.

К публикуемым статьям примыкает глава «Бездна» из «Листков из русского дневника» всемирно известного социолога П. А. Сорокина. В ней описываются события ноября-декабря 1917 г., очевидцем и участником которых оказался сам автор, также

дается резко негативная оценка октябрьского переворота.

События 1917 г. во многом определили последующее развитие Беларуси и сопредельных стран в XX в. С этим связано исследование В. А. Бердинских и В. И. Меньковского, в котором рассмотрены идеология и экономика подневольного труда в советском ГУЛАГе (Главное управление лагерей и мест заключения, после – Главное управление исправительно-трудовых лагерей). Показано формирование структуры этого управления, выявлены его особенности, отмечены негативные последствия подневольного труда. Особенно важна актуализация данного аспекта советской истории в год 80-летия «большого террора», который стал апофеозом репрессивной политики советской власти в отношении представителей в том числе и белорусского народа.

Публикуемые материалы, несомненно, не охватывают весь круг тем и проблем, связанных с причинами, ходом и последствиями событий 1917 г. Многие вопросы остаются недостаточно исследованными и в то же время остро дискуссионными. Тем не менее редакция «Журнала БГУ. История» на-

дается, что размещенные материалы внесут свой вклад в изучение истории Беларуси, будут способствовать увеличению интереса специалистов и представителей широкой общественности к революционным событиям вековой давности.

В 2018 г. редакция планирует публикацию статей по следующим тематическим рубрикам:

- № 1 (январь 2018 г.) – «Христианство в исторических судьбах Беларуси» (к 1030-летию крещения Киевской Руси);

- № 2 (апрель 2018 г.) – «Право и правовая система Великого княжества Литовского» (к 550-летию издания Судебника Казимира и 430-летию третьей редакции Статута Великого княжества Литовского);

- № 3 (июль 2018 г.) – «Первая мировая война в судьбах Беларуси» (к 100-летию окончания Первой мировой войны);

- № 4 (октябрь 2018 г.) – «Формирование белорусской государственности в XX в.» (к 100-летию провозглашения БССР).

Редакционная коллегия приглашает авторов принять участие в подготовке тематических рубрик.

1917 ГОД В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

1917 ГОД У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

1917 IN THE BELARUSIAN HISTORY

УДК 329.12(=161.1)(476)«1905/1917»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В 1905–1917 гг.

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассмотрены основные этапы деятельности российского политического масонства в начале XX в. Проанализирован процесс создания масонских лож, их партийный, социальный и национальный состав, принципы взаимодействия и каналы влияния на государство и общество. Утверждается, что «Великий Восток народов России» – крупнейшая масонская организация, а ее ядро составляли представители партии конституционных демократов, что способствовало включению масонов в политическую жизнь Российской империи. Выявлена причастность вольных каменщиков ко многим предприятиям Прогрессивного блока в 1915–1917 гг., в том числе к организации пропагандистской кампании против царского правительства. Показано, что на территории Беларуси масоны придерживались «краевой» идеологии, при поддержке местных конституционных демократов в масонство вступила группа белорусских общественных деятелей, связанных с редакцией газеты «Наша Ніва».

Ключевые слова: масонство; либерализм; политические партии; белорусское национальное движение; Первая мировая война; революция.

Образец цитирования:

Лавринович Д. С. Политическое масонство в общественно-политической жизни России и Беларуси в 1905–1917 гг. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 10–19.

For citation:

Lavrinovich D. S. Political freemasonry in the social-political life of Russia and Belarus in 1905–1917. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 10–19 (in Russ.).

Автор:

Дмитрий Сергеевич Лавринович – доктор исторических наук, профессор; первый проректор, профессор кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета.

Author:

Dmitry S. Lavrinovich, doctor of science (history), full professor; pro-vice chancellor, professor at the department of history of Belarus and the Eastern Slavs, faculty of history and philology.
lavrin-dmitrij@yandex.ru

POLITICAL FREEMASONRY IN THE SOCIAL-POLITICAL LIFE OF RUSSIA AND BELARUS IN 1905–1917

D. S. LAVRINOVICH^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, Kasmanaŭtaŭ Street, 1, 212022, Mahilyow, Belarus

The article reveals the main stages of the activities of Russian political freemasonry in the early XX century. The author shows the process of establishing Masonic organizations, analyzes their party, social and national composition, the principles of interaction, examines the methods of their influence on the state and society. The largest Masonic organization was the «The Great East of the Peoples of Russia». Its center was made up of representatives of the constitutional-democratic Party, which facilitated the involvement of freemasons in the political life of the Russian Empire. Freemasons were involved in many affairs of the Progressive Bloc in 1915–1917, including the organization of a propaganda campaign against the tsarist government. On the territory of Belarus, Freemasons adhered to the regional ideology, with the support of local constitutional democrats; a group of Belarusian public figures connected with the editorial office of the newspaper «Nasha Niva» joined freemasonry.

Key words: freemasonry; liberalism; political parties; Belarusian national movement; World War I; revolution.

Введение

Особый интерес современных историков к политическому масонству не случаен. Он объясняется тем, что в СССР эта тема долгие годы находилась под идеологическим запретом, а на исследователей-эмигрантов влияла боязнь затронуть в своих работах лиц, которые остались после октября 1917 г. в России либо занимали видные места в общественной и политической жизни эмиграции, где причастность к масонству могла быть использована политическими противниками этих лиц [1, с. 24]. Между тем Российская империя была одной из первых стран, где возникли масонские общества. Первые достоверные сведения о российских вольных каменщиках¹ относятся к 1731 г. [2, с. 30]. Бурного расцвета масонство в России достигло в последней трети XVIII – первой четверти XIX в., когда членами ордена стали многие видные культурные, общественные и политические деятели эпох Екатерины II и Александра I.

Указом 1822 г. российское правительство запретило существование тайных обществ, в том числе и масонских лож. Однако отдельные их члены продолжали проводить собрания до середины XIX в. В дальнейшем российские подданные принимали участие в деятельности иностранного (главным образом французского) масонства. Из Франции масонство внедрялось в общественно-политическое движение в России начала XX в. К концу 1901 г. в ложе масонского общества «Великий Восток Франции» (ВВФ) и других французских орденов было принято более 10 русских либеральных интеллигентов [3, с. 41].

Цель данной статьи – раскрыть процесс возрождения и основные этапы развития политического масонства в Российской империи, в частности на территории современной Беларуси, определить роль масонских обществ в революционных событиях февраля – марта 1917 г.

Основная часть

Первоначальное ядро возрождающегося российского масонства составляла группа лекторов и руководителей Русской высшей школы общественных наук, существовавшей в 1901–1905 гг. в Париже [2, с. 168; 4, с. 18]. После амнистии, последовавшей за Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка от 17 (30) октября 1905 г., многие российские эмигранты-либералы получили возможность вернуться на родину. Перед этими событиями в столице Франции 18 русских масонов были сведены в две ложи – «Космос» и «Гора Синай», подчинявшихся «Великому Востоку Франции» и «Великой Ложе

Франции» (ВЛФ) соответственно [3, с. 44]. Возвратившиеся из эмиграции масоны в 1906 г. создали под эгидой ВВФ масонские ложи на территории России. Главным вдохновителем возрождавшегося российского масонства в этот период был М. М. Ковалевский, получивший специальные полномочия от Совета «Великого Востока Франции». В Москве 15 ноября 1906 г. М. М. Ковалевский создал ложу «Возрождение», а через несколько дней в Санкт-Петербурге была образована ложа «Полярная звезда». Можно согласиться с мнением В. И. Старцева о том, что именно с этого времени следует говорить о нелегальном возрождении масонства в России

¹Термин «вольные каменщики» – синоним масонства, т. к. по одной из версий истоки масонских обществ лежат в средневековых товариществах каменщиков (буквальный перевод с французского языка названия «франкомасоны»).

начала XX в. [3, с. 50]. За два года в обе ложи было принято 35 человек.

Делегаты ВВФ в мае 1908 г. официально признали «Возрождение» и «Полярную звезду» [3, с. 65]. В том же году М. М. Ковалевский основал ряд лож, подчинявшихся более консервативной ВЛФ [5, с. 36]. Таким образом, оба направления российского политического масонства остались под контролем французских центров.

Состав новых масонских обществ существенно отличался от лож XVIII – первой четверти XIX в.: если раньше масонами становились преимущественно аристократы, то в начале XX в. – представители либеральной интеллигенции. Ложи вольных каменщиков принимали в свои ряды членов различных умеренных и леволиберальных партий: кадетской, демократических реформ, мирного обновления, Союза 17 октября и др., помимо этого среди масонов было много и беспартийных членов. В движении доминировали конституционные демократы, представлявшие около 25 % адептов масонских организаций [5, с. 47]. Численность членов лож быстро росла. В ряды масонов в России в 1907–1909 гг. по мнению специалистов входило примерно 100 человек. Фамилии 94 из них подтверждаются документально [3, с. 84; 5 с. 47]. К концу 1909 г. в системе ВВФ в России действовало около восьми масонских лож: три в Санкт-Петербурге, две в Москве и по одной в Киеве, Нижнем Новгороде и Одессе [1, с. 29; 6, с. 52]. В историографии существует мнение, согласно которому численность членов российских масонских организаций в этот период превышает названную [5, с. 39; 7, с. 96].

Развитие масонского движения потребовало создания специальных органов для координации деятельности различных лож. В ноябре 1908 г. состоялся первый съезд масонов России в Санкт-Петербурге. На нем были сформированы два руководящих органа: «Верховный совет» (для руководства деятельностью всех российских масонов, председатель – С. Д. Урусов) и «Совет 18-ти» (для братьев высоких степеней, председатель – Д. О. Бебутов) [4, с. 135–136; 5, с. 38].

Помимо общих масонских лож создавались профессиональные масонские объединения. Так, существуют сведения об учреждении в Санкт-Петербурге в 1909 г. «Военной ложи», в состав которой входили А. И. Гучков, В. И. Гурко, А. А. Половцев и другие высокопоставленные военнослужащие России [2, с. 183]. Предпринимались попытки привлечь к движению помимо оппозиционных общественных деятелей и политиков отдельных представителей либеральной бюрократии. Член Государственной думы Б. А. Энгельгардт допускал мысль о том, что видным масоном, в частности, был А. П. Извольский, занимавший в то время должность министра иностранных дел [8, л. 55].

Со временем масонские организации переполнились «лишними» людьми, что потребовало реорганизации структуры ордена в России. Необходимость данного шага диктовалась и большой прозрачностью российского масонства для полиции. В конце 1909 г. все российские масонские ложи, подконтрольные ВВФ, официально прекратили существование. Подобный прием, необходимый для избавления от подозрительных членов, долгое время практиковался масонами. Уже в 1910 г. группа вольных каменщиков во главе с кадетом А. М. Колюбакиным начала воссоздание организации. Окончательно новый масонский союз сформировался к лету 1912 г. [7, с. 107]. Кроме представителей лож, прежде подчинявшихся ВВФ, в него вошли масоны из лож, придерживавшихся древнего и принятого Шотландского устава, организованных М. М. Ковалевским, а также из английских лож, основанных Б. С. Ломбардом, настоятелем англиканской церкви при посольстве Великобритании в Санкт-Петербурге [7, с. 107–108].

Новое масонское объединение получило название «Великий Восток народов России» (ВВНР). Изначально данная организация, как и предшествовавшие ей французские ложи, не была надпартийным политическим обществом. Масон М. Ромер в дневнике писал: «Наш Союз – не политическое объединение. <...> Только стремление придерживаться основных принципов человечности заставляет нас занимать антиправительственную политическую позицию» [9, с. 61]. В качестве задач и целей в уставе ВВНР значилось «создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена». Далее говорилось, что братья, сохраняя свободу политической деятельности, должны стремиться к утверждению и защите прав человека и гражданина [10, с. 129].

Однако активное участие многих масонов в политической жизни империи способствовало эволюции идеологии ВВНР и превращению организации в сугубо политическое объединение. В начале марта 1915 г. М. Ромер был вынужден констатировать: «Фактически мы не исполняем масонских обрядов» [9, с. 65]. К этому следует добавить отмену системы степеней и изменение принципов приема в ложи [7, с. 109–110; 11, с. 62]. В итоге ВВНР стал политическим союзом, использовавшим в своих целях масонскую структуру и правила конспирации.

В отличие от дореформенного масонства, новое объединение не подчинялось французским орденам. Российский историк О. Ф. Соловьев, проанализировав опубликованный В. И. Старцевым устав ВВНР [10, с. 129–132], пришел к выводу о том, что данная масонская организация была создана самостоятельно, без санкции какого-либо иностранного центра. Это противоречило канонам вольных каменщиков. По мнению исследователя, никакой

зарубежный орден не разрешил бы основание лож с «открыто, хотя и расплывчато прокламируемыми политическими целями» [2, с. 221]. Польский ученый Л. Хасс ставит под сомнение сам масонский характер ВВНР [1, с. 34]. Однако большинство отечественных и российских историков именуют тайное общество, возникшее под эгидой ВВНР, не иначе как масонским [2; 3; 5–7; 12].

Состав лож «Великого Востока народов России» существенно отличался от состава российских лож ВВФ и ВЛФ. Новая масонская организация стала более демократичной. Несмотря на то что в обществе численное превосходство осталось за кадетами, увеличилось число представителей социалистических партий. Однако количество консервативных и даже праволиберальных элементов, в том числе октябристов, напротив, было крайне незначительным. Масон А. Я. Гальперн в беседе с исследователем Б. И. Николаевским вспоминал, что членов «Союза 17 октября», желавших вступить в масонство, «не нашлось и практически вопрос о приеме кого-либо из октябристов вообще не вставал» [4, с. 58]. Таким образом, ВВНР по своему политическому направлению был преимущественно леволиберальной организацией.

Высшим органом российского ордена вольных каменщиков был конвент. Согласно уставу он должен был собираться ежегодно, каждая ложа могла делегировать своего представителя. В довоенный период состоялось два конвента. На первом из них летом 1912 г. в Москве произошло официальное завершение конструирования новой российской масонской организации. Следующее собрание конвента состоялось через год в Санкт-Петербурге, на нем был принят проект устава ВВНР [4, с. 53–55, 61; 7, с. 112–113]. Помимо прочего на конвентах происходило избрание высшего исполнительного органа – Верховного совета, важнейшей функцией которого было открытие новых лож и контроль за приемом членов. Руководящая роль в Верховном совете, а значит и во всем ордене, принадлежала секретарю совета. Помимо того что секретарь являлся докладчиком по всем текущим делам, в том числе и политическим, через него лидеры ВВНР поддерживали связи с рядовыми ложами. В ведении секретаря находилась и общая казна российского масонства [4, с. 56–57; 7, с. 115]. Согласно исследованиям А. И. Серкова, данную должность до конвента 1912 г. и в 1915 г. занимал представитель кадетов Н. В. Некрасов, с лета 1912 г. по 1914 г. – кадет А. М. Колюбакин, в 1915–1916 гг. – трудовик А. Ф. Керенский, с лета 1916 г. до конца 1918 г. – социал-демократ А. Я. Гальперн [4, с. 56; 7, с. 115]. Следует отметить, что этот вопрос в историографии не прояснен окончательно. Так, во время допросов в НКВД Н. В. Некрасов утверждал, что он являлся секретарем ВВНР с 1910 по 1916 г. [14, с. 36].

По предложению Л. Хасса и В. И. Старцева, обязанности секретаря с 1916 г. выполнял А. Ф. Керенский [3, с. 160; 14, с. 152].

Для координации действий масонов на региональном уровне создавались местные советы. По уставу они могли быть образованы тогда, когда число лож в каком-либо населенном пункте достигало пяти [4, с. 62]. Первым, приблизительно в 1912–1913 гг., был создан Санкт-Петербургский областной совет, его секретарями в разное время являлись левый кадет В. А. Оболенский и профессор Д. Н. Рузский [4, с. 62; 16, с. 448]. Во время Первой мировой войны местный совет был создан также в Киеве [4, с. 62].

Число лож после реорганизации российского масонства сократилось. По подсчетам В. И. Старцева, из 94 членов ВВФ, имена которых удалось обнаружить, в ложи ВВНР перешли только 37 человек [3, с. 84]. Остальные или прекратили свою масонскую деятельность, или продолжали ее на территории Франции, желая остаться французскими масонами. По мнению А. И. Серкова, численность реорганизованных российских лож в период расцвета дореволюционного масонства достигала 42 [7, с. 111]. Наибольшее число российских вольных каменщиков было в Санкт-Петербурге, где существовало около 11 лож. На втором месте была киевская организация – 7 лож, на третьем оказалась Вильно – 5 лож [6, с. 54; 7, с. 111; 9, с. 66; 17, с. 1139]. Всего ячейки ВВНР возникли в 18 городах. Общее количество членов организации достигало 350–400 человек [7, с. 111–112]. Доподлинно В. И. Старцев установил фамилии только 104 братьев, из них 67 участвовали в работе столичных лож, а 41 – провинциальных [3, с. 109]. На сегодняшний день возможна лишь приблизительная оценка размаха и влияния российского политического масонства.

Значительное развитие масонское движение получило на территории Литвы и Беларуси. В 1910 г. основана первая масонская ложа «Единство» в Вильно, ее возглавил один из лидеров местной организации кадетской партии Г. Д. Ромм, а его брат И. Д. Ромм выполнял обязанности казначея и секретаря [18, с. 465]. В ложу в Вильно вошли представители всех национальностей региона, в том числе и белорусы – бывшие деятели Белорусской социалистической громады (БСГ) В. У. Ластовский, И. И. Луцкевич и А. И. Луцкевич. Изначально правление ложи обратилось к адвокату и видному польскому общественному деятелю Т. Врублевскому, но получило отказ [18, с. 161]. После чего лидеры виленских кадетов рассказали о масонской организации одному из деятелей белорусского национального движения И. И. Луцкевичу. «Для белорусов, – говорили братья Ромм, – было бы весьма важно войти в связь с этой организацией, так как она может в будущем сыграть в России крупней-

шую роль» [19, с. 31]. Согласие на вхождение в ряды масонов дали И. И. Луцкевич и его брат А. И. Луцкевич. Мотивы этого поступка раскрыл А. И. Луцкевич в показаниях, данных НКВД в 1939–1940 гг.: «...с русским либеральным обществом следовало завязать контакт, тем более, что там имелись лица, интересовавшиеся белорусским вопросом и сочувствовавшие белорусам» [20, с. 30]. В Вильно в 1911 г. были сформированы еще две масонские ложи – «Белый Рутений» и «Литва» [16, с. 1139; 19, с. 166]. По мнению А. И. Серкова, создание ложи «Литва» произошло при участии ВВФ. С помощью французского ордена была образована ложа среди польских уроженцев Санкт-Петербурга под названием «Белый Орел» [7, с. 106].

Размежевание по национальному признаку произошло в 1913 г. в ложах Вильно. Масоны-поляки вышли из лож «Единство» и «Литва», создав собственную под названием «Верный Литвин». Причину кризиса виленского масонства некоторые исследователи усматривают в смене политической ориентации членов польской национальности с автономистской на независимую: освобождение от царизма они связывали с созданием самостоятельного польского государства [6, с. 56–57]. Последствия раскола были преодолены достаточно быстро, в скором времени численность ложи ВВНР в Вильно снова возросла.

Виленские масоны в своей деятельности придерживались «краевой» идеологии, в основе которой лежал принцип политической нации. Согласно этому принципу все сознательные граждане края составляли одну нацию вне зависимости от национального происхождения и вероисповедания. Данная идеология, направленная против этнического шовинизма, не мешала братьям действовать в рамках своих национальных политических партий. Местных масонов объединяли идеи установления парламентской республики и введения автономии «исторической Литвы», в частности и Беларуси, в составе будущей федеративной России [6, с. 53].

Братья Ромм помогли белорусским деятелям установить связь с руководством конституционно-демократической партии (КДП), в частности, с П. Н. Милюковым. Корреспондентом лидера кадетской партии и газеты «Речь» становится А. И. Луцкевич. В 1911 г. он направил П. Н. Милюкову письмо, в котором с критических позиций рассказывал о попытках царского правительства перевести католическое богослужение на территории Беларуси на русский язык [20, л. 1 об.]. В июне 1911 г. в газете «Речь» появилась статья А. И. Луцкевича по тому же вопросу. Автор настаивал на введении белорусского языка в католическое богослужение: «9-миллионный белорусский народ, несмотря на все превратности судьбы, остался жив, сохранил свою национальную душу и возрождается на наших глазах» [21, с. 5]. В следующем письме к П. Н. Ми-

люкову в апреле 1912 г. он просил редакцию газеты встать на защиту белорусского издания «Наша Ніва», которому угрожало закрытие. «Дело в том, что на основании акции националистов (Всероссийский национальный союз – Д. Л.) в Петербурге соответствующие сферы забеспокоились, и результатом явилось предложение Виленскому губернатору принять меры к прекращению нашего издания. <...> Вот почему важно появление корреспонденции в петербургской большой прессе», – писал А. И. Луцкевич [20, л. 3 об.].

Готовность руководства КДП и местных лидеров кадетов во главе с Г. Д. Роммом к сотрудничеству с некоторыми деятелями белорусского национального движения в октябре 1914 г. привела к образованию в Вильно масонской ложи «Беларусь» [18, с. 170]. В сообщении о положении в Вильно, посланном в ЦК КДП накануне партийной конференции в марте 1914 г., местные конституционные демократы писали: «Политическая жизнь вся раздробилась по национальным группам. Сочувствующих кадетам очень много среди евреев. Польских демократов в крае очень мало и те теперь сильно подались в сторону узкого национализма. Ближе всех к нам белорусы, среди которых идет очень интенсивная работа, проникающая вглубь народных масс» [22, с. 603]. В данном письме, вероятно, имелась в виду редакция газеты «Наша Ніва». А. И. Луцкевич вспоминал: «Резюмируя все вышесказанное о моей деятельности за этот период <...> могу охарактеризовать его как период сотрудничества с либеральной буржуазией во имя тех же белорусских национальных соображений, во имя которых до 1906 г. я выступал на революционной ниве» [19, с. 34].

При помощи политического масонства либералы предпринимали попытки оживить общественную жизнь в Минске. В состав минской ложи вольных каменщиков, образованной в 1910 г., вошли в основном юристы и врачи. Исследователь А. Ф. Смоленчук приводит имена следующих членов масонской организации в Минске: Т. Кодис, К. Петрусевиц, Э. Ивашкевич, Я. Офенберг, К. Демидецкий-Демидович, И. Виткевич, Загорский [18, с. 160]. При этом последние трое названы масонами предположительно. Российский масон А. Я. Гальперн в беседе с исследователем Б. И. Николаевским вспоминал, что в 1912 г. на масонском конвенте в Москве присутствовал делегат из Минска – присяжный поверенный по имени Иван Иванович [4, с. 53]. Имя и отчество делегата, а также род его занятий дают возможность предположить, что это И. И. Метлин, принимавший в 1905 г. активное участие в забастовке на Либаво-Роменской железной дороге и некоторое время являвшийся членом кадетской партии. Влиятельным масоном из числа связанных с Минском конституционных демократов был А. Р. Ледницкий [4, с. 85]. Благодаря масонству каде-

там удалось сохранить ядро своих организаций на территории Литвы и Беларуси.

Кроме национальных лож, используя опыт российского масонства 1906–1909 гг., Верховный совет ВВНР создавал и профессиональные ложи: известные литературная, военная и думская. В первую входили писатели и журналисты левой ориентации: историки А. В. Карташев и В. Я. Богучарский, журналист Н. Н. Суханов и др. [4, с. 59; 5, с. 65; 7, с. 117]. Для привлечения известных представителей творческой интеллигенции образовывались ложи по принципу полезности того или иного лица для ордена. Так, специальные ложи были открыты для Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, а также для С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой. Через этих людей влияние ВВНР распространялось на Петербургское религиозно-философское общество, Техническое общество и Вольное экономическое общество [5, с. 65; 7, с. 117].

В военную ложу входили некоторые радикально настроенные офицеры (А. А. Свечин, В. В. Теплов, С. Д. Мстиславский и др.) [3, с. 115–116; 4, с. 60; 5, с. 65]. По воспоминаниям А. Я. Гальперна, данная ложа оказалась недостаточно активна и в 1914–1915 гг. распалась [4, с. 60].

Особое положение в ВВНР занимала думская ложа. В IV Государственной думе насчитывалось более 20 масонов, среди которых преобладали кадеты (А. М. Колюбакин, Н. В. Некрасов, В. А. Виноградов, Н. К. Волков, И. П. Демидов и др.). Также в думской ложе были представлены и лидеры партии прогрессистов (И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов), трудовиков (А. Ф. Керенский) и меньшевиков (Н. С. Чхеидзе) [7, с. 116–117]. Стремясь к объединению левой оппозиции в нижней палате, думская группа масонов заботилась о сглаживании различных межфракционных конфликтов и о совместном выступлении депутатов по ряду вопросов. Сотрудничество социал-демократов и трудовиков с либералами в Думе было вызвано также желанием использовать масонские связи для сбора подписей под запросами правительству (для этого необходимо было собрать минимум 33 подписи, а общее количество социал-демократов и трудовиков было меньше необходимого) [4, с. 33].

Новый период в истории российского политического масонства связан с началом Первой мировой войны. Большинство лож ВВНР заняли патристическую позицию. Многие видные российские вольные каменщики активно включились в дело обороны страны. Секретарь Верховного совета А. М. Колюбакин отправился добровольцем в действующую армию и в начале 1915 г. был смертельно ранен [24, с. 262]. Отвлечение значительных сил масонства на обслуживание военных нужд привело к временной дезорганизации ВВНР. Количество лож сократилось. По подсчетам В. И. Старцева, 10 из 38 действовавших в начале войны лож распа-

лись [3, с. 113]. В то же время прием новых adeptов в орден не прекращался. По свидетельству Н. В. Некрасова, к февралю 1917 г. в ячейках ВВНР состояло 300–350 человек [14, с. 38].

Великодержавные настроения российских масонов отразились на взаимоотношениях Верховного совета с национальными ложами. В октябре 1914 г. в Петрограде состоялся конвент, в котором приняли участие более 30 делегатов со всей России [6, с. 55]. На повестку дня был вынесен вопрос об отношении организации к войне. Кадеты при поддержке А. Ф. Керенского и представителя меньшевиков выступили за войну до победного конца. Виленский делегат М. Ромер, напротив, указал на то, что среди национальных меньшинств, в частности поляков, такая политика не будет иметь успех. По мнению делегата, российское масонство должно было стремиться к скорейшему окончанию войны. Точку зрения М. Ромера от имени белорусов поддержал А. И. Луцкевич, к которому примкнули украинские делегаты [6, с. 56; 20, с. 271–272]. Однако большинство братьев проголосовало за резолюцию с пожеланием победы Антанты [6, с. 56].

Трения внутри масонства Литвы и Беларуси в конце 1914 – начале 1915 г. приняли характер литовско-белорусского конфликта. Литовские масоны добивались создания автономного государства на этнических землях, в которые включались и районы Гродненской и Минской губерний с преобладающим католическим населением. Белорусские вольные каменщики отстаивали идею автономии исторической Литвы, т. е. всех земель бывшего Великого княжества Литовского. Вместе с тем, разница во взглядах на войну и будущее Беларуси и Литвы привела к разрыву виленских масонов с ВВНР. Последним актом сотрудничества было участие виленских масонов в конвенте в Петрограде, который состоялся в мае 1915 г. [6, с. 56]. После занятия г. Вильно немецкими войсками остатки виленских лож объединились в новую самостоятельную организацию – «Великий Восток Литвы». Руководители данной организации сыграли главную роль в формировании Временного совета конфедерации Великого княжества Литовского, выпустившего универсал и обращение с призывом создания Белорусско-литовского государства. Вскоре после этого виленские масоны временно прекратили деятельность [6, с. 57].

Несмотря на внутренние противоречия, во время войны произошло расширение влияния ВВНР на общественные организации и государственные учреждения. Масоны заняли ряд важных постов в руководстве военно-промышленных комитетов (ВПК), земского и городского союзов [2, с. 236–237]. В список мест, где вольные каменщики всегда могли найти единомышленников, Н. Н. Берберова включает французское посольство в Петрограде, рабочую группу при Центральном ВПК, Москов-

скую городскую думу, Торгово-промышленный союз, тверское земство и т. п. В число лиц, лоббировавших интересы ордена, по мнению исследовательницы, входили министр народного просвещения П. Н. Игнатьев, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, министр иностранных дел Н. Н. Покровский и ряд общественных деятелей октябристского направления [25, с. 28–30]. В то же время следует отметить, что никаких убедительных фактов, подтверждающих принадлежность данных лиц к российскому масонству, автор не приводит. Несколько масонских центров Петрограда, в которых служили и работали вольные каменщики, выделяет А. И. Серков. В их число входили Петроградская городская дума, вузы (Психоневрологический институт, Высшие женские курсы, Высшие курсы П. Ф. Лесгафта), Петроградская судебная палата и Петроградский коммерческий суд. По замечанию историка, аналогичная ситуация была и в Москве [7, с. 117–118].

На территории Беларуси под сильным масонским влиянием, вероятно, находилось «Белорусское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны», в число руководителей которого входили видные представители местного масонства, в том числе В. У. Ластовский и А. И. Луцкевич [25, с. 2]. В 1915 г. А. М. Колюбакиным была создана масонская ложа в Витебске. Одними из первых ее членов стали Г. Я. Брук, А. О. Волкович и еще один витебский конституционный демократ В. В. Федорович [18, с. 170]. Членом витебской масонской ложи был знаменитый художник М. Шагал [3, с. 145].

Неудачи российской армии весной – летом 1915 г. способствовали усилению оппозиционности ВВНР. В идеологии российских масонов преобладали республиканские настроения. Характерной чертой была «ненависть к трону, к монарху лично» [4, с. 63]. Усилия ордена, по словам А. Ф. Керенского, были направлены на установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федеративного устройства государства [11, с. 63]. Лидеры российского масонства были противниками слишком умеренной тактики Прогрессивного блока. В противовес ему они стремились создать «левый блок из кадетов и других революционных групп» [4, с. 66; 7, с. 120]. По инициативе А. Ф. Керенского предпринимались попытки образования организации «Все-российский союз беспартийной интеллигенции». В основу программы планировалось положить республиканские установки, в целом союз должен был оказаться левее кадетов [2, с. 239]. Не исключена причастность масонов к созданию инициативной группы Российской радикально-демократической партии, также придерживавшейся идеи союза левых либералов с социалистическими элементами.

В то же время российские масоны отвергали революционный путь борьбы. Отношение вольных каменщиков отражает эпизод с эсером С. Д. Мсти-

славским: осенью 1915 г. он заявил о необходимости организации «заговора на жизнь государя», к чему большинство адептов отнеслось «в высшей степени отрицательно» [4, с. 65–66]. В воспоминаниях В. А. Оболенского сказано: «Среди масонов были, конечно, люди, желавшие революции и занимавшиеся революционной пропагандой. Но много было и ее противников. Большинство <...> во всяком случае отвергало революцию во время войны» [16, с. 449].

Важным направлением деятельности масонских организаций в России являлось проведение агитационных кампаний. Главной из них была кампания, результатом которой должна была стать негативная оценка фигуры Г. Е. Распутина и его роли при дворе. Началась она еще в 1913–1914 гг.: Верховный совет ВВНР размножал и распространял агитационные брошюры и другие материалы [4, с. 40]. Деятельность масонов способствовала дискредитации правящей династии.

Отдельные российские вольные каменщики приняли участие в обсуждении и подготовке планов дворцового переворота, центром заговора считалась ложа Верховного совета. По поручению руководства ВВНР А. Ф. Керенский и другие видные братья объехали провинциальные города, в которых провели соответствующую агитацию, лидеры российского масонства собирали деньги на нужды дворцового переворота. Однако после решительного протеста украинских масонов работа по подготовке переворота была прекращена, а центр заговора переместился к группе А. И. Гучкова [4, с. 88, 92–93, 95–96; 7, с. 119–120]. Тем не менее руководители Верховного совета ВВНР через Н. В. Некрасова, входившего в состав заговорщиков, и через других братьев были хорошо осведомлены о планах устранения Николая II. В воспоминаниях А. Ф. Керенского сообщается: «Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту» [11, с. 106]. Эта подготовка завершилась учреждением накануне Февральской революции информационного центра левых партий с целью согласования действий оппозиции с деятелями из революционного лагеря, а также для информирования населения о результатах переворота [4, с. 70–71; 11, с. 106].

Летом 1916 г. в Петрограде состоялся последний масонский конвент в России, заседания которого проходили в квартире кадета В. А. Степанова и длились два дня. Кроме столичных, на конвенте были представлены масонские ложи Москвы, Киева, Екатеринбурга, Саратова, Харькова, Самары, Одессы, Ревеля, Риги, Полтавы, Вильно и Витебска. Как указывалось выше, к этому времени связи виленских масонов с ВВНР фактически прервались. Скорее всего именно в связи с этим мандат от виленских лож, как и мандат от Витебска, был передан кому-

то из петроградских масонов [4, с. 68]. В первую очередь на последнем конвенте были заслушаны доклады Верховного совета о делах на фронте, а также сообщения с мест. Затем делегаты приступили к обсуждению общеполитических вопросов. Большая группа провинциальных масонов настаивала на переходе к революционным методам борьбы, указывая на то, что с царским правительством Россия не сможет победить в войне. Однако благодаря убедительным выступлениям Н. В. Некрасова, В. А. Степанова и А. Я. Гальперна итоговая резолюция была составлена в духе политики Верховного совета, т. е. без учета революционного порыва масонских низов [4, с. 68; 7, с. 114; 6, с. 70].

Интерес к российскому оппозиционному движению со стороны зарубежных масонских центров, которые предпринимали ряд попыток установления связи с отдельными представителями Прогрессивного блока, усиливается в 1916 г. Так, Б. А. Энгельгардт во время пребывания в Париже в составе российской парламентской делегации весной 1916 г. получил открытку, на которой был изображен колокол русской церкви в Вене и присутствовала надпись: «Призывайте к объединению всех народов». По замечанию самого Б. А. Энгельгардта, послание являлось приглашением в масонскую ложу, от которого он в силу своих консервативных убеждений отказался [8, л. 57]. В то же время представители ВВНР не были приглашены на Парижскую конференцию масонства держав Антанты, состоявшуюся 14–15 января 1917 г. Вопреки этому Масон В. В. Балвинский прибыл на конференцию и попытался добиться признания от ВВФ, однако эти действия не принесли результатов [2, с. 258]: французские масоны не хотели портить отношения с официальной властью России.

ВВНР все больше терял Масонский характер. Окончательный отход организации от масонства, даже в его наиболее политизированных формах, полагает А. И. Серков, произошел в январе – феврале 1917 г. Число лож сократилось до 28–30, фактически вся работа велась группой руководителей Верховного совета: А. Ф. Керенским, А. И. Коноваловым, Н. В. Некрасовым, А. Я. Гальперном и др. На наш взгляд, А. И. Серков делает верный вывод о том, что накануне февральско-мартовских событий 1917 г. произошел переход от политического масонства к политической группе [7, с. 121–122].

Во время вооруженного восстания в Петрограде политические масоны приняли участие в создании Временного правительства. В дни восстания не проводились официальные заседания Великого Востока народов России, но руководители организации

(А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов и др.) держались вместе, советуясь друг с другом касательно каждого вопроса [4, с. 71]. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, которые, не преувеличивая значения масонства в февральско-мартовские дни 1917 г., полагают, что оно сыграло роль в формировании первого буржуазного кабинета [1–3; 27].

На лидерство во Временном правительстве претендовал руководитель кадетов П. Н. Миллюков. Пять из двенадцати членов правительства принадлежали к Конституционно-демократической партии. Также П. Н. Миллюков рассчитывал на поддержку лояльно относившегося к кадетам Г. Е. Львова и представителей консервативного крыла Думы – В. Н. Львова и И. В. Годнева. Однако важную роль при принятии решений во Временном правительстве стали играть связи не партийного, а личного свойства. Именно благодаря им удалось выдвинуться в лидеры А. Ф. Керенскому, который опирался на министров-масонов А. И. Коновалова, Н. В. Некрасова и М. И. Терещенко. После А. Ф. Керенский говорил, что все четверо были связаны «личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера» [27, с. 478].

Масонские ложи выступали активными участниками создания органов новой власти в провинции. Влиятельный российский масон А. Я. Гальперн уже после революции вспоминал: «...когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или какой-нибудь другой видный административный пост, то, прежде всего, мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор» [4, с. 72]. Так, уже в начале марта витебские вольные каменщики выступили с инициативой создания городского общественного комитета, в который вошли представители различных социальных и профессиональных групп населения. Председателем комитета стал А. О. Волкович [28, с. 3]. После его визита в Петроград Временное правительство признало Витебский городской общественный комитет органом центральной власти в Витебске, а 17 марта 1917 г. А. О. Волкович был избран городским головой [29, с. 3]. Временное правительство назначило его губернским комиссаром. Один из бывших руководителей местного отдела кадетской партии, активный член масонской ложи встал во главе управления Витебской губернии. К масонству принадлежали и некоторые другие руководители губернской и городской администрации [30, с. 104].

Заключение

Российское политическое масонство оказало большое влияние на борьбу за власть накануне

и во время второй российской революции. В своем развитии масонство прошло два этапа: на первом

(1906–1910 гг.) российские вольные каменщики действовали под эгидой «Великого Востока Франции», придерживаясь умеренно-либерального направления; а на втором (1910–1917 гг.) крупнейшей масонской организацией являлся «Великий Восток народов России», ядро которой составляли представители партии конституционных демократов, что способствовало вовлечению масонов

в оппозиционную деятельность. Вольные каменщики поддерживали Прогрессивный блок в его противостоянии с царским правительством, оказывали воздействие на функционирование Временного правительства первого состава. Значительное развитие масонское движение получило на территории Литвы и Беларуси, где в основном члены организации придерживались «краевой» идеологии.

Библиографические ссылки

1. Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 24–35.
2. Соловьев О. Ф. Русское масонство 1730–1917 гг. М., 1993.
3. Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века : пособ. к спец. курсу. СПб., 1996.
4. Николаевский Б. И. Русские масоны и революция / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1990.
5. Брачев В. С. Русское масонство XX века. СПб., 2000.
6. Смалянчук А. 3 гісторыі віленскага масонства XX ст. // Спадчына. 1998. № 5. С. 50–58.
7. Серков А. И. История русского масонства, 1845–1945. СПб., 1997.
8. Энгельгардт Б. А. Воспоминания // Отд. рукоп. Рос. Нац. 6-ки. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 29.
9. Фрагменты Дзеньніку М. Ромэра / пер. А. Смалянчука // Спадчына. 1998. № 5. С. 59–67.
10. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гугероўскага інстытута вайны, рэвалюцыі і міра) / вступ. ст. і комент. В. И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134.
11. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте : мемуары / пер. с англ. Г. Шахов. М., 1996.
12. Сташкевіч М. С. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) // Беларусь. гістарычны часоп. 1999. № 3. С. 18–19.
13. Из следственных дел Н. В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов (вступительная статья В. В. Поликарпова) // Вопр. истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.
14. Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы / под ред. В. В. Поликарпова. Вып. 2. М., 1990. С. 134–155.
15. Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
16. Серков А. И. Русское масонство, 1731–2000 (Энциклопедический словарь). М., 2001.
17. Латышонак А. Нацыянальнасць – Беларус. Мінск, 2009.
18. Вольные муляры ў беларускай гісторыі. Канец XVIII – пачатак XX ст. / уклад. і навук. рэд. А. Ф. Смалянчука. Вільня, 2005.
19. Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР / науч. ред. В. Н. Михнюк. Минск, 1997.
20. Письма А. И. Луцкевича к П. Н. Милюкову (1911–1912 гг.) // Гос. архив Рос. Фед. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4939.
21. Новина А. И. Итоги и перспективы «национальной» политики в Белоруссии // Речь. 1911. С. 5.
22. Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. / сост. Н. И. Канищева. М., 2000. Т. 2 : 1908–1914 гг.
23. Канищева Н. Коллюбакин Александр Михайлович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1996.
24. Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков ; М., 1997.
25. В обществах и собраниях // Вечерняя газета (Вильно). 1915. С. 2.
26. Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.
27. Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
28. Общее собрание В.Г.О.К. // Витебский листок. 1917. 18 марта. С. 2–3.
29. А. О. Волкович – городской голова // Витебский листок. 1917. 17 марта. С. 3.
30. Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962.

References

1. Hass L. [Once again about the Freemasonry in Russia at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. 1990. No 1. P. 24–35 (in Russ.).
2. Solovyev O. F. [Russian Freemasonry 1730–1917]. Moscow, 1993 (in Russ.).
3. Startsev V. I. [Russian political Freemasonry of the early twentieth century. Allowance for special course]. Saint Petersburg, 1996 (in Russ.).
4. Nikolaevskij B. I. [Russian masons and revolution]. Moscow, 1990 (in Russ.).
5. Brachev V. S. [Russian Freemasonry of the XX century]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
6. Smolyanchuk A. [From the history of Vilno freemasonry of the XX century]. *Spadchyna*. 1998. No. 5. P. 50–58 (in Belarus.).
7. Serkov A. I. [The history of Russian freemasonry, 1845–1945]. Saint Petersburg, 1997 (in Russ.).
8. Engelgardt B. A. [Memories] *Dep. Manuscr. Russ. Nat. Libr.* Fund 1052. R. 1. P. 29 (in Russ.).
9. Smolyanchuk A. (ed.) [Notes from M. Romer's diary]. *Spadchyna*. 1998. No. 5. P. 59–67. (in Belarus.).
10. [Russian political freemasonry. 1906 – 1918 rr. (Documents from the archive of the Hoover Institution of War, Revolution and Peace). Introduction and comments by B. I. Startsev]. *Istoriya SSSR*. 1989. No. 6. P. 119–134 (in Russ.).

11. Kerenskiy A. F. [The Kerenskiy memories Russia and history turning point]. Moscow, 1996 (in Russ.).
12. Stashkevich M. S. [Premises and the process of political parties formation on the territory of Belarus (the end of the XIX c. – February 1917)]. *Belaruski gistarichny chasopis*. 1999. No. 3. P. 18–19 (in Belarus.).
13. [From the investigative cases of N. V. Nekrasov 1921, 1931 and 1939] (Introduction by V. V. Polikarpov). *Voprosy istorii*. 1998. No. 11–12. P. 10–48 (in Russ.).
14. Hass L. [Russian Masons of the first decades of the XX]. Moscow, 1990. P. 134–155 (in Russ.).
15. Obolenskiy V. A. [My life, my contemporaries]. Paris, 1988 (in Russ.).
16. Serkov A. I. [Russian Freemasonry, 1731–2000 (Encyclopedia dictionary)]. Moscow, 2001 (in Russ.).
17. Latyshonok A. [Nationality – Belarusian]. Minsk, 2009 (in Belarus.).
18. Smolyanchuk A. F. (ed.). [Freemasons in the Belarusian history. The end of the XVIII – the beginning of the XX]. Vilno, 2005 (in Russ.).
19. Mihnyuk V. N. (ed.). [Anton Lutsevich: Materials of the investigative case of the NKVD BSSR]. Minsk, 1997 (in Russ.).
20. [Letters from A. I. Lutskevich to P. N. Milyukov (1911–1912 rr.)]. State Archive Russ. Fed. Fund 579. R. 1. P. 4939 (in Russ.).
21. Novina A. I. [Results and prospects of the «national» policy in Belarus]. *Rech*. 1911. P. 5 (in Russ.).
22. Kanischeva N. I. [The congresses and conferences of the Constitutional Democratic Party] : in 3 vol. Moscow, 2000. Vol. 2 : 1908–1914 (in Russ.).
23. Kanischeva N. [Kolyubakin Alexandr Mihailovich]. *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX vv.* [Political parties of Russia. The end XIX – first third of the XX]. Moscow, 1996 (in Russ.).
24. Berberova N. N. [People and lodges. Russian Masons of the XX century]. Kharkov ; Moscow, 1997 (in Russ.).
25. [In societies and meetings]. *Vechernyaya gazeta* (Vilno). 1915. May 15. P. 2 (in Russ.).
26. Averh A. Ya. [Masons and Revolution]. Moscow, 1990 (in Russ.).
27. Milyukov P. N. [Memories]. Moscow, 1991 (in Russ.).
28. [General meeting of V.G.O.K.]. *Vitebski listok*. 1917. March 18. P. 2–3 (in Russ.).
29. [A. O. Volkovich – mayor]. *Vitebski listok*. 1917. March 17. P. 3 (in Russ.).
30. Aronson G. [Russia on the eve of the revolution. Historical studies. Monarchists, liberals, masons, socialists]. New York, 1962 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.

АНТРАПАЛОГІЯ РЭВАЛЮЦЫІ: ПАЎСЯДЗЁННАЕ ЖЫЦЦЁ МІНЧАН У 1917 г.

А. А. ГУЖАЛОЎСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца асаблівасці паўсядзённых практык насельніцтва Мінска паміж Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыямі 1917 г. Аналізуецца паводзіны гарадскіх жыхароў ва ўмовах змены ўлады, ваенных дзеянняў, гаспадарчай разрухі. Характарызуецца спробы самастойнага вырашэння праблем насельніцтвам.

Ключавыя словы: Лютаўская рэвалюцыя; Першая сусветная вайна; насельніцтва горада; паўсядзённасць; забеспячэнне; злачыннасць; беспрацоўе; адпачынак; бежанцы.

АНТРОПОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МИНЧАН В 1917 г.

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются особенности повседневных практик населения Минска между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Анализируется поведение городских жителей в условиях смены власти, военных действий, хозяйственной разрухи. Характеризуются попытки самостоятельного решения бытовых проблем населением.

Ключевые слова: Февральская революция; Первая мировая война; население города; повседневность; снабжение; преступность; безработица; досуг; беженцы.

ANTHROPOLOGY OF REVOLUTION: DAILY LIFE OF MINSK RESIDENTS IN 1917

А. А. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses the peculiarities of everyday practices of the population of Minsk between the February and October revolutions of 1917. The behavior of urban residents under conditions of a change of power, military action, economic disruption is analyzed. Attempts to solve domestic problems independently are characterized.

Key words: February Revolution; First World War; city population; everyday life; crime; unemployment; leisure time; refugees.

Образец цитирования:

Гужалоўскі А. А. Антрапалогія рэвалюцыі: паўсядзённае жыццё мінчан у 1917 г. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 20–29.

For citation:

Huzhalouski A. A. Anthropology of revolution: daily life of Minsk residents in 1917. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 20–29 (in Belarus.).

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and art history, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com

Уводзіны

Нягледзячы на вялікую колькасць літаратуры, прысвечанай падзеям 1917 г. у Мінску, тагачаснае паўсядзённае жыццё людзей застаецца малавывучаным [1–3]. Народныя масы ў большасці прац выступаюць у якасці фону для аповеду пра важныя гістарычныя падзеі. Нявывучанымі застаюцца рэальныя жыццёвыя праблемы і інтарэсы «маленькага» чалавека, яго каштоўнасныя арыен-

тацыі ў пераломны момант гісторыі. Між тым пранікненне ў псіхалогію людзей, якія перажывалі рэвалюцыйныя трансфармацыі, рэканструкцыя іх бытавых практык і паводзін дазволіць не толькі зазірнуць на ніжнія паверхі гістарычнага працэсу, якім традыцыйна не надаецца належнай увагі, але і лепш зразумець логіку развіцця палітычных падзей 1917 г.

Асноўная частка

На пачатку XX ст. Мінск паступова ператвараўся ў эканамічны, палітычны і культурны цэнтр беларускіх этнічных земляў. Адпаведна адбываліся змены ў паўсядзённым жыцці насельніцтва горада, якое рабілася больш сацыяльна і этнічна разнастайным, дынамічным, ліберальным. Побыт гараджан змяняўся пад уздзеяннем развіцця прамысловай вытворчасці, транспарту, новых тэхналогій у камунальнай гаспадарцы. Змены ў традыцыйных паўсядзённых практыках мінчан адбываліся не толькі ў выніку мадэрнізацыйных працэсаў, але і пад уплывам Першай сусветнай вайны. У Мінску знаходзіўся штаб Заходняга фронту, прадстаўніцтвы розных арганізацый па яго матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні, ваенная камендатура, гарнізон. Кожны дзень праз Віленскі і Аляксандраўскі вакзалы па чыгунцы ў бок фронту везлі ваеннаслужачых, тэхніку, харчовыя тавары, у адваротны бок ішлі санітарныя саставы з параненымі і хворымі. Горад апынуўся ў цэнтры вызначанай камандуючым Заходнім фронтам рысы Полацк – Мінск – Мазыр, на захад ад якой пачыналася прыфрантавая зона. Знаходзіцца ў яе межах без адпаведнага дазволу цывільным асобам было забаронена.

Падчас вайны змяняліся дэмаграфічныя паказчыкі, умовы сацыяльнага і бытавога існавання, а разам з імі – асноўныя характарыстыкі гарадской паўсядзённасці. Калі да пачатку вайны ў Мінску пражывалі 110 тыс. чалавек, то ў 1917 г. гэта лічба павялічылася амаль у два разы і дасягнула 200 тыс. чалавек, а разам з прыгарадамі – 250 тыс. чалавек. Усе яны размясціліся ў 7,1 тыс. будынкаў на плошчы 20 кв. верст¹. Усеагульная мабілізацыя прывяла да замены больш як паловы карэннага мужчынскага насельніцтва Мінска ваеннымі, рабочымі і служачымі тылавых арганізацый, а таксама ваеннапалоннымі. У горадзе і наваколлі з'явілася шмат бежанцаў, якія колькасна павялічылі этнічныя групы палякаў і рускіх, а таксама стварылі новыя супольнасці – групы латышоў і літоўцаў. Паводле перапісу насельніцтва, які праводзіўся мінскай гарадской управай у верасні 1917 г., суадносіны

асноўных этнічных груп, што пражывалі ў той час у горадзе, выглядалі наступным чынам: 44 % яўрэяў, 26,5 % рускіх, 23,4 % палякаў, 2,4 % беларусаў [1, с. 21].

Сярод прадстаўнікоў новых этнічных супольнасцей, якія з'явіліся ў Мінску, былі кітайцы, якія працавалі пераважна на тылавых будаўнічых, дарожных, пагрузачна-разгрузачных працах. Некаторыя з іх, напрыклад шпага- і змееглытальнікі, уносілі ў гарадское вулічнае жыццё новыя экзатычныя фарбы². На цяжкіх фізічных працах былі таксама заняты прадстаўнікі іншых, невядомых для большасці гараджан, нацыянальных груп – сарты (узбекі і таджыкі) і кіргізы (уласна кіргізы і казахі). Яны не размаўлялі па-руску, не ўступалі ў кантакт з мясцовым насельніцтвам і жылі ў палатках у наваколлі горада.

Калі 27 лютага 1917 г. у Петраградзе пачалося ўзброенае паўстанне, жыццё мінчан ішло сваім звычайным мерным ходам. Раніцай мінскі губернатар У. А. Друцкі-Сакалінскі прыняў гарадскога галаву С. Б. Хржанстоўскага. Падчас іх размовы абмяркоўвалася апошняя пастанова Мінскай гарадской думы аб забароне вытворчасці ва ўмовах дэфіцыту ў горадзе цукру, салодкіх мучных вырабаў. Мінскі паліцмайстар А. А. Лебядя ў той дзень, напярэдадні крыгаходу, выправіўся аглядаць берагі Свіслачы, а таксама небяспечныя ледзяшы, што ўтварыліся на дахах дамоў. Удзень сваякі і былыя пацыенты пахавалі ардынатар Мінскага яўрэйскага шпітала Г. Я. Ліўшыц, якая дзякуючы сваёй дабрыні і прафесіяналізму карысталася вялікай папулярнасцю ў бедных мінчан. Бліжэй да вечара прыхільнікі творчасці І. Мазжухіна запоўнілі кіна-тэатр «Эдэн», дзе дэманстравалася псіхалагічная драма «На вяршыні славы». Аматыры тэатральнага мастацтва накіраваліся на прэм'еру п'есы «Злачынства на заезным двары» ў выкананні трупы Кіеўскага гарадскога тэатра³.

Але ўжо на пачатку сакавіка выгляд вуліц горада змяніўся. З былой Саборнай плошчы, перайменаванай у плошчу Свабоды, знік помнік імператару Аляксандру II. У скверы, на трэку, каля Залатагор-

¹Минский голос. 1917. 26 апр. (№ 2412). С. 3.

²Консторум И. Китайцы // Варшав. утро. 1917. 2 июля (№ 397). С. 3.

³Минский голос. 1917. 27 февр. (№ 2362). С. 1–4.

скага касцёла штодня праходзілі мітынгі. У гарадской прасторы дамінаваў чырвоны колер шматлікіх рэвалюцыйных сцягоў, транспарантаў, а таксама бантаў, якія прымацоўвала да грудзей дэмакратычная грамадскасць. У красавіку газета «Мінский голос» паведамляла: «Апошнім часам у Мінск прыбылі з ссылкі і турмаў шмат вызваленых палітычных, якія вяртаюцца, як кажуць, у чым бог паслаў»¹ (тут і далей пераклад наш. – А. Г.). Непрыемнымі прыкметамі надыходу рэвалюцыйнага часу было павелічэнне крымінальнай вулічнай актыўнасці і засмечанасць грамадскіх месцаў.

У 1917 г. у Мінску яшчэ больш, чым у папярэднія ваенныя гады, узрос дэфіцыт жылля. Гэта было абумоўлена дадатковай нагрузкай на інфраструктуру горада ў выніку рэвалюцыйных падзей. Да старых праблем, такіх як размяшчэнне тылавых арганізацый і параненых (у Мінску пражывалі 6 тыс. воінаў-калек), дадаліся новыя: наплыў з Гродзенскай і Віленскай губерняў бежанцаў, якія спрабавалі вярнуцца дамоў у спадзяванні на хуткае рэвалюцыйнае замірэнне. Пасля захопу немцамі Рыгі ў Мінск прыбыла новая хваля бежанцаў, на гэты раз з захаду. У выніку павелічэння колькасці насельніцтва пакой сярэдніх памераў у кватэры альбо доме летам каштаваў прыкладна 150 руб. у месяц. Рост цэн на жыллё прыпыніла пастанова Часовага ўрада, якая з 5 жніўня 1917 г. абмяжоўвала кватэрную плату памерамі, якія існавалі да 19 ліпеня 1914 г., а таксама забараняла домаўласніку ў аднабаковым парадку высяляць наймальніка жылля².

У ліпені Мінская гарадская дума павялічыла падатак на нерухомасць у залежнасці ад яе прыбытковасці на 32–65 %, а таксама падатак для ўладальнікаў аўта-, мота- і велатэхнікі, коней і сабак. Так, за ўтрыманне сабакі яе ўладальнік быў абавязаны плаціць гораду 10 руб. у год. Павялічыліся таксама кошты на камунальныя паслугі. Напрыклад, новы тарыф на электрычнасць для фізічных асоб павысіўся да 70 капеек за кілават, для камерцыйных устаноў – да рубля. Месячная абаненцкая плата за тэлефон узнялася амаль напалову і складала 8 руб. У кастрычніку павысіліся тарыфы на праезд у грамадскім транспарце (конным трамваі)³.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі паскорыўся працэс інфляцыі: абсяцэнняўся расійскі папярковы рубель, што ў спалучэнні з павышэннем цэн прыводзіла да падзення жыццёвага ўзроўню насельніцтва. У 1917 г. старшыня Мінскай гарадской думы атрымліваў 450 руб. у месяц, будаўнічы рабочы – 200, журналіст – 150, міліцыянер – 140, настаўнік – 100,

сястра міласэрнасці – 70, тэлефаністка – 40, прачка – 30 руб. Што ў рэальнасці стаяла за гэтымі лічбамі, дазваляюць уявіць наступныя радкі з дзённіка мінскага рабочага-чыгуначніка І. П. Голубева, чыя прафесія з’яўлялася адной з найбольш высокааплачваных: «1 кастрычніка 1917. Нядзеля. Зайшоў у ашчадную касу, унёс грошай 300 руб. на сваю кніжку. Заробак атрымаў за жнівень у памеры 427 руб. 30 кап. Заробак даволі вялікі, але страшэнная дарагоўля ўсё жарэ. Цяпер фунт сала каштуе 3 руб. 50 кап., фунт масла – 4 руб. 50 кап., фунт жытняга хлеба – 20 кап., боты – 150 руб. Пра адзенне страшна і казаць. Рабочы гарнітур – 100 руб. і г. д. За тры гады я сабе ніякага адзення не набыў, усё старое даношваю, перашываю. І таму ў мяне невялікая эканомія атрымліваецца»⁴.

На пачатку жніўня ў Мінскім Савеце рабочых і салдацкіх дэпутатаў знаходзілася на ўліку звыш тысячы беспрацоўных. Акрамя іх, у горадзе была вялікая колькасць незарэгістраваных асоб, якія шукалі працу. Іх стала яшчэ больш пасля закрыцця ў сярэдзіне жніўня папіроснай і канвертнай фабрык, дзе працавалі больш за 500 рабочых. Мінская гарадская дума выдзеліла для дапамогі беспрацоўным суму ў памеры 30 тыс. руб.⁵

У гэтых умовах без працы засталіся перш за ўсё прадстаўнікі інтэлігентных прафесій – інжынеры, настаўнікі, бухгалтары, – якія не маглі знайсці ніякай працы. Крыху прасцей было працаўладкавацца цеслярам, кавалям, швачкам, але і ім прапаноўваліся пераважна вакансіі з мізэрнай аплатай. Будаўнік І. З. Грабенчык так ахарактарызаваў сітуацыю на гарадскім рынку працы для прадстаўнікоў яго прафесіі: «Пасля Лютаўскай рэвалюцыі беспрацоўе было неверагоднае, ніхто нічога не будаваў. Будаўнікі натуральна галадалі, займаліся чым заўгодна, напрыклад, ехалі на вёску класці печ за пуд мукі»⁶.

На фоне галечы асноўнай масы гараджан выдзяляўся шыкоўны лад жыцця штабістаў, «земгусараў», а таксама розных дзялкоў і спекулянтаў, якія нажывалі на аперацыях па пастаўках у дзеючую армію вялікія грошы. Кожны вечар у лепшай у горадзе кавярні «Селект» пакідалі значныя сумы дарага апаранутыя мужчыны і жанчыны. Мінскія гандляры дэманстравалі высокую ступень прыстасавальнасці да любога палітычнага рэжыму і здольнасць абыходзіць усе забароны. Зрэшты, у гандлі, які рабіўся сродкам выжывання, спрабавалі сябе прадстаўнікі розных сацыяльных груп, нават салдаты, якія адкрыта прадавалі казённую маёмасць на рынках горада.

¹Мінский голос. 1917. 26 апр. (№ 2412). С. 3.

²Журнал заседаний Временного правительства, март–октябрь 1917 г. М., 2001. Т. 3. С. 240–249.

³Нац. гіст. архіў Беларусі. Ф. 24. Воп. 1. Спр. 3659. Арк. 72, 73.

⁴«Счастье мое...» Дневники Иосифа Голубева. 1916–1923. Минск, 2002. С. 86.

⁵Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 24. Воп. 1. Спр. 3660. Арк. 66.

⁶Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 60п. Воп. 4. Спр. 128. Арк. 2.

На працягу вайны сельскагаспадарчая вытворчасць скарачалася, абмен паміж вёскай і горадам парушаўся, узрасла грашовая-папяровая эмісія, што прыводзіла да зніжэння курса рубля. Неўзабаве пасля пачатку вайны з мэтай барацьбы супраць павышэння цэн на прадукты харчавання мінскія ўлады – губернатар, гарадская дума, ваенна-харчовая камісія – пачалі ўводзіць таксы – верхні цэнавы максімум. Таксаваліся аптovyя і рознічныя цэны на базавыя прадукты харчавання, такія як хлеб, мяса, цукар, рыба, алей, што ва ўмовах адсутнасці адзінай дзяржаўнай сістэмы рэгуліроўкі цэн часта прыводзіла да іх знікнення з Мінска і з'яўлення ў іншых месцах па больш высокіх, рыначных коштах. З 1915 г. Мінская гарадская дума ўввля абмежаванні ў спажыванні мясапрадуктаў, тады ж з'явілася нармаваная (па бонах) выдача жыхарам мукі, мяса, рыбы, круп, солі¹.

Адным з першых крокаў Часовага ўрада, накіраваных на стабілізацыю харчовага рынку, было ўвядзенне хлебнай манаполіі: 25 сакавіка 1917 г. з'явіўся закон «Аб перадачы хлеба ў распараджэнне дзяржавы», згодна з якім вытворца павінен быў прадаваць дзяржаве па цвёрдых коштах усе лішкі збожжа². Гэты захад не даў чаканых вынікаў і прывёў да масавай спекуляцыі, пашырэння чорнага рынку і яшчэ большага павелічэння цэн. Бескантрольная папярова-грашовая эмісія разбурала таварна-грашовую сістэму, што прыводзіла да пашырэння карткавай сістэмы размеркавання. На працягу 1917 г. у Мінску з'явіліся боны на цукар, яйкі, масла, гарбатку, газу, дровы, а таксама некаторыя іншыя спажывецкія тавары. Бонавыя кніжкі гараджане атрымлівалі ў харчовым камітэце пры наяўнасці пашпарта і выпіскі з дамовай кнігі³.

Атаварваліся боны ў крамах, да якіх гараджане прымацоўваліся па месцы жыхарства. Напрыклад, у сярэдзіне чэрвеня мучнымі вырабамі жыхароў горада забяспечвала 101 хлебная крама з разліку 2 фунты (819 г) на чалавека на тыдзень па цане 23 кап. за бохан. Рабочыя, занятыя на фізічных работах, атрымлівалі паўтарачную норму. Ва ўмовах збожжы ў пастаўках мяса з паўднёвых губерняў мінскія мяснікі, нягледзячы на ўведзеныя таксы, узнялі цану на тавар да 2 руб. 30 кап. за фунт. У той жа час «беларускі хлеб» – бульбу, якая знаходзілася ў вольным продажы, – можна было набыць па цане 1 руб. 60 кап. за пуд (10 кап. за кілаграм)⁴.

Увосень 1917 г., нягледзячы на намаганні губернскай харчовай управы, забеспячэнне Мінска прадуктамі, перш за ўсё хлебам, пагаршалася. У раздзеле афіцыйнай хронікі мінскай газеты «Варшавское утро» за 29 верасня чытаем: «Учора [Мінская] гарадская дума да позняй ночы абмяркоўвала перспектывы хлебнага голаду»⁵. Беларуская пісьменніца і грамадскі дзеяч Л. А. Сівіцкая-Войцік наступным чынам перадавала сітуацыю, што склалася ў горадзе ўвосень 1917 г.: «Цяжка тады жылося... Крамы пустыя, хлеб добра калі ўдалося купіць у салдатаў, на рынку пуста... прабавалі г. зв. “муку” з сухіх абаранкаў. Толькі бульбы то яшчэ купіць можна было. Былі дні, калі на снеданне замест хлеба ды гарбаты мама смажыла бульбяныя блінкі»⁶. Вялікай радасцю для дачкі і маці быў прыезд з фальварка Мігаўка А. Уласава, які прывёз адтуль «аграмадны бохан хлеба». Паралельна з нарміраванай сістэмай размеркавання прадуктаў існаваў вольны рынак, дзе можна было набыць літаральна ўсё – ад антыкварных прадметаў да аўта- і мотатэхнікі. Цэны на асноўныя прадукты харчавання з лютага па кастрычнік выраслі на ім у 5–8 разоў.

Найбольш запатрабаваным на рынку таварам быў алкаголь, продаж якога забаранілі яшчэ ў 1914 г. Збытам алкагольных вырабаў у Мінску займаліся рэстараны, кавярні, чайныя, якія перыядычна штрафаваліся і нават зачыняліся за незаконны гандаль. Тым не менш звышдаходы, якія атрымлівалі ўдзельнікі нелегальнага алкагольнага гандлю, пераважаў страх пакарання. Напрыклад, пры двухрублёвым сабекошце вырабу бутэлькі самагону яна прадавалася ў залежнасці ад гатунку ад 5 руб. («ханжа») да 28 руб. («крышталізацыя»). Бутэлка спірту каштавала на чорным рынку 50 руб.⁷

Ва ўмовах харчовых цяжкасцей Мінская гарадская дума стварыла арцель сельскагаспадарчых работных, якая складалася з бежанцаў і ваеннапалонных. Іх намаганнямі ўвосень 1917 г. горад атрымаў неблагі ўраджай бульбы, капусты і морквы ва ўрочышчы Людамонт⁸. Адначасова жыхары горада паводле ўласнай ініцыятывы арганізоўвалі пункты гармадскага харчавання. З сярэдзіны красавіка ад 14-й да 16-й гадзіны абеды па прымальных коштах прапаноўвала «беларуская сталовая»⁹. Уласныя сталовыя мелі земскія ўстановы і прафсаюзныя арганізацыі. У першым нумары друкаванага органа Мінскага Савета работных і салдацкіх дэпутатаў паведамлялася, што «...у сувязі харчовым крызісам

¹Новая серія прадуктоваў по бонам // Минский голос. 1917. 25 янв. (№ 2329). С. 3.

²Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград, 1917. Вып. 1. С. 69–109.

³Минский голос. 1917. 2 июня (№ 2442). С. 4.

⁴Варшав. утро. 1917. 2 июня (№ 2442). С. 3.

⁵Варшав. утро. 1917. 2 июня (№ 2442). С. 3.

⁶Верас З. Выбраныя творы. Мінск, 2015. С. 138.

⁷«Ханжа» и «самогонка» // Варшав. утро. 1917. 30 авг. (№ 442). С. 3.

⁸Варшав. утро. 1917. 19 сент. (№ 458). С. 3.

⁹Минский голос. 1917. 14 апр. (№ 2403). С. 1.

у хуткім часе адкрываецца сталовая-буфет для членаў Выканаўчага камітэта і Савета. Абеды і вячэры будуць адпускаць па сабекошце»¹.

Санітарнае становішча ў Мінску рэзка пагоршылася пасля з'яўлення ў горадзе вайсковых кантынентаў, а таксама плыней бежанцаў. У 1915 г. у дапамогу камітэту Мінскай гарадской думы, які адказваў за санітарна-эпідэміялагічнае становішча, камітэт Заходняга фронту Усерасійскага саюза гарадоў стварыў ваенна-санітарную камісію. Сітуацыю ўскладнялі прыродныя катаклізмы, у прыватнасці паводка, якая адбылася ў Мінску ў канцы сакавіка 1917 г. Тады ўзровень вады ў Свіслачы ўзняўся на паўтара сажня, у выніку чаго былі затоплены першыя паверхі многіх дамоў, загінулі людзі. На непрацяглы час спыніла працу гарадская электрастанцыя, а разам з ёй і водаправод².

Думскі камітэт па наглядзе за санітарным становішчам 31 сакавіка 1917 г. распрацаваў, а камісія ўхваліла пастанову, у адпаведнасці з якой домаўласнікі кожнай мінскай вуліцы абавязваліся абраць са свайго складу асобу, адказную за ўтрыманне ў чысціні не толькі вуліцы, але і прылеглых да яе двароў. Гэтыя асобы надзяляліся правам рабіць неахайным гаспадарам заўвагі, а ў выпадку іх ігнаравання – паведамляць участковаму камісару міліцыі. Апошні складаў пратакол, які перадаваўся міравому суддзю. Той прымаў рашэнне аб навядзенні парадку, звычайна за кошт вінаватага домаўласніка³.

Востра стаяла праблема асенізацыі. Праз адсутнасць агульнагарадской каналізацыйнай сеткі выграбныя ямы і бруд на вуліцах павялічвалі верагоднасць узнікнення эпідэміі, павышалі колькасць захворванняў і ўзровень смяротнасці. На пачатку красавіка ваенна-санітарная камісія была вымушана звярнуцца да ваеннага камандавання Заходняга фронту з просьбай аб тэрміновым выдзяленні 30 тыс. руб. для ачысткі горада ад прадуктаў жыццядзейнасці яго насельнікаў у аб'ёме 58 тыс. вазоў⁴.

Пітная вада за межамі водаправода, якім карысталіся жыхары цэнтральнай часткі горада, была забруджана. Гэта стварала рэальную магчымасць узнікнення страўнікава-кішэчных эпідэмічных захворванняў. У чэрвені з мэтай папярэджання эпідэміі на гарадскіх рынках з'явіліся ёмістасці з кіпячонай вадой, а таксама плакаты санітарна-

асветніцкага зместу. Міліцыянеры перыядычна забіралі ваду з калодзежаў для правядзення мікрабіялагічных аналізаў⁵. Дадатковыя цяжкасці ў справе забеспячэння санітарна-гігіенічных норм гарадскога жыцця дадавала дзейнасць левых партый і прафсаюзаў. Напрыклад, у адказ на іх заклікі 20 ліпеня неабмежаваную па часе забастоўку абвясцілі работнікі ўсіх мінскіх лазняў⁶.

Праз перавышэнне норм шчыльнасці заселенасці ў Мінску павялічылася колькасць хворых на сыпны тыф. Для барацьбы з гэтай небяспечнай хваробай, якая да восені ў некаторых мясцовасцях Мінскай губерні набыла характар эпідэміі, Міністэрства ўнутраных спраў выдзеліла губернскаму камісару Б. М. Самойленку крэдыт у памеры 10 тыс. руб. Гарадская дума вырашыла адкрыць побач з Аляксандраўскім мостам бясплатную амбулаторыю для беднай часткі насельніцтва⁷.

Аднак колькасць хворых не змяншалася. Шмат заражаных было выяўлена ў рабочых дружнах Камітэта ўсерасійскіх земскага і гарадскога саюзаў па забеспячэнні арміі пад Мінскам. Сучаснік пакінуў наступнае апісанне санітарна-бытавых умоў, у якіх жылі рабочыя: «У зямлянцы даўжынёй 20 і шырынёй 8 аршынаў жыве больш за 100 чалавек. Святло і паветра ў ёй адсутнічае, на падлозе – бруд. Пасярэдзіне зямлянкі збудаваны двух'ярусныя брудныя нары, на якіх покатам спяць рабочыя разам з усёй сваёй маёмасцю. Значная іх колькасць наладзіла гнёзды пад нарамі, на голай зямлі. Палаткі кіргізаў маюць яшчэ больш сумны выгляд – без пячэй, падлогі і нар. Каб сагрэцца, кіргізы распальваюць вогнішчы ўнутры палатак. Вошай – хоць рыдлёўкай грабі. Няма пральні, сушылак, рукамыніц. Мужчыны і жанчыны жывуць разам»⁸.

Павялічылася таксама колькасць венерычных захворванняў. Пра вастрыню пытання барацьбы з імі сведчыла наступная аб'ява, якая з'явілася ў газеце «Минский голос» у канцы красавіка 1917 г.: «Школьны фельчар прымае па венерычных захворваннях і пранцах з паловы трэцяй да паловы сёмай па адрасе Захар'еўская 101–4»⁹. Ва ўмовах дэфіцыту кваліфікаванай медыцынскай дапамогі праблема венерычных захворванняў, якія набывалі эпідэмічны характар, асабліва сярод ваеннаслужачых, стала тэмай спецыяльнага пасяджэння ваенна-санітарнай камісіі ў сярэдзіне ліпеня. Было вырашана ўзмацніць нагляд за прастытуткамі, а таксама

¹Бюл. Минского совета рабочих и солдат. депутатов. 1917. 27 окт. № 1. С. 2.

²Минский голос. 1917. 28 марта (№ 2389). С. 3.

³Минский голос. 1917. 31 марта (№ 2392). С. 3.

⁴Минский голос. 1917. 6 апр. (№ 2396). С. 3.

⁵Варшав. утро. 1917. 14 июня (№ 357). С. 3.

⁶Варшав. утро. 1917. 14 июня (№ 357). С. 3.

⁷Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 24. Воп. 1. Спр. 3660. Арк. 66.

⁸Изв. Совета рабочих и солдатских депутатов, Минск. 1917. 27 авг. (№ 58). С. 4.

⁹Минский голос. 1917. 26 апр. (№ 2412). С. 4.

адкрыць некалькі новых бясплатных амбулаторый для «венерыкаў»¹. Першая з іх распачала прыём хворых (мужчын і жанчын) ужо на пачатку жніўня².

Сацыяльна-эканамічная сітуацыя ў горадзе, якая на працягу 1917 г. пагаршалася, паўплывала на рэзкае павелічэнне смяротнасці ў выніку атручвання алкагольнымі сурогатамі. Пра падобныя выпадкі ў раздзеле «Хроніка» рэгулярна паведамлялі гарадскія газеты, напрыклад: «Уначы на Кальварыйскай вуліцы знойдзена цела нежывой жанчыны. Атручванне дэнатуратам»³. Рэвалюцыйныя змены дадалі ў псіхіятрычнае аддзяленне губернскага земскага шпітала новых пацыентаў, колькасць якіх да сярэдзіны лета дасягнула 150 чалавек⁴.

У 1917 г. мінчане маглі штодня выправіцца з Аляксандраўскага вакзала на хуткім цягніку мясцовага фарміравання ў Маскву, а таксама на двух пасажырскіх – у Пагарэльцы і Лунінец. На Віленскім вакзале прадаваліся квіткі на пасажырскія цягнікі мясцовага фармавання «Мінск – Бахмач» і «Мінск – Маладзечна». Акрамя таго, праз мінскія вакзалы ішлі праходныя пасажырскія цягнікі (напрыклад, «Петраград – Кіеў»), а таксама вайсковыя і санітарныя эшалоны⁵. На працягу 1917 г. на чыгунцы павялічваліся крызісныя з'явы: скарачалася колькасць вагонаў і паравозаў, рухомы склад амаль не абнаўляўся, пагаршаўся стан пуцей. Вагоны ўсіх класаў, у тым ліку спальныя, былі перапоўнены ваеннаслужачымі, мяшэчнікамі, «зайцамі» з рознымі фіктыўнымі пасведчаннямі. Летам зніклі хуткія цягнікі, а чыгуначнікі ў сувязі з пагаршэннем крымінальнай сітуацыі атрымалі дазвол на нашэнне зброі. Стан анархіі, у які паступова пераходзіла чыгунка, непазбежна вёў да катастроф, адна з якіх адбылася 27 ліпеня паміж станцыямі Жодзіна і Вігенштэйнская. У той дзень пасажырскі цягнік сутыкнуўся з некалькімі вагонамі, якія адчапіліся ад санітарнага эшалона, у выніку чаго 9 чалавек загінулі, а 40 былі паранены⁶.

Дадатковую блытаніну ў работу мінскага транспарту, як чыгуначнага, так і гарадскога, унёс дэкрэт Часовага ўрада аб пераходзе краіны на летні час з 1 ліпеня 1917 г., калі стрэлкі гадзіннікаў трэба было перавесці на гадзіну наперад. У той дзень многім гараджанам, якія спазняліся, давялося замест коннага трамвая (конкі), дзе кошт праезду па-ранейшаму складаў 15 кап., скарыстацца паслугамі рамізнікаў, якія бралі за праезд ад плошчы Свабоды да Аляксандраўскага вакзала 2 руб. (ламавыя рамізнікі бралі за дастаўку грузаў на гэту адлегласць 12 кап.)⁷.

Пасведчанне, выдадзенае 8 ліпеня 1917 г. В. Л. Дылу ваенным камандантам Мінска палкоўнікам Кузьмінскім, якое дазваляла наведваць сваякоў у Слуцку

Certificate issued on July 8, 1917 to Jazep Dyla by military commandant of Minsk Colonel Kuzminsky, which allowed to visit J. Dyla's relatives in Slutsk

Лютаўская рэвалюцыя не выклікала радыкальных змен у баўленні мінчанамі вольнага часу, які з'яўляўся натуральным працягам патрэбы чалавека ў адпачынку, маральна-псіхалагічным і фізічным узнаўленні. Нягледзячы на рост коштаў, мінчане знаходзілі сродкі на набыццё квіткаў у культурна-забаўляльныя ўстановы. У гарадскім тэатры па-ранейшаму выступала трупя антрэпрэнёра Бяляева, які, апрача класічнай драматургіі, ставіў містычныя драмы М. Метэрлінка, а таксама п'есы рускіх сімвалістаў. На сцэне тэатра выступалі славетныя сталічныя гастралёры, такія як оперны спявак А. М. Давыдаў, драматычныя акцёры П. М. Арленеў і браты Адэльгейм. Вялікім поспехам у публіцы карысталіся ўкраінскія драматычныя калектывы, што прывозілі драмы і камедыі – «Запарожац за Дунаем», «Майская ноч», «Наталка-Палтаўка». Прадукцыю лёгкага жанру, кшталту аперэты, вар'етэ, кафэ-шантана, прапаноўвалі летні тэатр «Рэнесанс» у гарадскім садзе, «Камерны тэатр» на Саборнай плошчы, тэатры «Інтымны» на Маскоўскай

¹Варшав. утро. 1917. 15 июня (№ 408). С. 3.

²Варшав. утро. 1917. 11 авг. (№ 430). С. 1.

³Варшав. утро. 1917. 11 июля (№ 404). С. 3.

⁴Варшав. утро. 1917. 17 июня (№ 385). С. 3.

⁵Варшав. утро. 1917. 11 сент. (№ 452). С. 4.

⁶Варшав. утро. 1917. 28 июля (№ 418). С. 3.

⁷Гвоздь. Часовая неразбериха // Варшав. утро. 1917. 2 июля (№ 397). С. 3.

вулицы, «Акварыум» – на Хрышчэнскай, «Парыж» – на Петрапаўлаўскай. Там мелі поспех «песні вулицы» А. Загорскай, цыганскія раманы пад гітару Н. Дулькевіч, куплеты Г. Раздольскага, песні А. Вярцінскага ў выкананні Матэа, які выходзіў на сцэну ў касцюме П'еро. На Камароўцы размяшчаўся Амерыканскі клуб, які заўсёды збіраў шмат народу, бо, апрача кінасеансаў, на яго сцэне адбываліся паказы спектакляў, праходзілі эстрадныя выступленні, у ім працавала бібліятэка, буфет-столовая. Летам 1917 г. тут арганізавалася Першае беларускае таварыства драмы і камедыі¹.

Рэвалюцыя наклала адбітак на вытворчасць расійскіх кінематаграфічных кампаній. Працягваючы распрацоўваць такія жанравыя кірункі, як арыстакратычная трагедыя, містычная драма, авантурная камедыя, яны даволі хутка адгукнуліся на рэвалюцыйныя падзеі шэрагам дакументальных і мастацкіх стужак. Некалькі рэжысёраў і апэратараў здымалі гэтыя падзеі на вуліцах гарадоў. Першыя вынікі падобнай працы, зманціраваныя ў стужкі «Свята рэвалюцыі ў Маскве», «Вялікая расійская рэвалюцыя ў Петраградзе», «Прысяга камандуючага Маскоўскай ваеннай акругі на вернасць Расійскай дзяржаве», мінчане змаглі паглядзець у электратэатры «Мадэрн» ужо ў канцы сакавіка 1917 г.²

Наступны па папулярнасці пасля хронікі рэвалюцыі сюжэт, які распрацоўваўся ў мастацкім кіно, можна вызначыць як «Царская сям'я і Распуцін». У электратэатры «Гігант» поўныя залы збіралі сенсацыйныя карціны «Ганьба дома Раманавых», «Распуцін знойдзены», «Грышка і Аляксандра», у электратэатры «Эдэн» – «Мікалай і балярына», «Распуцін і яго атачэнне»³. Значную цікавасць мінчан таксама выклікалі першыя мастацкія стужкі, знятыя на рэвалюцыйную тэматыку, такія як «Жыццё і смерць лейтэнанта Шміта» альбо «Ахвяра сацыяльнай няроўнасці». Уладальнік электратэатра «Эдэн» рэкламаваў карціну «Вакханалія жарсці» як «знятую паводле рамана А. Мірбо – змагара за роўнасць і волю»⁴.

Разам са з'яўленнем фільмаў рэвалюцыйнай тэматыкі ў рэпертуары кінатэатраў горада ў 1917 г. павялічылася колькасць эратычных стужак, што было прамым вынікам адмены цензурных абмежаванняў. Назвы падобных фільмаў («Тайны гарэ-

ма», «Водар граху», «Аголеная») казалі самі за сябе і не патрабавалі дадатковай рэкламы. Некаторыя з іх прэтэндавалі на рэвалюцыйную пастаноўку пытання аб шлюбе і сям'і.

У адрозненне ад кінематографа, у тэатры прынцыпова новай, рэвалюцыйнай драматургіі ў 1917 г. не з'явілася. Рэпертуар тэатральных труп, які прапаноўваўся мінскаму глядачу, часткова змяніўся пераважна за кошт кан'юктурных твораў «на злобу дня». Адзін з іх – пастаўленая ў канцы мая ў гарадскім тэатры п'еса «Вясёлыя дні Распуціна» – быў названы крытыкам «ганьбай мінскай сцэны, агіднай карцінкай»⁵. Нечаканым сюрпрызам для мінскай тэатральнай публікі было з'яўленне Таварыства беларускай драмы і камедыі, якое ўпершыню заявіла пра сябе 23 красавіка на сцэне гарадскога тэатра спектаклямі «Паўлінка» Янкі Купалы і «У зімовы вечар» Элізы Ажэшка⁶.

Рэвалюцыя не спыніла гастрольна-канцэртнае жыццё, якое дазваляла мінчанам дакрануцца да культурных з'яў сусветнага ўзроўню. Так, 25 красавіка на дабрачынным канцэрце, арганізаваным эсэрамі ў падтрымку свайго друку, у будынку дваранскага сходу выступаў знакаміты скрыпач-віртуоз М. Б. Рэйсан⁷. Пасля канцэрта славутага опернага баса М. І. Вавіча арганізатарам давялося вызваляць спевака ад натоўпу прыхільніц шляхам абястачвання будынку⁸. Тры дні – 2, 4 і 5 верасня – у гарадскім тэатры быў аншлаг з нагоды гастрольнага драматычнай трупы пад кіраўніцтвам М. М. Пеціпа⁹. Ужо 6 верасня на той жа сцэне выступаў славуці танцоўшчык і балетмайстар М. Г. Легат¹⁰. У нядзелю 17 верасня ўсе мінскія аматары фартэп'янага мастацтва сабраліся ў будынку дваранскага сходу на канцэрце сваёй зямлячкі, прафесара Петраградскай кансерваторыі І. А. Венгеравай¹¹. Добрыя водгукі ў прэсе атрымалі канцэрты аматарскага сімфанічнага аркестра аўстрыйскіх ваеннапалонных пад кіраўніцтвам В. А. Складала¹². Нягледзячы на цяжасці рэвалюцыйнага часу, мінчане праводзілі канцэрты і вечарыны ўласнымі сіламі, у тым ліку арганізаваліся выступленні членаў літаратурна-музычнага таварыства «Марсельскія матросы»¹³.

Адным з найбольш распаўсюджаных дэмакратычных відаў забавы гараджан па-ранейшаму за-

¹Рамановіч Я. Беларуская хатка // Горад і годы. Мінск, 1967. С. 61–73.

²Мінскі голас. 1917. 28 марта (№ 2389). С. 1.

³Мінскі голас. 1917. 28 марта (№ 2389). С. 1.

⁴Мінскі голас. 1917. 13 марта (№ 2376). С. 1.

⁵Мінскі голас. 1917. 31 мая (№ 2440). С. 1.

⁶П. К. Беларускі тэатр // Вольная Беларусь. 1917. 26 ліп. (№ 9). С. 3–4.

⁷Мінскі голас. 1917. 26 апр. (№ 2412). С. 4.

⁸Мінскі голас. 1917. 2 июня. (№ 2442). С. 3.

⁹Варшав. утро. 6 сент. (№ 448). С. 1.

¹⁰Варшав. утро. 1917. 6 сент. (№ 448). С. 1.

¹¹Варшав. утро. 1917. 17 сент. (№ 456). С. 1.

¹²Варшав. утро. 1917. 28 марта (№ 2389). С. 1.

¹³Варшав. утро. 1917. 14 апр. (№ 2403). С. 3.

ставалася наведванне садоў, сквераў, іншых грамадскіх месцаў на вольным паветры. У 1917 г. шпацыры ў іх часта спалучаліся з грамадска-палітычнымі акцыямі. Так, 18 красавіка гарадскія ўлады наладзілі грашовы збор у фонд палітычных ахвяр старога рэжыму – «Збор Свабоды». Акцыя суправаджалася народнымі гуляннямі, аўкцыёнам, кабарэ, латарэяй, распродажам¹. Пазней, 22 мая, 9, 24 і 25 чэрвеня, мінчане ахвяравалі грошы на культурна-асветніцкія патрэбы беларускага народа падчас «беларускіх дзён» на вуліцах горада. Ахвотныя запрашаліся на лекцыі па гісторыі Беларусі, а таксама на выставу нацыянальнага мастацтва². Мінскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў 8 жніўня арганізаваў маштабную акцыю «Мінск – салдату ў акопы», найбольш цікавыя складнікі якой – канцэрт, танцы, баль-маскарад – адбыліся ў Губернатарскім садзе³.

У чэрвені ўзнавіла сваю працу мінскае аддзяленне міжнароднага спартыўнага таварыства «Санітас». Неўзабаве пад кіраўніцтвам П. А. Шышкова яно правяло гарадскія спаборніцтва па барацьбе, а таксама лёгкай і цяжкай атлетыцы⁴. Урачыстае святкаванне 10-годдзя гімнастычнага таварыства «Сокал» адбылося ў горадзе 3 верасня. Сярод іншых у ім бралі ўдзел члены мясцовага гімнастычнага клуба «Макабі»⁵. Летам 1917 г. аматары фізічных практыкаванняў маглі ўзяць на пракат веласіпеды на трэку ў Губернатарскім садзе. На ўзбярэжжы Свіслачы працавалі купальні з асобнымі нумарамі і «чоўнамі для купання»⁶.

Спякотнае надвор'е, якое ўсталявалася ў пачатку лета 1917 г., было прычынай шматлікіх пажараў у «драўляных» раёнах горада. З імі змагалася пажарнае таварыства. Мінскім пажарнікам – ахвотнікам, лазальшчыкам, рубнікам – дапамагалі эвакуіраваныя ў 1915 г. ковенскія калегі. Пажары лета 1917 г. сталі адным з яскравых успамінаў дзяцінства беларускай актрысы мінчанкі С. М. Станюты: «Летам, калі гарэла, дарослыя бурылі і разнімалі заборы, павеці, каб агонь не перакінуўся далей, на суседскія дамы. Мне, дзяўчынцы, усё гэта здавалася і страшным, і надзвычай цікавым. Цёплымі начамі спаць клаліся на двары – у дамах баяліся падвалаў, дзяжурлілі. Гарэлі крамы, і мы, дзеці, аднойчы елі амаль што смажаныя селядцы з абгарэлых бочак,

а ў другі раз – печаныя яблыкі з пачарнелых яблынь»⁷.

Распад старых сацыяльных сувязей і нестабільная эканамічная сітуацыя стваралі спрыяльнае асяроддзе для міфатворчасці ў выглядзе чутак. Так, у чэрвені мінчане абмяркоўвалі «навіну» пра тое, што ў горад на сталае жыхарства прыедзе Ленін⁸. Неўзабаве ў Мінску пайшла пагалоска пра тое, што нямецкія аэрапланы раскідваюць над горадам і наваколлем бутэлеккі з невядомай вадкасцю⁹. Новую хвалю чутак справакавалі «нейкія цёмныя пракламацыі», якія заклікалі салдат кідаць зброю, а сялян – захопліваць панскую зямлю¹⁰.

Прыкметай новага часу стала павелічэнне колькасці ананімных лістоў у органы цывільнай і ваеннай улады, а таксама ў рэдакцыі газет. «Грамадскія актывісты» пісалі шматлікія даносы, у якіх выкрывалі тайных прыхільнікаў старога рэжыму, служачых палітычнай паліцыі, дэзерціраў. У красавіку мінскі вайсковы начальнік звярнуўся праз газету да гараджан з просьбай не дасылаць «у значнай колькасці» ананімныя даносы на асоб, якія ўхіляюцца ад выканання вайскавой павінанасці, бо звароты без подпісаў не разглядаліся¹¹.

На працягу 1917 г. крымінальнае становішча ў горадзе пагаршалася. Да восені самаганаварэнне, хуліганства, бойкі, крадзяжы, рабаўніцтвы, забойствы дасягнулі катастрофічных памераў. З рубрыкі «Здарэнні» тагачасных мінскіх газет можна даведацца пра тое, што рабаўнікі кожную ноч рабілі ўзброеныя напады на кватэры заможных мінчан, хуліганы спустшалі агароды на хутары Людамонт, павялічылася колькасць здарэнняў з удзелам аўта- і мотатэхнікі, уладальнікі кінематографу спрабавалі прадаваць білеты без акцызных марак. У Мінску пачалі знікаць дзеці, што раней у спакойным губернскім горадзе было выключнай падзеяй. Адным з найбольш небяспечных стаў раён Камароўкі з прылеглым лесам. Аблюбованы мінчанамі як месца правядзення загарадных пікнікоў, гэта тэрыторыя ператварылася ў крымінальную ўскраіну, дзе стаяў цыганскі табар, а таксама хаваліся ад закону злачынцы і дэзерціры. Актрыса С. М. Станюта ўзгадвала: «Бацька расказваў пра нейкі мітынг каля вакзала: выступала жанчына з прозвішчам Шабат. Раптам стрэл – і яна ўпала, як усё роўна падбітая птушка, раскінуўшы рукі. Баць-

¹Минский голос. 1917. 14 апр. (№ 2403). С. 1.

²Варшав. утро. 1917. 27 июня (№ 394). С. 3.

³Варшав. утро. 1917. 3 авг. (№ 423). С. 3.

⁴Варшав. утро. 1917. 18 июня (№ 386). С. 3.

⁵Минский голос. 1917. 10 мая (№ 2424). С. 3.

⁶Варшав. утро. 1917. 3 июня (№ 349). С. 4.

⁷Станюта А. А. Стэфанія. Мінск, 1994. С. 11.

⁸Варшав. утро. 1917. 8 июня (№ 353). С. 3.

⁹Варшав. утро. 1917. 11 июня (№ 355). С. 3.

¹⁰Гомел. копейка. 1917. 1 июля (№ 1330). С. 3.

¹¹Минский голос. 1917. 7 апр. (№ 2397). С. 3.

ка хацеў гэта адразу ж і замаляваць, але мусіў хавацца ад стрэлаў пад вокнамі цырульні, якія са званам разляталіся на кавалкі ад куль...»¹.

Эфектыўнасць міліцыі, якая існавала ў выглядзе слабападрыхтаваных атрадаў добраахвотнікаў пад кіраўніцтвам М. А. Міхайлава (М. В. Фрунзэ), была абмежаванай. У гэтых умовах гараджане спрабавалі аб'яднаць высілкі па барацьбе са злачыннасцю і гвалтам, ствараючы дамавыя камітэты самааховы. У сярэдзіне мая жыхары вуліц Нова-Маскоўскай, Яўрэйскай, Трубнай, Мацвееўскай, Нова-Раманаўскай, якія ўваходзілі ў 5-ю частку горада, аб'ядналіся ў таварыства самааховы ад злачынных элементаў².

Часта героямі газетнай крымінальнай хронікі разам з цывільным насельніцтвам рабіліся ваеннаслужачыя. У чэрвені 1917 г. жыхары Мінска былі напалоханы з'яўленнем банды «скакуноў», якія рабавалі па начах людзей на вуліцах з дапамогай тэхнічнага прыстасавання – спецыяльных спружын, прымацаваных да ботаў. Акрамя хуткасці, з якой здзяйснялася злачынства, у іх арсенале была таксама псіхалагічная зброя – белыя балахоны з капялюшамі. Абранутыя такім чынам, «скакуны» наводзілі жак на прахожых на Захар'еўскай і некаторых іншых вуліцах горада. Выкрыццё банды, якая складалася пераважна з маладых салдат-дэзерціраў, патрабавала правядзення сумеснай з Мінскім Саветам рабочых і салдацкіх дэпутатаў начной аперацыі з выкарыстаннем пераагранутага ў жанчыну салдата³.

Пэратварэнне ў 1915 г. Мінска ў прыфрантавы горад прывяло да рэзкага павелічэння ў горадзе колькасці адарваных ад нармальнага сямейнага жыцця мужчын – ваенных, а таксама служачых тылавых арганізацый. Падобная сітуацыя стварала павышаны попыт на платныя сексуальныя паслугі, спрыяла прытоку ў горад прастытутаў, якія ў 1917 г. падзяляліся на арганізаваных і неарганізаваных.

Першыя мелі жоўтыя квітоў, праходзілі медагляд і прапаноўвалі паслугі легальна, у бардэлях, большасць якіх знаходзіліся ў раёне Нова-Чырвонай вуліцы. Другія працавалі нелегальна, з рызыкай для здароўя і нават жыцця, на вуліцах, вакзалах, у рэстаранах і іншых публічных месцах. Найвялікшая канцэнтрацыя неарганізаваных прастытутаў была ў гарадскім скверы, дзе абураныя мінчане патрабавалі паставіць пост міліцыі⁴.

Росквіт платнага кахання непазбежна прыводзіў да пашырэння венерычных захворванняў. Штодня ў міліцыю паступала інфармацыя пра хворых прастытутаў, якія падлягалі ізаляцыі і адпраўцы на прымусовае лячэнне. Але ў сувязі з недахопам спецыялістаў, а таксама месцаў у шпіталях нярэдка затрыманыя міліцыянерамі жанчыны вярталіся на вуліцу ўжо на наступны дзень. Карэспандэнт газеты «Мінский голас» лаканічна паведамляў у канцы мая: «Прыёмныя мясцовых урачоў-венеролагаў перапоўнены з ранку да вечара»⁵.

Да восені 1917 г. у мінчан назапасілася стомленасць ад штодзённых грамадска-эканамічных праблем. Гэта псіхалагічная стомленасць у значнай ступені абумовіла тое, якім чынам у горадзе была ўсталявана савецкая ўлада. Удзельнік тых падзей, камуністычны дзеяч В. І. Солскі, узгадваў: «26 кастрычніка, раніцаю, па ўсім горадзе былі расклеены чырвоныя плакаты. Гэта быў “Загад № 1 насельніцтву Мінска і наваколля”. Ён быў падпісаны мінскім Саветам. Перад плакатамі збіраліся невялікія купкі людзей, чыталі іх даволі апатычна, ішлі далей... Здавалася, што горад быў паралізаваны. Не было ніякіх праяў энтузіязму ці, прынамсі, радасці. Нават салдаты, якія падтрымлівалі новую ўладу, былі змрочныя, неахвотна размаўлялі з прахожымі. У Савецкай настрой быў нервовы, але таксама не ўзняты, не радасны. У кастрычніцкія дні ні ў Мінску, ні на фронце не было ніякіх дэманстрацый, ніякіх мітынгаў ні за, ні супраць таго, што адбылося ў Петраградзе»⁶.

Заклучэнне

Такім чынам, паўсядзённае жыццё насельніцтва Мінска ў 1917 г. адлюстравала складаную рэчаіснасць пераходнага стану грамадства, транзіт ад імперскай да новай, рэспубліканскай сацыяльнай рэальнасці. Старая дзяржаўная канструкцыя была разбурана, новая знаходзілася на стадыі станаўлення. Рэвалюцыйны энтузіязм, што ахапіў мінчан вясной 1917 г., паступова знікаў пад уздзеяннем матэрыяльных умоў жыцця, якія ўвесь час пагаршаліся. Жыллёвы крызіс, інфляцыя, беспра-

цоўе, злачыннасць, эпідэмічныя захворванні і іншыя сацыяльна-эканамічныя праблемы ва ўмовах слабай дзяржаўнай улады прымусалі мінчан распрацоўваць індывідуальныя стратэгіі выжывання. Пералом эпох, што адбыўся ў 1917 г., найбольш балюча ўдарыў «маленькага» чалавека, які ў Вялікай рускай рэвалюцыі ўбачыў страту старога стабільнага жыцця, неспрыяльнае для яго развіццё рэвалюцыйных падзей, што да восені набылі характар гуманітарнай катастрофы, і няпэўныя перспектывы.

¹Станюта А. А. Стэфанія. Мінск, 1994. С. 11.

²Мінский голас. 1917. 24 мая (№ 2434). С. 3.

³Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004. С. 92.

⁴Варшав. утро. 1917. 23 авг. (№ 436). С. 3.

⁵Мінский голас. 1917. 27 мая (№ 2437). С. 3.

⁶Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004. С. 160.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Мазец В. Паўсядзённае жыццё поліса ва ўмовах ваеннага становішча: Мінск у 1914–1917 гг. // Знакамітыя мінчане. Мінск і Міншчына ў гады Першай сусветнай вайны: людзі і вайна : матэрыялы VIII беларус.-пол. навук.-тэар. канф. (Мінск, 9–10 крас. 2014 г.) / рэдкал.: А. Вялікі [і інш.]. Мінск, 2015. С. 5–21.
2. Рудович С. С. Повседневность революционного Минска 1917 г. в зеркале публицистики Дорофея Бохана // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць (да 945-годдзя Мінска) : зб. навук. арт. / уклад. А. І. Груша. Мінск, 2012. С. 383–397.
3. Шибeko З. В., Шибeko С. Ф. Минск. Страницы жизни дореволюционного города. Минск, 1990.

References

1. Mazets V. [Polis everyday life in the circumstances of war: Minsk in 1914–1917]. *Znakamityja minchane. Minsk i Minshchyna w gady Pershaj susvetnaj vajny: ljudi i vajna* : materials of VIII Belarus.-Pol. sci.-theoret. conf. (Minsk, 9–10 April, 2014). Minsk, 2015. P. 5–21 (in Belarus.).
2. Rudovich S. S. [Everyday life of revolutionary Minsk in 1917 as it reflected in the newspaper articles of Dorofej Bohan]. *Minsk i minchane: dziesjac' stagoddzjaw gistoryi. Krynicy pa gistoryi gorada. Sacyjalnyja struktury i pawsjedzjonnasc' (da 945-goddzja Minska)* : collect. of sci. articles. Minsk, 2012. P. 383–397 (in Russ.).
3. Shibeko Z. V., Shibeko S. F. [Minsk. Pages of pre-revolutionary city life]. Minsk, 1990 (in Russ.).

Артыкул настуніў у рэдкалегію 21.04.2017.
Received by editorial board 21.04.2017.

БРЕСТСКИЙ ОТДЕЛ РУССКОГО НАРОДНОГО СОЮЗА ИМЕНИ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА: СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К. М. БОНДАРЕНКО¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Исследуется история возникновения и организационного становления Брестского уездного отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела – одной из крупнейших и влиятельных общероссийских правомонархических партий центристского направления начала XX в. Анализируются состав и основные направления деятельности отдела.

Ключевые слова: Русский народный союз имени Михаила Архангела; монархическое движение; правомонархические партии; крайне правые; центристы; умеренно правые; отделы правых партий.

BREST DEPARTMENT OF THE RUSSIAN PEOPLE'S UNION NAMED AFTER MICHAEL ARCHANGEL: CREATION AND ACTIVITIES

К. М. BONDARENKO^a

^aMogilev State A. Kuleshov University, Kasmanaŭtaŭ Street, 1, 212022, Mahilyow, Belarus

The article studies the history of the emergence and organizational formation of Brest District Department of the Russian people's union named after Michael the Archangel – one of the largest and most influential all-Russian right-wing monarchist parties of the centrist trend of the beginning of the 20th century. It makes the analyses of the Department and the main directions of practical activity in the years of its existence.

Key words: Russian people's union named after Michael Archangel; monarchist movement; right-wing monarchist parties; extreme right; centrist; moderately right; right-wing parties departments.

Введение

В начале XX в. в Российской империи возникли и действовали около десятка крупных правомонархических партий и союзов и более двух тысяч их местных отделов и подотделов. Среди наиболее активных и влиятельных в белорусских губерниях следует выделить Союз русского народа (СРН), возникший в 1906 г.; Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА) – 1907 г.; Союз рус-

ского народа (обновленческий) – 1909–1910 гг.; Всероссийский дубровинский союз русского народа (ВДСРН) – 1911 г.; Всероссийский национальный союз – 1908 г. и Отечественный патриотический союз (ОПС) – 1915 г.¹

История их создания, анализ идеологических воззрений и программных требований, а также деятельности как в центре, так и на окраинах им-

Образец цитирования:

Бондаренко К. М. Брестский отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела: создание и деятельность // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 30–36.

For citation:

Bondarenko K. M. Brest department of the Russian people's union named after Michael Archangel: creation and activities. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 30–36 (in Russ.).

Автор:

Константин Михайлович Бондаренко – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета.

Author:

Konstantin M. Bondarenko, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus and the Eastern Slavs, faculty of history and philology. rector@msu.by

перии нашли свое отражение в научных трудах российских и отечественных ученых. Особенно актуально данная проблема исследовалась в конце XX – начале XXI в. Л. М. Спириным, С. А. Степановым, В. В. Кожинным, Ю. И. Кирьяновым, И. В. Омелянчуком, К. М. Бондаренко, А. А. Ивановым¹. Однако в работах этих исследователей сведения о деятельности РНСМА на территории белорусских губерний носят фрагментарный характер и содержат в основном данные о количестве и численности от-

делов этой партии. Документы и материалы о возникновении Брестского уездного отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела, его организационной структуре, социальном составе, основных направлениях экономической и политической практики и ее результатах частично сохранились в российских и белорусских архивах, а также в периодических изданиях союза. Впервые эта информация вводится в научный оборот в настоящей статье.

Основная часть

Возникновение одной из наиболее влиятельных общероссийских монархических партий – Русского народного союза имени Михаила Архангела – до сих пор хранит немало загадок для исследователей истории монархического движения в Российской империи начала XX в. Однако не вызывает сомнений тот факт, что союз был создан русским политическим деятелем В. М. Пуришкевичем и протоиереем И. И. Восторговым в конце 1907 – начале 1908 г. из отделов и подотделов оплота российского самодержавия и лидера общероссийского монархического движения – единого Союза русского народа. Возникнув на подъеме революции, СРН быстро завоевал популярность и вышел за пределы Петербурга и крупных губернских городов. Отделы союза широко распространились на периферии, в том числе и на территории белорусских земель.

Расцвет правого монархического движения совпал с поражением первой российской революции, за годы которой Союз русского народа стал массовой организацией и надежной опорой царизма и всех антиреволюционных консервативных сил российского общества. Николай II в телеграмме СРН 5 июня 1907 г. писал: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка» [1, с. 341]. Положение крайне правых в государстве и обществе в то время казалось достаточно прочным.

Однако после разгона II Государственной думы 3 июня 1907 г. ситуация стала меняться. Переворот был воспринят участниками крайне правого движения с энтузиазмом. Новый избирательный закон обеспечивал монархистам возможность влиять на состав депутатского корпуса III и IV Думы, так как давал на выборах преимущество господствующим классам, что подтвердилось событиями 1907 и 1912 гг. Несмотря на это популярность и влияние

монархистов стали заметно падать. Монархическое движение как политическое явление российской действительности вступило в полосу внутреннего кризиса, одним из первых проявлений которого стал раскол Союза русского народа, а затем и движения в целом.

Одной из причин распада СРН стало стремление его председателя А. И. Дубровина к единоличной власти в Главном Совете партии, что вызвало сопротивление со стороны двух активистов – В. М. Пуришкевича и И. И. Восторгова, которые также претендовали на лидерство в движении. В августе 1907 г. И. И. Восторгов обвинил председателя союза в диктатуре и финансовых махинациях, которые якобы привели к растрате партийных денег. В ответ на обвинение А. И. Дубровин взвалил вину за трудности, которые испытывал союз, а также за просчеты в деятельности организации на своего заместителя, утверждая, что В. М. Пуришкевич похитил часть партийного архива и организовал внутрипартийную склоку. Результатом конфликта стал выход В. М. Пуришкевича из партии и Главного Совета. Вслед за ним ушел и И. И. Восторгов.

В декабре 1907 г. В. М. Пуришкевич с благословения премьер-министра П. А. Столыпина и при поддержке Департамента полиции Министерства внутренних дел (ДП МВД) создает новую партию – Русский народный союз имени Михаила Архангела, а затем становится его председателем. В марте 1908 г. новая монархическая организация была официально зарегистрирована [3, с. 7].

Одновременно с расколом внутри СРН усиливается оппозиция А. И. Дубровину и его окружению со стороны правых членов обновленного союза во главе с Н. Е. Марковым II и Э. И. Коновницким, отдающим предпочтение парламентским средствам в решении спорных вопросов общественной жизни. В течение 1909–1910 гг. обновленцам при поддержке ДП МВД удалось отстранить А. И. Ду-

¹Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Кожин В. В. Черносотенцы. М., 2004; Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2001; Ин-т рос. истории РАН. М., 2003; Бондаренко К. М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.). Могилёв, 2010; Иванов А. А. Владимир Пуришкевич – опыт биографии правого политика (1870–1920) / науч. ред. И. В. Алексеева. М. ; СПб., 2011; Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Воронеж, 2006.

бровина от руководства СРН. Председателем Главного совета становится князь Э. И. Коновницын, его заместителем и фактическим лидером партии – Н. Е. Марков II. В ноябре 1911 г. сторонники А. А. Дубровина провели в Москве съезд, на котором было провозглашено образование Всероссийского дубровинского союза русского народа. Устав новой партии был официально зарегистрирован в августе 1912 г. и практически ничем не отличался от предыдущего [4, с. 19–28]. Таким образом, к концу 1911 г. в России из единого СРН возникли три самостоятельные партии – РНСМА, СРН обновленческий, ВДСРН, каждая из которых претендовала на роль лидера и вождя всего российского монархического движения.

В результате этих событий правомонархический лагерь раскололся на крайне правых (в лице ВДСРН с примыкающими к нему организациями на местах) и центристов во главе с обновленческим СРН и РНСМА. Противостоящие друг другу право-консервативные течения монархизма расходились по многим позициям. Приверженцы Н. Е. Маркова и В. М. Пуришкевича считали возможным и необходимым признать парламент вместе с его полномочиями, наличие оппозиционных политических партий и прессы, а также неизбежность координации своих действий с Государственной думой, Государственным советом и правительством. Центристы безоговорочно поддерживали столыпинскую аграрную реформу и другие экономические и социальные проекты правительства.

Подавляющее большинство наиболее известных отделов РНСМА было создано в белорусских и украинских губерниях Российской империи, а также на родине В. М. Пуришкевича в Бессарабии. Одним из самых крупных и активных на территории Беларуси являлся Брестский отдел. Выбор этого уездного города Гродненской губернии неслучаен. Отделы РНСМА, как правило, организовывались там, где проживало смешанное в национальном и конфессиональном отношении население, а также в тех местах, где русские (к русским монархисты относили в том числе украинцев и белорусов) православные жители составляли меньшинство. Таким городом в начале XX в. был Брест-Литовск. По данным городской статистики, в начале второго десятилетия XX в. здесь проживало 53 253 чел. (без учета численности личного состава расквартированных войсковых частей). По национальности и вероисповеданию все население делилось на русских (православных) – 9641 чел., поляков (католиков) –

6737 чел., евреев (иудеев) – 36 537 чел., немцев (лютеран) – 220 чел., французов (католиков) – 68 чел., турок и татар (магометан) – 44 чел., армян (армяно-григориан) – 5 чел.¹ Таким образом, русские составляли всего одну шестую часть населения, вся торговля, ремесла, подрядные организации, домовладения, аптеки, а также мелкое предпринимательство контролировалось иноверцами или находилось в их собственности. Русские (православные), по их собственной оценке, находились в роли приниженных и обделенных как материально, так и политически.

В этих условиях среди определенной части русского населения зародилось стремление к объединению и созданию своей политической организации, призванной защищать их национальные интересы. Инициатором реализации этой идеи выступил железнодорожный служащий Николай Николаевич Чудовский, обратившийся в Главную палату РНСМА с ходатайством о предоставлении ему права на открытие в Брест-Литовске отдела этой партии. Просьба была незамедлительно удовлетворена, и 1 ноября 1910 г. Главная палата РНСМА выдала ему соответствующее удостоверение № 2326, а 2 декабря того же года выразила благодарность за проявленную патриотическую инициативу². На учредительном собрании 27 февраля 1911 г. было принято решение об открытии Брестского отдела РНСМА (далее – отдел) и проведены выборы в Палату, которая являлась руководящим органом отдела. Участники собрания (члены-учредители отдела, в соответствии с п. 20, 22, 23 устава) высказали пожелания об избрании православного священнослужителя на должность председателя отдела. Однако в связи с тем, что присутствующие на собрании духовные лица по тем или иным причинам отказались, место председателя временно осталось вакантным, а на должность заместителя председателя был избран поверенный Ф. Г. Кескевич³. Главная палата РНСМА 31 марта 1911 г. поздравила Ф. Г. Кескевича с открытием и регистрацией отдела под № 1022 (в архивных документах № 1020) у Санкт-Петербургского градоначальника⁴. Общее собрание членов-учредителей Брестского отдела состоялось 17 апреля 1911 г., на нем после молебна и объявления отдела открытым состоялись дополнительные выборы руководства Главной палаты, ее членов и членов-учредителей. Председателем Главной палаты был избран протоиерей о. Стефан Жуковский, товарищем председателя остался Ф. Г. Кескевич, казначеем назначался

¹Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2. Кн. 2. С. 270.

²Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2. Кн. 2. С. 270.

³Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 1.

⁴Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 270–274; Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 7.

Н. Н. Чудовский, секретарями – И. П. Хомицкий и С. Ф. Волк¹. В состав Палаты на правах полномочных членов вошли: священнослужитель К. Зноско, И. П. Рачковский, В. Я. Сидоров, П. П. Каменев, М. Ф. Бочаров и А. Д. Сенюк (в архивных документах – А. А. Семенюк). Кандидатами были избраны А. П. Долгих, А. М. Ковальков, Г. В. Милашенко, С. А. Зинчук, И. И. Шубский, Ф. Ф. Прокофьев. В отчете отдела 17 апреля 1911 г. было записано: «Отдел начал проявлять свою деятельность на 3-х главных основах: Самодержавный Царь, Православная вера как господствующая и Россия для русских»². Эти идеологические установки полностью соответствовали главным уставным и программным требованиям Союза имени Михаила Архангела [5, с. 183–186].

Молодая организация брестских монархистов быстро набирала политический вес и влияние в обществе. О популярности отдела РНСМА в Бресте свидетельствует устойчивый рост его численности. На день создания (28 февраля 1911 г.) в союзе состояло 27 чел., а уже ко дню очередной годовщины (18 ноября 1911 г.) численность составляла 103 чел.³ По архивным данным, список членов Брестского отдела РНСМА на 7 января 1912 г. включал 114 имен⁴. Положительная динамика роста численности отдела наблюдалась и в дальнейшем. Так, к 8 ноября 1912 г. отдел насчитывал 151 чел., через год на учете в организации состояло 160 чел.⁵ Брестский отдел был одним из крупнейших на территории Беларуси образований общероссийских правомонархических партий и самым крупным из местных организаций РНСМА.

В состав отдела входили представители различных профессий и социальных слоев городского населения. Среди них преобладали служащие и инженерно-технические работники Московско-Брестской железной дороги, а также работники местной почты, мещане-домовладельцы, священнослужители православного вероисповедания, отставные офицеры и унтер-офицеры, студенты. Встречались и единичные представители других профессий и социальных слоев⁶. Таким образом, приведенные архивные данные позволяют утверждать, что Брестский отдел РНСМА по своему составу являлся всесословным и в этом отношении слабо отличался от

социального состава отделов РНСМА центральных губерний России.

Структура Брестского отдела полностью соответствовала требованиям Устава РНСМА, согласно которому Общим собранием членов отдела избирался его руководящий орган – Главная палата. Она состояла из 6 членов и 6 кандидатов, а также председателя, его товарища (заместителя), казначея и секретаря, которые выбирались из членов или кандидатов в члены Главной палаты. При этом в уставе предусматривалось, что «первый состав Палаты избирается членами-учредителями из своей среды на два года, по истечении двух лет ежегодно выбывает по жребию одна треть состава. Выбывшие члены Палаты заменяются новыми из кандидатов или членов Союза, по выбору Общего местного Собрания членов, причем выбывшие члены Палаты могут быть избираемы вновь» [5, с. 190–191]. Палата, как правило, собиралась по распоряжению ее председателя и не реже одного раза в неделю, а Общее Собрание созывалось по мере необходимости председателем палаты или «по заявлению десяти и более членов-учредителей в установленное Палатой время» [10, с. 191]. Так, с 8 ноября 1912 г. по 8 ноября 1913 г. для обсуждения текущих дел в Брестском отделе состоялись 30 общих собраний и 30 заседаний Главной палаты⁷. Все вопросы, выносимые на местное Общее собрание членов отдела или его палаты, решались простым большинством голосов из числа присутствующих, а при их равенстве принималось то мнение, на стороне которого был председатель [2, с. 191]. Новые члены принимались в отдел в соответствии с § 15 Устава РНСМА, который гласил: «Членами Союза могут быть только природные русские люди обоего пола, всех сословий и состояний, преданные целям Союза, давшие при вступлении обещание не вступать в общение с какими-либо тайными обществами, а также какими-либо организациями, преследующими цели, несогласные с задачами Союза, и, вообще давшие обещание подчиняться дисциплине Союза» [5, с. 188].

Прием осуществлялся по письменному или устному заявлению в Главную палату отдела, а выход из организации только по письменному заявлению. Более жесткие требования к членству в отделах со-

¹Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 270; Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–1 об., 16.

²Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 270; Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–1 об., 2 об.

³Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–2 об.; Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 271.

⁴Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 21–23 об.

⁵Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 271.

⁶Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–2 об., 22–23 об., 37, 70.

⁷Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 272.

юза предъявлялись к лицам не коренного русского происхождения и инородцам «за исключением немецкого населения Империи, оставшегося верным Престолу и Русской государственности в дни пережитых смут “освободительного движения”» [10, с. 188–189]. В члены отдела не допускались евреи по национальности, а также последователи иудейского вероисповедования.

Брестский отдел уделял особое внимание созданию в городе различных заведений и учреждений социального предназначения, а также предприятий для оказания моральной и материальной помощи своим членам и сочувствующим движению. Эти направления деятельности отдела, как впрочем и многое другое, четко регламентировались уставными документами. Так, в 6 параграфе Устава РНСМА подчеркивалось, что «помимо духовных нужд <...> Союз ставит одною из главнейших задач создание при Главной Палате и в каждом отделе Союза нижеследующих учреждений и предприятий: ссудо-сберегательных касс, для мелкого кредита, товариществ и пр., а также потребительских Союзных лавок с предметами первой необходимости» [5, с. 187]. Для достижения поставленных задач отдел ставил целью открыть следующие учреждения:

1) товарищество мелкого кредита, в результате создания которого русское население должно иметь возможность без еврейских банков взять доступный кредит;

2) потребительские лавочки, которые будут давать возможность без посредничества евреев и вероятно дешевле покупать предметы первой необходимости;

3) конторы-бюро для разных справок и комиссий, дающие возможность приискивать места для заработков, труда и сбыта своих трудовых произведений;

4) школы кружевных изделий и корзиноплетения;

5) сельскохозяйственное общество¹.

Выполняя намеченное в письме № 80 от 26 июня 1913 г. в Брест-Литовское полицейское управление Палата отдела сообщала, что «...согласно постановления Общего Собрания членов Союза от 16 марта 1913 г. за № 32, при Местном Отделе Союза учреждены, кружевного дела школа и русская Справочная контора. Школа кружевного дела уже функ-

ционирует, а Справочная Русская контора будет открыта для публики по выправке промыслового Свидетельства и начнет функционировать с 1 июля 1913 г. <...> О чем Местная Палата доводит до Сведения Полицейского Управления»². Архивные и опубликованные в журнале «Прямой путь» документы и материалы свидетельствуют о том, что в течение 1912–1913 гг. усилиями членов местного отдела РНСМА в Бресте были открыты и успешно работали: школа кружевных изделий под руководством жены уездного предводителя дворянства Л. Ф. Коморной, чайная-читальня Попечительства о народной трезвости, контора-бюро справочного назначения³. Губернское присутствие по делам обществ и союзов 31 мая 1913 г. извещало Брест-Литовского полицмейстера о том, что «Главным Управлением Землеустройства и Земледелия разрешено открытие “Брестского сельскохозяйственного общества при Русском народном союзе имени Михаила Архангела” по нормальному уставу, утвержденному Главным Управлением Землеустройства и Земледелия 7 мая 1911 г.

Об этом даю знать Вашему Высокоблагородию для сведения и объявление названному союзу с вручением ему прилагаемого при всем объявлении за № 872. Независимо сего предписываю своевременно мне донести о том, когда названное общество будет открыто, а также представить список лиц “которые войдут в состав Общества и его Совета”»⁴. В ответ на предписание исполняющего обязанности делами губернатора помощником пристава была подготовлена подробная справка, в которой содержалась следующая информация: «Брестское сельскохозяйственное общество при русском Народном союзе имени Михаила Архангела открыто 23 сего июня. Того же числа из учредителей названного общества был избран Совет учредителей <...> в составе Председателя, 2-х Товарищей его, Казначей и Секретаря, одного почетного члена, 12-ти действительных членов и 6-ти кандидатов к ним. Список членов Совета при сем представляю, что же касается списка лиц, кои войдут в состав членов Общества, то таковой еще не составлен, так как в данное время идет лишь запись в члены и число записавшихся не превышает 20–30 человек»⁵. Из приложения к справке следует, что председателем общества был избран руководитель Брестского отдела РНСМА, агроном Н. В. Крестовоздвижен-

¹Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 272.

²Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Брестский отдел. В Брест-Литовское полицейское управление // Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 674. Вопіс 1. Справа 80. Л. 218.

³Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 272; Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 70.

⁴Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Брестский отдел. В Брест-Литовское полицейское управление // Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 674. Вопіс 1. Справа 80. Л. 215–215 об.

⁵Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Брестский отдел. В Брест-Литовское полицейское управление // Нац. гіст. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 674. Вопіс 1. Справа 80. Л. 213.

ский, товарищами председателя – А. А. Соколов и Ф. Г. Кескевич, казначеем – А. В. Игнатович, секретарем – И. А. Романенко. Действительными членами Совета стали П. В. Лощенков (почетный), Н. Н. Чудовский, В. Н. Ушаков, Н. М. Стеколыщиков, М. Ф. Бочаров, А. И. Гуляев, И. П. Макаревич, К. В. Якимович, Ф. И. Козел, О. Л. Колосов, Ф. С. Романюк, Н. Ф. Антонюк, О. И. Таранович; кандидатами в члены Совета – П. Д. Покало, сельский учитель Павлович, Л. И. Сергейчик, Е. Г. Шумовец, В. Ф. Клишевич, Г. И. Курачинский¹. Почетным председателем общества был избран архиепископ Холмский Евгений, всего в члены организации в 1913 г. вступило 54 человека². Все открытые при Брестском отделе РНСМА учреждения содержались за счет средств союза. Вместе с тем на нужды школы кружевных изделий было выделено 480 рублей от Департамента земледелия, а на чайную – 100 рублей от Попечительства Народной Трезвости³. Из канцелярии Гродненского губернатора на адрес Брестского полицмейстерства 20 сентября 1913 г. пришло уведомление о том, что губернатором «на основании п. 4 § 2 нормального устава для местных сельскохозяйственных обществ, утвержденного Главным Управлением Землеустройства и Земледелия 7 мая 1911 г., разрешено открыть при “Брестском сельскохозяйственном обществе Русского народного союза имени Михаила Архангела” справочно-комиссионное бюро с целью способствовать хозяевам в правильной постановке их сельскохозяйственных предприятий полезными указаниями и рекомендациями и принимать на себя посредничество по снабжению хозяев нужными в хозяйстве предметами и по сбыту произведений их хозяйств. Район деятельности названного бюро – гор. Брест-Литовск и Брестский уезд»⁴. Полицмейстеру предписывалось известить о решении Брестский отдел РНСМА.

Членами общества также проводились чтения и лекции по сельскому хозяйству для ознакомления «земледельцев-крестьян со способами, более усовершенствованными, по ведению сельского хозяйства». Наиболее активно эта работа велась бывшим председателем отдела «уездным агрономом г. Крестовоздвиженским в селе Расно, где имеется Семинария для Церковно-приходских учителей <...> Им

же, г. Крестовоздвиженским, по просьбе отдела союза демонстрировались в нескольких местах уезда улучшенные приемы сельского хозяйства»⁵. Отделом проводилась значительная работа по составлению проектов и планов на 1914 г. В них входили кредитование сельскохозяйственного общества, товарищества мелкого кредита и потребительского общества, утверждение которых ожидалось в ближайшее время, расширение производства школы кружевных изделий и корзиноплетения, чайной-читальни и справочной конторы⁶. Однако этим планам не суждено было сбыться из-за вступления Российской империи в Первую мировую войну 1 августа 1914 г.

Наряду с хозяйственно-экономическими начинаниями Брестский отдел РНСМА много внимания уделял идейно-нравственному и политическому воспитанию своих членов и жителей города. К этой работе активно привлекалось православное духовенство от рядовых священников до высших церковных иерархов. Так, по постановлению Общего Собрания членов отдела, почетным председателем был избран архиепископ Гродненский и Брестский о. Михаил, почетными членами отдела – епископ Белостокский о. Владимир, архимандрит Яблочинского монастыря о. Серафим, протоиерей о. Стефан Жуковский, почетный председатель сельскохозяйственного общества архиепископ Холмский о. Евлогий и др.⁷ В благодарность за труды праведные и за помощь, оказанную членам союза и отдельным жителям Брест-Литовска, всем вышеперечисленным священникам Палатой отдела были направлены благодарственные адреса, что также явилось одной из форм идеологического воздействия на массы. Кроме чтения лекций и проповедей среди членов отдела и населения уезда распространялись брошюры на сельскохозяйственную тематику, издания духовно-нравственного содержания, правые газеты и журнал «Прямой путь» – главный печатный орган РНСМА⁸. Важное место занимала борьба с пьянством. Так, 22 августа 1912 г. Брестский отдел РНСМА обратился в Главную палату союза с просьбой о возбуждении перед соответствующими структурами власти ходатайства о возобновлении работы двух чайных Попечительства о народной трезвости, закрытых по неизвест-

¹Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 272; Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Брестский отдел. В Брест-Литовское полицейское управление // Нац. гист. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 674. Вопіс 1. Справа 80. Л. 214.

²Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273.

³Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273.

⁴МВД. Гродненский губернатор. Брестскому полицмейстеру // Нац. гист. арх. Беларусі ў г. Гродна. Ф. 674. Вопіс 1. Справа 80. Л. 226–226 об.

⁵Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273–274.

⁶Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273.

⁷Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273; Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–3 об.

⁸Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273–274.

ным причинам, так как они пользовались спросом и были доступными «для простого люда»¹.

Одной из наиболее эффективных составляющих пропагандистской работы отдела являлось умелое использование монархической атрибутики и символики. Сооружение и освящение Знамя-Хоругви отдела состоялось 21 февраля 1913 г., в тот же день знамя было пронесено по городу на торжественной процессии в честь 300-летия Дома Романовых². Золотистое знамя отдела в дальнейшем постоянно выносилось на торжественные молебствия по случаю царских праздников и было пронесено на процессии в день поминания игумена Брест-Литовска св. Афанасия³, замученного поляками 20 июля 1648 г., а затем причисленного к лику святых.

Важнейшими политическими мероприятиями, в которых отдел принимал активное участие, были подготовка и проведение избирательных кампаний в городскую и Государственную думы, чтобы, как отмечалось в отчете отдела за 1912–1913 гг., «избрать в представители своих единомышленников и настоящих русских людей, в чем более или менее (отдел. – К. Б.) достиг своей цели»⁴.

Палата отдела вела постоянную переписку с Главной палатой РНСМА на самые разные темы. В частности, 14 августа 1912 г. в Главную палату союза было отправлено письмо, в котором содержались сведения о запущенном состоянии городского православного кладбища: приводились факты

хищения ценных памятников, оград, обращалось внимание на неухаженные, заросшие деревьями и кустарниками могилы и т. д. Отдел настоятельно просил высший орган союза направить данное письмо по надлежащим инстанциям для принятия мер по устранению проблемы⁵.

Архивные документы содержат свидетельства об оказании отделом помощи союзникам, однопартийцам и единомышленникам. Так, в очередном письме в Главную палату сообщалось о незаконном увольнении железнодорожного служащего П. Г. Евреинова и высказывалась просьба об оказании содействия в восстановлении его на должности. В ответ Главная палата РНСМА завязала длительную переписку с Министерством путей сообщения⁶. Подобные проблемы в большинстве случаев усилиями руководства союза разрешались в пользу просителей.

Таким образом, Брестский уездный отдел Народного союза имени Михаила Архангела с момента своего возникновения занимался активной и разносторонней деятельностью, выражая и отстаивая интересы русского населения города и уезда, внося посильную лепту в укрепление православной веры, морального состояния и материального положения своих членов и единомышленников. С началом Первой мировой войны сведения об отделе исчезли со страниц периодической печати и из архивных документов.

Библиографические ссылки

1. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. М., 1998. Т. 1 : 1905–1910 гг.
2. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. М., 1998. Т. 2 : 1911–1917 гг.
3. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001.
4. Бондаренко К. М., Лавринович Д. С. Русские и белорусские монархисты в начале XX века. Могилёв, 2003.
5. Бондаренко К. М. Монархическое движение в России и Беларуси в 1905–1917 гг. Могилёв, 2009.

References

1. [Right-wing parties. Documents and materials] : in 2 vol. Moscow, 1998. Vol. 1 : [1905–1910 years] (in Russ.).
2. [Right-wing parties. Documents and materials] : in 2 vol. Moscow, 1998. Vol. 2 : [1911–1917 years] (in Russ.).
3. Kiryanov Yu. I. [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow, 2001 (in Russ.).
4. Bondarenko K. M., Lavrynovych D. S. [Russian and Belarusian monarchists in the early XX century]. Mahilyow, 2003 (in Russ.).
5. Bondarenko K. M. [The monarchist movement in Russia and Belarus in 1905–1917]. Mahilyow, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.05.17.
Received by editorial board 29.05.17.

¹Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 45.

²Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 272.

³Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 273.

⁴Брестский отдел. Отчет о деятельности за 1912–1913 годы // Прямой путь. 1914. Вып. 2, кн. 2. С. 274.

⁵Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 34–34 об.

⁶Переписка с Брест-Литовским отделом союза им. М. Архангела // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 117. Оп. 1. Д. 217. Л. 26, 28–33.

ПЕРШЫ УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД (СНЕЖАНЬ 1917 г.): ДА СТАГОДДЗЯ

П. І. БРЫГАДЗІН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца становішча Беларусі ў пачатку 1917 г., выяўляецца ўплыў ваенных дзеянняў на арганізацыю і разгортванне палітычных рухаў на беларускіх землях. Вызначана роля першага і другога з'ездаў беларускіх нацыянальных арганізацый у развіцці ідэі аб аўтаноміі Беларусі. Прааналізаваны змены ў палітыцы гэтых арганізацый пасля кастрычніцкіх падзей у Петраградзе, паказаны разыходжанні ў поглядах прадстаўнікоў Вялікай беларускай рады, Беларускага абласнога камітэта і Абласнога выканаўчага камітэта Заходняй вобласці. Апісваюцца асаблівасці склікання і ход Усебеларускага з'езда, адзначаны яго склад і праведзеныя ім мерапрыемствы. Зроблена выснова пра тое, што ідэя аб незалежнасці Беларусі сярод удзельнікаў сходу не была паспяховай, а дэкларацыя, якую спрабавалі прыняць у ноч з 17 на 18 снежня, мела кампрамісны характар. Раскрываюцца наступствы разгону з'езда бальшавікамі, вызначаецца роля гэтага форуму ў пашырэнні нацыянальна-вызваленчага руху, фарміраванні ідэі непадзельнасці і незалежнасці Беларусі.

Ключавыя словы: нацыянальна-вызваленчы рух; савецкая ўлада; самавызначэнне Беларусі; Усебеларускі з'езд.

ПЕРВЫЙ ВСЕБЕЛОРУССКИЙ СЪЕЗД (ДЕКАБРЬ 1917 г.): К СТОЛЕТИЮ

П. И. БРИГАДИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается положение Беларуси в начале 1917 г., выявляется влияние военных действий на организацию и развертывание на белорусских землях политических движений. Определена роль первого и второго съездов белорусских национальных организаций в развитии идеи об автономии Беларуси. Проанализированы изменения в политике белорусских национальных организаций после октябрьских событий в Петрограде, показаны расхождения во взглядах представителей Великой белорусской рады, Белорусского областного комитета и Областного исполнительного комитета Западной области. Описаны особенности созыва и ход Всебелорусского съезда, указаны его состав и предпринятые им действия. Сделан вывод о том, что идея о независимости Беларуси среди участников съезда не имела успеха, а декларация, которую попробовали принять в ночь с 17 на 18 декабря, носила компромиссный характер. Раскрываются последствия разгона съезда большевиками, определяется роль этого форума в развитии национально-освободительного движения, формировании идеи неделимости и независимости Беларуси.

Ключевые слова: национально-освободительное движение; советская власть; самоопределение Беларуси; Всебелорусский съезд.

Образец цитирования:

Брыгадзін П. І. Першы Усебеларускі з'езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 37–43.

For citation:

Bryhadzin P. I. The First all-Belarusian congress (December 1917): to the centenary. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 37–43 (in Belarus.).

Автор:

Петр Иванович Бригадин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Author:

Petr I. Bryhadzin, doctor of science (history), full professor; head of the department of Belarus history of the ancient time and the middle ages.
mail@e-edu.by

THE FIRST ALL-BELARUSIAN CONGRESS (DECEMBER 1917): TO THE CENTENARY

P. I. BRYHADZIN^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the situation in Belarus in early 1917, the impact of military actions on the organization and deployment of political movements on its territory. The role of I and II congresses of the Belarusian national organizations in the development of the idea of the autonomy of Belarus was determined. Changes in the policy of Belarusian national organizations after the October events in Petrograd, differences in views of the Great Belarusian Rada, the Belarusian Regional Committee and the Regional Executive Committee of the Western Region have been analyzed. The article tells about the convocation and progress of the All-Belarusian Congress, its composition and actions. The conclusion has made that the idea of Belarus' independence among the participants of the congress was not successful, and the declaration, which was tried to accept on the night of 17–18 December, was of a compromise nature. The consequences of the dispersal of the congress by the Bolsheviks are considered, the role of congress in the development of the national liberation movement, the formation of the idea of indivisibility and independence of Belarus is determined.

Key words: national liberation movement; the Soviet authority; self-determination of Belarus; All-Belarusian congress.

Уводзіны

Падзеі лютага – сакавіка 1917 г. паскорылі развіццё нацыянальна-вызваленчага руху ў Беларусі. Пасля падзення царызму Часовы ўрад аб'явіў аб роўнасці ўсіх грамадзян незалежна ад іх саслоўнай, рэлігійнай і нацыянальнай прыналежнасці. Скасоўваліся абмежаванні адносна месцаў пражывання, паступлення ў навучальныя ўстановы, на дзяржаўную і вайсковую службу. Дэмакратызацыя грамадскага жыцця наблізіла вырашэнне нацыя-

нальных праблем. Часовы ўрад пацвердзіў аўтаномныя правы Фінляндыі, выказаўся за аднаўленне незалежнасці Польшчы, якая ў той час была акупавана войскамі Германіі і Аўстра-Венгрыі. Што датычыцца правоў іншых народаў, то цэнтральная ўлада Расіі адкладвала гэтыя праблемы да Устаноўчага сходу. Тым не менш з праектамі дзяржаўнага ўладкавання выступілі ўкраінскія, беларускія, літоўскія, латвійскія нацыянальныя арганізацыі.

Асноўная частка

Беларусь у 1917 г. займала асобае месца ў геапалітычных планах краін – удзельніц вайны, у страгэгічных планах розных палітычных сіл. Тэрыторыя Беларусі часткова была акупавана, астатнія беларускія землі з'яўляліся прыфрантавой зонай. Тут у 1917 г. дзейнічала мноства палітычных партый і арганізацый, а нацыянальны рух меў свае асаблівасці. Значны ўплыў на яго аказвалі ідэі заходне-русізму, якія на працягу XIX ст. актыўна пашыраліся на Беларусі і ў пачатку XX ст. падтрымліваліся многімі агульнарасійскімі і беларускімі палітычнымі партыямі і арганізацыямі (Беларуская партыя народных сацыялістаў, «Беларускі народны саюз», «Беларуская партыя аўтанамістаў», «Беларускі саюз зямельных уласнікаў», «Саюз беларускага праваслаўнага духавенства» і інш.). Так, у праекце «Беларускага народнага саюза» «Аб асновах самакіравання Беларусі», які быў перададзены Часоваму ўраду ў ліпені 1917 г., гаворка ішла пра мясцовае самакіраванне гаспадарчай дзейнасцю.

У праекце праграмы Беларускай партыі народных сацыялістаў прапаноўвалася нацыянальна-тэрытарыяльная аўтаномія Беларусі ў складзе расійскай федэратыўнай дэмакратычнай рэспублі-

кі. Ідэя нацыянальна-культурнага самавызначэння ў межах краёвай аўтаноміі была падтрымана Беларускай партыяй аўтанамістаў і «Беларускай хрысціянска-дэмакратычнай злучнасцю». Нацыянальна-тэрытарыяльнай аўтаноміі ў складзе федэратыўнай Расіі патрабавала Беларуская сацыялістычная грамада (БСГ), якая аднавіла сваю дзейнасць у сакавіку 1917 г.

Па ініцыятыве старшыні мінскай арганізацыі БСГ А. Смоліча 25 сакавіка 1917 г. беларускія палітычныя партыі і арганізацыі сабралі свой з'езд, на якім прысутнічала каля 150 чалавек. Быў абраны Беларускі нацыянальны камітэт (БНК) у складзе 18 чалавек для падрыхтоўкі выбараў у Беларускую краёвую раду. БНК у красавіку накіраваў дэлегацыю на чале са старшынёй камітэта Р. Скірмунтам на перагаворы з Часовым урадам.

Пазней, 8–10 ліпеня 1917 г., адбыўся II з'езд беларускіх нацыянальных арганізацый, які зноў выступіў за нацыянальна-тэрытарыяльную аўтаномію. Замест БНК быў створаны новы каардынацыйны орган – Цэнтральная рада беларускіх арганізацый, якая ў кастрычніку стала называцца Вялікая беларуская рада (ВБР).

Ідэя нацыянальнага самавызначэння пашыралася сярод бежанцаў-беларусаў, у асяроддзі маракоў Балтыйскага флоту, салдат 12-й арміі, вайскоўцаў на Румынскім фронце.

Дыскусіі аб самавызначэнні і мясцовай уладзе ў лістападзе 1917 г. завяршыліся прыняццем адозвы «Да ўсяго беларускага народа» выканкамамі ВБР, Цэнтральнай беларускай вайсковай рады (ЦБВР), Беларускамі выканкамамі Заходняга фронту. У ёй гаварылася, што ўлада ў Беларусі павінна належаць Краёвай радзе, якая будзе выбірацца ўсеагульным, роўным, тайным, прапарцыянальным галасаваннем. Беларусь, паводле адозвы, мусіла стаць дэмакратычнай рэспублікай, спаянай з Вялікарасіяй і яе суседнімі рэспублікамі на аснове федэрацыі. Зварот заклікаў абіраць прадстаўнікоў на Усебеларускі з'езд, які пачне работу 5 снежня 1917 г.

Выканкам ВБР 18 лістапада выдаў цыркуляр «Да ўсіх самакіраванняў Беларусі», у якім замацоўвалася права розных мясцовых арганізацый пры немагчымасці правядзення выбараў дэлегатаў камандзіраваць сваіх прадстаўнікоў на з'езд.

Пры Усерасійскім Савеце сялянскіх дэпутатаў 17 лістапада 1917 г. з ліку дэлегатаў ад беларускіх губерняў, а таксама прадстаўнікоў арміі і флоту быў створаны Беларускі абласны камітэт (БАК), які заявіў аб намеры «ўзяць на сябе пачын склікання надзвычайнага беларускага з'езда»¹.

БАК вёў перагаворы з кіраўніцтвам Народнага камісарыята па справах нацыянальнасцей РСФСР адносна будаўніцтва беларускай нацыянальнай дзяржавы. Было дамоўлена, што БАК будзе каардынаваць сваю працу з Мінскім Саветам рабочых і сялянскіх дэпутатаў. Агаворвалася, што ўлада павінна належаць краёваму Савету рабочых і сялянскіх дэпутатаў, выбранаму на Усебеларускім з'ездзе, які склікаецца ад імя БАК і Мінскага Савета рабочых і сялянскіх дэпутатаў сумесна. Лёс краіны кіраўнікі БАК бачылі ў аўтаномна-свабоднай Беларусі ў складзе расійскай федэратыўнай рэспублікі.

Кастрычніцкі падзеі ў Петраградзе актывізавалі дзейнасць цэнтральнай расійскай улады адносна беларускіх зямель. Беларусь стала значным знешнепалітычным фактарам у тэрытарыяльных інтарэсах Расіі, Германіі, Польшчы, Літвы, Украіны. Цэнтральнае савецкае кіраўніцтва пачало фарміраванне сістэмы мясцовых органаў улады. Так, 26 лістапада 1917 г. быў створаны апарат улады на тэрыторыі Заходняй вобласці і фронту – Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці (Аблвыкамзах) – шляхам аб'яднання выканаўчых камітэтаў з'езда Саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці, III з'езда сялянскіх дэпутатаў Мінскай

і Віленскай губерняў і II з'езда армій Заходняга фронту. Органы гэтага камітэта фарміраваліся пераважна з прадстаўнікоў фронту [1, с. 66]. Са 170 членаў Аблвыкамзаха больш за 100 чалавек з'яўляліся ваеннаслужачымі. Пры гэтым «у яго складзе былі толькі тры беларусы: левыя эсэры Казлоў, Дайнека, Муха»² [2, с. 62] і ўсяго адзін аддзел узначальваў беларус [3, с. 53]. Уласныя паўнамоцтвы Аблвыкамзаха распаўсюджваліся пераважна на Мінск і тэрыторыю Міншчыны. Галоўная роля ў ім адводзілася бальшавікам, якія вялі барацьбу за ўмацаванне свайго становішча, адхіленне ад улады іншых палітычных партый і арганізацый.

ВБР, БАК, Аблвыкамзах па-рознаму бачылі будучыню Беларусі. Тым не менш 24 лістапада 1917 г. было прынята рашэнне аб скліканні з'езда сумеснымі намаганнямі БАК, ВБР, ЦБВР і Беларускага выканаўчага камітэта Заходняга фронту.

На з'езд 5 снежня ў Мінск прыехалі 300 дэлегатаў з правам рашаючага голасу. У гэты дзень адбылася нарада дэлегатаў I Усебеларускага з'езда. Вечарам 7 снежня, калі іх колькасць павялічылася да 383 чалавек, было вырашана аб'явіць з'езд правамоцным. Ад Бюро па скліканні з'езда з кароткай прамовай выступіў С. Рак-Міхайлоўскі: «Народ беларускі. Мне выпаў высокі гонар адкрыць гэты з'езд. Паўз вашы плечы я бачу ўсю Беларусь! Яна стаіць перад Вамі, змучаная, поўная журботы і надзеі. <...> Беларусы! Вы прыйшлі сказаць сваё слова. Працуйце ж на карысць свайго народа. Няхай жыве Вольная Беларусь!»³.

Дэлегаты працавалі ў фракцыях, камісіях з'езда 7–15 снежня. Вяліся дыскусіі адносна самавызначэння Беларусі, эканамічнай, сацыяльнай, культурнай палітыкі. Напрыклад, на пасяджэннях культурна-асветніцкай секцыі 15 снежня разглядаўся даклад прафесара Я. Карскага аб адкрыцці першага беларускага ўніверсітэта.

Новы склад прэзідыума з'езд абраў 14 снежня, у гэты ж дзень быў сфарміраваны савет з'езда. Старшынёй з'езда стаў І. Серада, таварышамі старшыні – А. Вазіла і А. Прушынскі, сакратарамі – Л. Каляда і Шаўчук, таварышамі сакратара – Гушча і Т. Грыб. У савет з'езда ўвайшлі 57 чалавек, у тым ліку Я. Варонка (старшыня), К. Аляксееўскі, А. Бурбіс, Я. Дыла, Я. Карскі, Я. Канчар, А. Смоліч, С. Рак-Міхайлоўскі, А. Цвікевіч і інш. Перад гэтым дзейнічаў прэзідыум з'езда, абраны 9 снежня ў складзе Рак-Міхайлоўскага, Савіча, Фальскага, Клішэвіча, Вярбіцкага, Цвікевіча, Каўшылы, Грыба, Ладнова, Альхова, Дубовіка, Селівончыка⁴.

На 15 снежня мандатная камісія выдала 1167 мандатаў з правам рашаючага голасу і 705 – з пра-

¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 62. Воп. 1. Спр. 194. Арк. 11.

²Тут і далей пераклад наш. – П. Б.

³Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Арк. 180.

⁴Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 5–6.

вам дарадчага голасу [4, с. 730]. Гэтыя лічбы прыведзены старшынёй мандатнай камісіі з'езда П. Крачэўскім.

На з'езд прыехалі прадстаўнікі Саветаў рабочых, сялянскіх і салдацкіх дэпутатаў (па 1 чалавеку ад павета), губернскіх, павятовых і валасных земстваў, губернскіх і павятовых самакіраванняў, губернскіх і павятовых зямельных камітэтаў, губернскіх арганізацый паштова-тэлеграфных служачых, дарожных камітэтаў, губернскіх і павятовых настаўніцкіх арганізацый, саюза земскіх служачых, беларускіх бежанскіх арганізацый, беларускіх нацыянальных арганізацый (па 1 прадстаўніку ад губерні), дэлегаты ад арміі, флоту і тылу (па 1 выбраным прадстаўніку ад 500 вайскоўцаў-беларусаў). На з'езд былі запрошаны члены выканаўчых органаў БАК, ВБР, ЦБВР, з'езда беларусаў у Маскве, прадстаўнікі яўрэйскіх, польскіх, літоўскіх нацыянальных партый¹.

Такім чынам, з'езд прадстаўляў тагачаснае беларускае грамадства, яго правядзенне сведчыла аб развіцці беларускага нацыянальна-вызваленчага руху. Беларускае пытанне становілася важным палітычным фактарам. Яўсей Канчар тады канстатаваў: «Мы стаім на мяжы альбо адраджэння Беларусі як культурнага і дзяржаўнага арганізма, альбо новага яе заняволення з боку больш моцных суседзяў» [5, с. 62].

Юрыдычны статус з'езда дазваляў прымаць правамоцныя рашэнні адносна Беларусі. Большасць дэлегатаў прадстаўлялі нацыянальныя інтарэсы беларускага народа і разумелі іх як інтарэсы працоўнага люду. Паводле апублікаванай П. Крачэўскім інфармацыі, «з 375 дэлегатаў, што далі адказ на пытанне пра сацыяльнае становішча, звыш трох чвэртак (78,7 %) належалі да сацыяльных нізоў» [6, с. 178]. У сувязі з гэтым нельга пагадзіцца з І. Ігнаценкам, які сцвярджаў, што нацыянальнай буржуазіі быў патрэбны з'езд не рабочых, сялян, салдат, а рознага тыпу дарэвалюцыйных чыноўнікаў: «З прыбыўшых на з'езд дэлегатаў 22 % складалі афіцэры, юрысты, журналісты, вучоныя, настаўнікі і інш.» [1, с. 65]. Такі склад з'езда меў не адмоўны, а станоўчы характар. Беларускую ідэю падтрымлівала адукаваная і свядомая частка насельніцтва краіны. У рэзалюцыях многіх секцый і камісій гучала ідэя сацыяльнай справядлівасці. Як сведчыў Я. Канчар, «з'езд стаў на пазіцыю абароны інтарэсаў працы ад эксплуатацыі капіталу» [5, с. 72].

У перыяд 15–17 снежня з'езд падышоў да вырашэння галоўнага пытання – арганізацыі краёвай улады і праблемы самавызначэння. Дэлегаты павінны былі зрабіць выбар шляху развіцця беларускага грамадства: стварэнне самастойнай дзяржавы ці ўваходжанне ў склад Савецкай Расіі?

У падрыхтаваным праекце «Аснова рэспубліканскага ладу Беларусі ў складзе Агульнарасійскай федэрацыі» дамінавалі погляды прадстаўнікоў БАК. Згодна з гэтым дакументам Беларусь павінна была стаць дэмакратычнай рэспублікай у складзе федэратыўнай Расіі. Вярхоўная ўлада ў Беларусі мусіла належаць усяму беларускаму народу. Вышэйшым заканадаўчым органам прызнаваўся Народны сход, які павінны былі выбіраць усе грамадзяне рэспублікі, што дасягнулі 25-гадовага ўзросту, на аснове ўсеагульнага выбарчага права па сістэме прапарцыянальнага прадстаўніцтва. Меркавалася, што выканаўчую ўладу на Беларусі будзе ажыццяўляць савет старэйшын, у які, як планавалася, увайдучь старшыня, яго намеснік і 10 членаў, выбраных Народным сходам².

Першачарговай задачай «абласнікі» лічылі арганізацыю ўсіх беларускіх зямель у адзіную вобласць на аснове шырокай аўтаноміі ў палітычнай, эканамічнай і культурна-нацыянальнай сферах. Краёвую ўладу прыхільнікі БАК разумелі як Часовы савет Беларусі, паўнамоцны да склікання II Усебеларускага з'езда, а затым – Беларускага ўстаноўчага сходу.

Галоўным пунктам разыходжання «радаўцаў» і «абласнікоў» стала пытанне аб прызнанні Беларускай Рэспублікі. Так, першыя патрабавалі неадкладна абвясціць беларускую дзяржаву. Іх падтрымлівалі Віленскае і Гродзенскае зямляцтвы. «Абласнікі» лічылі рэалізацыю гэтай прапановы немагчымай у тых гістарычных абставінах.

Пазіцыю «радаўцаў» выказаў у сваім дакладзе Я. Варонка. Галоўнай задачай з'езда, на яго думку, з'яўлялася арганізацыя краёвай улады. З гэтай мэтай была створана Беларуская краёвая рада, якая мелася склікаць Беларускі ўстаноўчы сход, выказаць свае адносіны да міру і паслаць дэлегатаў на мірную канферэнцыю ў Брэсце. «Радаўцаў» падтрымалі члены ваеннай секцыі I Усебеларускага з'езда.

Дыскусія на з'ездзе паказала істотныя разыходжанні ў поглядах удзельнікаў на пытанні дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі, сістэмы органаў улады, адносін да Расіі. Нават памяркоўнае патрабаванне самавызначэння ў форме рэспублікі як раўнапраўнага суб'екта агульнарасійскай федэрацыі «абласнікі» не падтрымлівалі. Як справядліва зазначыў праз чатыры гады пасля правядзення I Усебеларускага з'езда адзін з яго актыўных удзельнікаў А. Цвікевіч, думка аб незалежнасці Беларусі не мела поспеху. Яна гучала на ўсіх сходах і камісіях толькі ў рэчышчы формулы федэратыўнай Расіі, дзе Беларусь разглядалася выключна як частка агульнай дзяржавы. Як заўважыў А. Цвікевіч, «прынцып федэрацыі мала каму быў ведамы. <...>

¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 171. Арк. 19–20; Спр. 175. Арк. 10–13.

²Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 5.

Нязнаіства федэратыўнай сістэмы было нагэтулькі вялікае, што прапанова назваць Беларусь рэспублікай, хоць бы і ў складзе Расійскай федэрацыі, выклікала сярод дэпутатаў абурэнне, спрэчкі і варожыя адносіны» [3, с. 61]. З'езд сведчыў аб дамінаванні сацыяльнага над нацыянальным.

Вечарам 17 снежня было вырашана правесці нараду савета з'езда з лідарамі фракцый і зямляцтваў для ўзгаднення і прыняцця агульнай рэзалюцыі. Пасля доўгіх дыскусій удалося выпрацаваць адзіны тэкст пастановы аб самавызначэнні Беларусі і часовай краёвай уладзе. Дакумент быў зачытаны дэлегатам з'езда ў 1 гадзіну 15 хвілін ночы з 17 на 18 снежня. Рэзалюцыя складалася з 15 пунктаў, сярод якіх цэнтральнае месца займаў першы. У ім падкрэслівалася, што «замацоўваючы сваё права на самавызначэнне, абвешчанае Расійскай рэвалюцыяй, і ўсталёўваючы рэспубліканскі дэмакратычны лад у межах беларускай зямлі, для выратавання роднага краю і засцерагаючы яго ад падзелу і адарвання ад Расійскай Дэмакратычнай Федэратыўнай Рэспублікі, I Усебеларускі з'езд пастанаўляе: неадкладна арганізаваць са свайго складу орган краёвай улады ў асобе Усебеларускага Савета сялянскіх, салдацкіх і рабочых дэпутатаў, які часова становіцца на чале кіравання краем, уступаючы ў дзелавыя зносіны з цэнтральнай уладай, адказнай перад Саветам рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў» [7, с. 105].

У рэзалюцыі адзначалася, што названы орган мясцовай улады канцэнтруе ў сабе ўсе функцыі адказнага кіравання краем, ён мусіць прыняць меры да найхутчэйшага склікання Беларускага ўстаноўчага сходу, які павінен вызначыць лёс беларускага народа. Астатнія пункты рэзалюцыі датычыліся арганізацыі беларускага войска, вырашэння зямельнага пытання, устанавлення народнага кантролю над вытворчасцю і гандлем і інш.

Як бачна, прапанаваная рэзалюцыя мела кампрамісны характар, у ёй улічваліся інтарэсы ўсіх дэлегатаў з'езда: і «радаўцаў», і «абласнікаў». У дакуменце абмінута ўвагай нават назва Беларусі як аўтаномнай рэспублікі. Гаворка ішла пра кіраванне краем, беларускія землі, расійскую федэрацыю і сувязь з цэнтральнай уладай.

Дэлегаты паспелі аднагалосна прыняць толькі першы пункт рэзалюцыі. У ноч з 17 на 18 снежня 1917 г. з'езд быў разгаганы сілай, прычым, як сцвярджалі ўдзельнікі тых падзей, кіраваў гэтым працэсам начальнік Мінскага гарнізона Крыва-шэін, які ў той момант знаходзіўся ў нецвярозым стане. Былі арыштаваны 27 чалавек, у тым ліку старшыня з'езда Іван Серада. У тэлеграфнай размове члена ВРК Заходняй вобласці і фронту Пікеля з намеснікам наркама замежных спраў РСФСР Л. Караханам (Караханянам), па сутнасці, была

дадзена фальсіфікаваная версія падзей, звязаных з працай з'езда і прынятых на ім рашэнняў [3, с. 63]. Старшыня СНК Заходняй вобласці і фронту К. Ландэр 21 снежня ў тэлеграме Ураду Народных Камісараў, наркаму па нацыянальных справах Сталіну, Усерасійскаму цэнтральнаму выканаўчаму камітэту, рэдакцыі газеты «Праўда» даў больш прыбліжаную да рэальнасці, але таксама скажоную карціну тых драматычных падзей. У прыватнасці, падкрэслівалася, што «кіраўнікі беларускіх рад склікалі на 1 і 15 снежня ўсебеларускія з'езды. <...> З'езд пятнаццатага быў скліканы з парушэннем дамоўленасці з таварышам Сталіным. Выказаўшыся ў прынцыпе за прызнанне Савецкай улады, паколькі яна існуе ў Расіі, і за кантакт з Цэнтральным Урадам Народных Камісараў, з'езды не прызналі ўсталяваную Саветамі ўладу для мясцовага краю з перадачай яе абранаму на з'ездзе арганізацый рады органу. У адказ на гэта Савет Народных Камісараў Заходняй вобласці і фронту аб'явіў з'езд распушчаным, прапанаваў яго прэзідыуму пакінуць межы фронту і краю і прыступіць да ліквідацыі кадэцкіх арганізацый, што знайшлі прыстанішча пад сцягам беларускага нацыянальнага руху» [7, с. 109].

Тэкст тэлеграмы сведчыць пра тое, што кіраўнікі Аблвыкамзаха і Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту не жадалі дзяліцца ўладай. Законных падстаў для разгону з'езда ў кіраўніцтва Аблвыкамзаха і Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту не было. Непасрэдныя ўдзельнікі тых падзей А. Чарвякоў, З. Жылуновіч, Я. Дыла, В. Кнорын пазней выказвалі сваё сумненне ў неабходнасці правядзення гэтай акцыі. Яны лічылі, што, абапіраючыся на левае крыло з'езда і ўплываючы на тых, хто вагаецца, можна было стрымаць прыхільнасць і знайсці кампраміснае рашэнне з існуючай у краі ўладай. Тым больш што з'езд выказаўся ў падтрымку Саветаў. Дэлегаты не прызналі паўнамоцтвы Аблвыкамзаха, які справядліва лічылі прадстаўніцтвам фронту, а не насельніцтва Беларусі.

Разгон з'езда разглядаўся дэлегатамі як «акт здзеку над беларускім народам, учыненым праз наплыўны элемент гвалтоўнікаў-чужынцаў. <...> Пасля гэтага кожны шчыры беларус яшчэ з большай энергіяй, з большым агнём будзе працаваць на карысць пакутнай маці Беларусі», – так пісаў 31 снежня 1917 г. у газеце «Вольная Беларусь» дэлегат з'езда І. Нялепка¹.

Адпрацаваныя ў Беларусі метады «супрацоўніцтва» бальшавіцкай улады з дэмакратычна створанымі інстытуцыямі былі выкарыстаны і ў дачыненні да абранага ў лістападзе 1917 г. на аснове ўсеагульнага, роўнага, прамога, тайнага галасавання Усерасійскага ўстаноўчага сходу, разгаганага ў ноч з 5 на 6 студзеня 1918 г.

¹Вольная Беларусь. 1917. № 36. 31 дек. С. 3.

Разгон I Усебеларускага з'езда, рашэнні якога сталі палітычным арыенцірам у далейшым развіцці беларускага нацыянальнага руху, меў многа наступстваў. Адным з іх было ўтварэнне 18 снежня 1917 г. на пасяджэнні актывістаў і часткі прэзідыума з'езда Выканкама савета з'езда на чале з лідарам народніцкага крыла БСГ Т. Грыбам. Раніцай 18 снежня на пасяджэнні ў памяшканні чыгуначнага дэпо Лібава-Роменскай чыгункі савет пастанаўіў:

1) лічыць I Усебеларускі з'езд насільна разагнаным;

2) савет з'езда прызнаць выканаўчым органам з'езда, абавязкам якога з'яўляецца правядзенне ў жыццё ўсіх рашэнняў і пастановаў з'езда;

3) дапоўніць савет з'езда дэлегатамі ад зямляцтваў і іншых груп, якія накіроўвалі сваіх прадстаўнікоў ад з'езда ў савет і даць ім права адводу, адклікання і кааптацыі [7, с. 110].

Выканкам савета з'езда, існуючы нелегальна, здолеў паслаць неафіцыйную дэлегацыю на мірныя перагаворы ў Брэст-Літоўск з наказам абароны і пільнавання правоў пры падпісанні міру на грунце адзінства і непадзельнасці Беларусі як раўнапраўнай і аўтаномнай часткі расійскай дэмакратычнай федэратыўнай рэспублікі. Быў зроблены першы, праўда безвыніковы, практычны крок у справе абароны непадзельнасці Беларусі як гістарычна аформленай тэрытарыяльна-этнічнай дзяржаўнай адзінкі. Як пісаў тады Язэп Лёсік, «цэльнасць нашае зямлі <...> для нас – гэта пытанне жыцця і смерці» [8, с. 251].

Наказ, як і рашэнні Усебеларускага з'езда, паказваў, што дамінуючай у грамадскім руху па-ранейшаму застаецца ідэя Беларускай Рэспублікі ў складзе федэратыўнай дэмакратычнай Расіі. Нягледзячы на наяўнасць розных думак і падыходаў да дзяржаўнага самавызначэння Беларусі, падрыхтаваныя секцыямі і камісіямі з'езда рэзалюцыі вызначылі далейшы агульны напрамак усяго беларускага нацыянальна-дзяржаўнага жыцця [3, с. 65].

Нацыянальна-вызваленчы рух патрабаваў ад цэнтральнай улады прыняцця рашэння адносна стварэння ў Расіі федэрацыі. На III Усерасійскім з'ездзе Саветаў у студзені 1918 г. была прынята пастанова аб заснаванні Расійскай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі на аснове добраахвотнага са-

юза народаў Расіі як федэрацыі савецкіх рэспублік гэтых народаў.

Дэлегаты III Усерасійскага з'езда Саветаў былі азнаёмы ў бальшавіцкай трактоўцы з падзеямі, звязанымі з разгонам беларускага з'езда. Па іх словах, Усебеларускі з'езд складаўся выключна з памешчыкаў, згоднікаў-сацыялістаў¹.

Пасля разгону з'езда пачалася яго ідэйна-палітычная дыскрэдытацыя з боку бальшавікоў. Асабліва цяжкі ад нападак лідары ВБР, ЦБВР. Старшыня савета з'езда Я. Варонка на працягу першай паловы студзеня 1918 г. двойчы арыштоўваўся бальшавікамі. На загад кіраўніцтва СНК Заходняй вобласці ў ноч на 27 студзеня арыштавалі членаў Выканкама ЦБВР Езавітава і Захарку, а дакументы арганізацыі былі захоплены.

У выніку легальнае існаванне цэнтраў беларускага руху ў Мінску прыпынілася. Разам з забаронай дзейнасці ЦБВР прыпынілася выданне яго друкаванага органа – газеты «Беларуская рада». У сувязі з распачатым нямецкім наступленнем 19 лютага 1918 г. арыштаваным членам ЦБВР удалося здзейсніць уцёкі. Выканкам ЦБВР пастанаўіў з прычыны яўнага «імкнення Народнага Камісарыята Заходняй вобласці збегчы на ўсход і з прычыны набліжэння немцаў, анархii ў горадзе ўзяць на сябе ахову парадку і бяспекі ў Мінску, а калі спатрэбіцца – то і ва ўсёй Беларусі, а таксама прапанаваць Выканаўчаму камітэту Рады I Усебеларускага з'езда выканаць волю з'езда і ўзяць уладу ў свае рукі» [3, с. 66].

Аднак у Выканкама ЦБВР не было ўзброенай сілы для барацьбы за ўладу. ЦБВР змагла стварыць толькі некалькі беларускіх вайсковых адзінак [6, с. 163]. Дамоўленасць дэлегацыі рады з першым савецкім вярхоўным галоўнакамандуючым М. Крыленкам, які заняў гэту пасаду пасля забойства генерала М. Духоніна, і камандуючым Заходнім фронтам А. Мясніковым аб фарміраванні першага нацыянальнага Беларускага палка і Беларускага корпуса па штатах польскага была адменена па патрабаванні Ваенна-рэвалюцыйнага камітэта Заходняга фронту. Так, 24 лістапада М. Крыленка аддаў загад «прыпыніць да асобага распараджэння» фарміраванне беларускага войска ў прыфрантавой зоне², а 2 снежня 1917 г. Аблвыкамзах прыняў рашэнне аб расфарміраванні польскіх легіёнаў і недапушчэнні фарміравання беларускіх вайсковых падраздзяленняў [9, с. 356].

Заклучэнне

Такім чынам, падзеі, якія адбыліся ў нацыянальна-вызваленчым руху ў 1917 г., сведчылі пра тое, што ідэя будаўніцтва беларускай нацыянальнай дзяржавы набірала моц. У гэтых абставінах цэн-

тральная расійская ўлада павінна была лічыцца з патрабаваннямі прадстаўнікоў тагачаснага беларускага грамадства, якія праз дэлегатаў I Усебеларускага з'езда выказаліся за непадзельнасць Беларусі,

¹Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 748. Арк. 62.

²Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 37.

зацвярджэнне ў яе межах рэспубліканскага ладу, замацаванне за грамадзянамі асноўных дэмакратычных правоў.

Савецкая ўлада, якая толькі ўсталёўвалася ў краіне, пайшла на абмежаванне супрацоўніцтва з прадстаўнікамі нацыянальных рухаў. Аднак бальшавікі не пагадзіліся на кампраміс, дэмакратычныя працэдуры фарміравання ўладных структур. Падобныя крокі яны разглядалі як слабасць улады, а прымус, гвалт – як сілу. Такая «франтавая псіхалогія кіравання» была характэрнай для савецкай улады той пары.

Як адзначаў А. Станкевіч, «Усебеларускі кангрэс, хоць фармальна яшчэ не сказаў слоў “Беларусь –

незалежная дзяржава”, то фактычна ён выдаў першыя зародкі гэтага ідэалу. Народзіны ідэі суверэннай Беларусі <...> безумоўна адносяцца да Усебеларускага Кангрэсу 1917 г.» [10, с. 95].

Сам факт склікання I Усебеларускага з’езда, шырокае абмеркаванне праблем нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння мелі выключнае гістарычнае значэнне. Упершыню ў навейшай гісторыі Беларусі з’езд засведчыў усведамленне беларускім народам сваіх палітычных інтарэсаў. У час вялікіх перамен, калі з’явілася рэальная магчымасць самавызначэння нацыі, лепшыя прадстаўнікі беларускага народа змаглі пакласці першыя камяні ў фундамент нацыянальнай дзяржавы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Игнатенко И. М.* Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992.
2. *Лигин В.* Могла ли состояться БССР в 1917 году? // *Беларус. думка*. 2009. № 12. С. 62–71.
3. *Ладзеў У. Ф., Брыгадзін П. І.* Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003.
4. *Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы.* М., 1957.
5. *Канчер Е. С.* Белорусский вопрос : сб. ст. Петроград, 1919.
6. *Рудовіч С.* Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск, 2001.
7. *Турук Ф.* Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.
8. *Лёсік Я.* Творы. Мінск, 1994.
9. *Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы : в 2 т.* Минск, 1957. Т. 2.
10. *Станкевіч А.* Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення. Вільня, 1935.

References

1. *Ihnatenko I. M.* [The October Revolution and the self-determination of Belarus]. Minsk, 1992 (in Russ.).
2. *Hihin V.* Could the Byelorussian SSR take place in 1917? *Belarus. dumka*. 2009. No. 12. P. 62–71 (in Russ.).
3. *Ladyseu V. F., Bryhadzin P. I.* [Between East and West: formation of the statehood and territorial integrity of Belarus (1917–1939)]. Minsk, 2003 (in Belarus.).
4. [Revolutionary movement in Russia after the overthrow of tsarism. Documents and materials]. Moscow, 1957 (in Russ.).
5. *Kancher E.* [The Belarusian question. Digest of articles]. Petrograd, 1919 (in Russ.).
6. *Rudovich S.* [Hour of choice: the problem of self-determination of Belarus in 1917]. Minsk, 2001 (in Belarus.).
7. *Turuk F.* [The Belarusian Movement. Essay on the history of the national and revolutionary movement of Belarusians]. Moscow, 1921 (in Russ.).
8. *Lesik Y.* [Works]. Minsk, 1994 (in Belarus.).
9. [The Great October Socialist Revolution in Belarus. Documents and Materials] : in 2 vol. Minsk, 1957. Vol. 2 (in Russ.).
10. *Stankevich A.* [To the history of the Belarusian political liberation]. Vilnia, 1935 (in Belarus.).

Артыкул паступіў у рэдкалегію 25.05.2017.
Received by editorial board 25.05.2017.

СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГУЛАГА

В. А. БЕРДИНСКИХ¹⁾, В. И. МЕНЬКОВСКИЙ²⁾

¹⁾Институт гуманитарных и социальных наук Вятского государственного университета,
ул. Ленина, 111, 610002, г. Киров, Россия

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются идеология и экономика подневольного труда в советском ГУЛАГе (Главном управлении лагерей и мест заключения; затем – Главном управлении исправительно-трудовых лагерей). Показано формирование структуры ГУЛАГа, выявлены ее особенности, отмечены негативные последствия подневольного труда. Утверждается, что ГУЛАГ стал одним из феноменов эпохи сталинизма. Подчеркивается возрастающее в последние годы внимание историков к актуальным как для академической среды, так и для общества в целом проблемам советской истории, в круг которых входит и история сталинизма в различных его измерениях и составляющих. Внимание уделено тому факту, что объективный анализ исторического опыта сталинского периода советской истории вновь приобретает общегражданское значение. Отмечается влияние факта существования ГУЛАГа на культуру, язык и мораль советского (а ныне и российского) общества, которое сталкивается с проблемами нравственного преодоления наследия ГУЛАГа. Говорится о том, что именно в ГУЛАГе сложился своеобразный комплекс норм поведения, присущий не только подневольным, но в определенной мере и вольнонаемным работникам, так как обе эти части лагерного населения жили в своеобразном симбиозе, специфической этикой пропитывался каждый, кто имел отношение к лагерю (заключенный – «бытовик» или «политический» (жарг.), охранник или надзиратель, воспитатель или инженер). Внутри- и внелагерный советский социум характеризуется как единое целое, сотворенное одними и теми же ваятелями, по единому замыслу и из одного и того же человеческого материала.

Ключевые слова: ГУЛАГ; сталинизм; СССР; заключенные; подневольный труд; историография; социальные и гуманитарные науки.

THE STALIN ERA: SOME CHARACTERISTICS OF THE FORMATION OF THE GULAG

V. A. BERDINSKIKH^a, V. I. MENKOUSKI^b

^aVyatka State University, Institute of Humanitarian and Social Sciences, Lenina Street, 111, 610002, Kirov, Russia

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding autor: V. I. Menkovski (menkovski@bsu.by)

The article examines the ideology and economics of forced labour in the Soviet Gulag (the Main Directorate of Camps and Places of Detention, then the Main Directorate of Forced Labour Camps). The formation of Gulag structure is shown, its features are revealed, negative consequences of servitude labor are noted. The authors note that Gulag became one of

Образец цитирования:

Бердинских В. А., Меньковский В. И. Сталинская эпоха: особенности формирования ГУЛАГа // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 44–54.

For citation:

Berdinskikh V. A., Menkovski V. I. The Stalin Era: some characteristics of the formation of the GULAG. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 44–54 (in Russ.).

Авторы:

Виктор Аркадьевич Бердинских – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры отечественной истории и этнологии факультета истории, политических наук и культурологии.

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Authors:

Viktor A. Berdinskikh, doctor of science (history), full professor; professor at the department of native history and ethnology, faculty of history, political science and culture.

bva.prof@mail.ru

Viachaslau I. Menkovski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.

menkovski@bsu.by

the phenomena of the Stalin's era. In recent years, there has been a growing interest among historians in certain issues in Russian history that continue to remain relevant for both the academic world and wider society. This, without doubt, includes the history of Stalinism with all its dimensions and components. Objective analysis of the historical experience of the Stalin period of Soviet history seems to be gaining in common civil significance over again. Noted the influence of fact of the existence of the Gulag on the culture, language and morals of the Soviet and now Russian society that faces the problems of moral overcoming of the legacy of Gulag. It is in Gulag that a certain set of norms of behavior was formed to be followed not only by prison camp inmates but, to a certain degree, by civilian camp workers as well, for both of these segments of the camp population lived in a sort of symbiosis. So «camp ethics» would, naturally, permeate everyone who had something to do with the «zona» («area»), be it the camp's inmates, who were grouped into «bytoviks» («everydayers») and «politicals», its security guards and warders, or its educators and guidance officers. The internal and extra-campal Soviet society is characterized as a single whole created by the same «sculptors», according to a single plan, from the same human material.

Key words: Gulag; Stalinism; USSR; Prison camp inmates; Forced labour; Historiography; Social Sciences and Humanities.

Идеология и экономика в период формирования ГУЛАГа

Массовое и масштабное использование подневольного труда заключенных практически во всех важнейших экономических проектах оказалось закономерным для сталинской эпохи. Террор власти по отношению к народу, а также масштабная реконструкция экономики страны во всем многообразии строек (от утопических и разорительных до жизненно необходимых) привели к объединению в истории ГУЛАГа политической и собственно экономической составляющих (идеологий).

В духе новых социальных технологий люди становились «человеческим материалом», винтиками в механизме строительства социализма. Эту задачу в Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) СССР решали преобразованием людей в заключенных. По мнению советских вождей, уже на Беломорско-Балтийском канале труд заключенных расширял свою функцию: динамика шла от организации к исправлению социального опыта. Декларировалось, что такой коллективный труд не только общественно полезен, но и жизненно важен для строительства социализма. Это не просто репрессивный, но и искупительный труд, посредством репрессий приобщающий людей к великой идее построения социализма [1]. Такая риторика характерна лишь для начала становления лагерной системы 1930-х гг.

Идеология в ГУЛАГе, по верному замечанию М. Дэвида-Фокса, проявлялась прежде всего не в следовании догмам марксистско-ленинской теории, а в менталитете начальников управления всех уровней, их номенклатурно-бюрократической психологии. Решения высшего сталинского руководства в этой области чаще всего были жестко прагматичными, сиюминутными, импровизационными, затратными, бездушными и находящимися вне норм гуманистической морали.

Условно можно выделить две основные задачи советской власти по отношению к заключенным. Первая – карательная – заключалась в использовании тяжелого физического труда как меры наказания. Вторая – экономическая – имела цель сделать систему мест заключения своеобразной экономической опорой режима, функционирующей на основе самокупаемости и приносящей прибыль в государственный бюджет.

Идеи массового использования труда заключенных для колонизации русского Севера и Сибири были озвучены еще в 1920-е гг., в это же время шли поиски новых подходов к использованию такого труда¹, которые оказались востребованы и реализованы лишь в 1930-е гг. Первым детищем ГУЛАГа стала организация «Управление северных лагерей особого назначения», входящая в состав объединенного государственного политического управления и созданная 5 августа 1929 г., с центром в Сольвычегодске. Сюда относились Ухтинский, Котласский, Сыктывкарский и другие северные исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Управление стало прототипом будущей гигантской лагерной сети.

После создания в 1934 г. единого НКВД СССР, объединившего под своим прямым началом все карательные органы, образовался единый ГУЛАГ, который вобрал в себя все лагеря, колонии и тюрьмы страны. При этом лагерное ведомство продолжало разрастаться и решать все более многообразные задачи хозяйственного строительства: если в 1936 г. (по состоянию на 1 января) в ИТЛ содержались 839 406 человек, то в 1938 г. их количество выросло до 996 367 человек, а в 1939 г. в ведомстве находилось уже 1 317 195 человек².

Постепенно правительство СССР, все больше вдохновляясь использованием бесплатной рабочей

¹Дзержинский Ф. Э. О революционной законности // Исторический архив. 1958. № 1.

²Мученики и исповедники Российские в контексте изучения архивно-следственных дел 1920-х – 1930-х годов [Электронный ресурс]. URL: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=374&menu_parent_id=0&show_date=1&category_id=14&article_page_content=0&show_preview_img=0&show_file_list=1&flag=ajax&page=1®ime=site&content_id=113 (дата обращения: 15.06.2017).

силы, сочло крайне уместным и целесообразным законодательно подстроить систему принудительного лагерного труда под нужды планово-социалистической (по сути сверхмилитаризированной) экономики, обосновывая это интересами индустриализации страны. Доподлинно известно, что именно заключенные сооружали крупнейшие заводы и железные дороги, каналы и электростанции, ни одна крупная стройка первых пятилеток не обошлась без труда заключенных. В стране были организованы специализированные гулаговские управления, занимавшиеся железнодорожным строительством, лесной и тяжелой промышленностью, а также другими важными отраслями экономики Советского Союза. Лагерная экономика, начиная с 1930-х гг., становится ведущей опорой советской системы хозяйствования, на ней, в сущности, и держалась сталинская модель социализма. В связи с этим все важнейшие для жизнедеятельности лагерей вопросы нередко решались совместными постановлениями ЦК ВКП(б) (затем – КПСС) и Советом народных комиссаров (позже – Советом Министров) СССР.

Предшественниками ГУЛАГа оказались индустриализация и сплошная коллективизация (важнейшие элементы как экономики, так и новой сталинской «социальной инженерии»), которые предпринимали попытки выковать из прежнего социально разнообразного общества единого советского человека с заданными властью параметрами. Создание такого однородного общества требовало не только периодического смешения всех классов и слоев, но и создания эффективной в плане изменения людей массовой системы мест заключения. Контекстом целой эпохи стали великие социальные эксперименты.

Переломным не только для страны, но и для системы лагерей стал 1929 г. Совет народных комиссаров 11 июля 1929 г. принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», в котором отделению государственного политического управления (ОГПУ) было поручено «расширить существующие лагеря и организовать новые в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других труднодоступных районах <...> с целью колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы»¹. Это постановление определило развитие системы лагерей в стране на несколько десятилетий. Заключенных необходимо было отправлять в те регионы и определять на такие работы, которых избегали свободные работники.

Идеологически ставилась задача перевоспитания тяжелым трудом всех политически и соци-

ально опасных элементов общества. Они должны были либо погибнуть, либо стать частью трудового народа страны. Именно из этих соображений в 1929–1931 гг. в Советском Союзе создавалась сеть исправительно-трудовых лагерей, в которых, выражаясь на гулаговско-канцелярском сленге, человек становился «исполнителем программы», в сущности же заключенный оказывался прахом, пылью, горсткой удобрения для прекрасных садов будущего, которые, как фарисейски обещала советская пропаганда, расцветут в скором будущем.

Однако при такой ситуации ГУЛАГу постоянно требовались значительные объемы грубой рабочей силы, в квалифицированном труде практически не было нужды. Прежние «источники комплектования» – враги и недоброжелатели режима, социально чуждые новой власти (бывшие дворяне и белогвардейцы, меньшевики, эсеры и другие либерально-критиканствующие интеллигенты) – дать такого рода рабочую силу не могли. Решение было найдено в терроре социально близких слоев населения – крестьян и рабочих, которые были хорошо знакомы с лопатой, киркой, пилой и тачкой, физически крепки, а значит способны дольше выживать в лагерях. Лагерный молох стал питаться уже не десятками тысяч, а миллионами жизней и стремительно вырос в самое влиятельное и мощное хозяйственное ведомство страны.

Для руководства главная ценность заключенных состояла в том, что они являлись мобильной и дешевой рабочей силой, хотя на самом деле дешевизна труда заключенных оказалась иллюзией. Тем не менее в 1930-е гг. лагеря и колонии ГУЛАГа органично вписывались в систему экстенсивной советской экономики и ориентировались на главные антирыночные принципы: тотальное директивное планирование, внеэкономические методы принуждения к труду, уравнилительное распределение благ.

Массовые репрессии против собственного народа в 1930-е – начале 1950-х гг. приобрели в СССР отлаженную технологичность, ГУЛАГ стал важным орудием сталинского режима для решения многих политических, экономических, социальных задач. Под удар попали целые слои и группы общества, в том числе и социально близкие. Законодательство, пытаясь накормить заключенных и работников ГУЛАГа, а также обеспечить регулярное и планово ритмичное поступление сотен тысяч людей, постоянно изобретало карательные санкции. Чем ближе страна была к социализму, тем острее оказывалась классовая борьба. Такой тезис И. В. Сталина оправдывал любые репрессии. Существование сталинского режима власти было невозможно без ГУЛАГа.

¹Административный вестник. 1929. № 9. С. 56–57.

Методология исследования. ГУЛАГ как объект историографии

Развитие современной историографии ГУЛАГа, на наш взгляд, связано с несколькими определяющими факторами.

Во-первых, развитие исторической науки происходит в условиях качественно нового этапа информационной революции, когда значительно расширяется возможность свободного доступа к изданной практически в любой стране научной исторической литературе, ранее мало доступной исследователям других регионов мира.

Во-вторых, влияние оказала так называемая «архивная» революция, которая заключалась в изучении российской истории с начала 1990-х гг. Огромный массив ранее недоступной науке информации, особенно периода Новейшей истории, требует не только введения его в научный оборот, но и появления новых теоретико-методологических подходов к интерпретации этой информации. Определенная доля построений и выводов историографии нуждается в кардинальном пересмотре или существенных уточнениях.

В-третьих, новые идеи и методы современной историографии являются результатом происходящих изменений в историческом сознании общества и самосознании историков.

До рубежа 1980-х – 1990-х гг. русскоязычная историография ГУЛАГа практически не существовала в силу объективных вненаучных обстоятельств. Ключевые исследования готовились и публиковались исключительно на английском языке. С 1990-х гг. ситуация стала меняться. Архивная революция оказалась переломным моментом. Русскоязычная историография вышла из методологической и политической изоляции и заняла достойное место в изучении сталинской эпохи. Сегодня мы можем констатировать наличие двух ведущих языковых научных сообществ исследователей сталинизма (разумеется, речь идет о констатации только одного из возможных историографических срезов – языке публикаций). Однако методологическая составляющая как англоязычных, так и русскоязычных исследований гетерогенна, что естественно для ситуации историографического постмодерна.

До сих пор многие аспекты сталинского террора и истории ГУЛАГа остаются спорными для исследо-

вателей. Один из таких аспектов – вопрос о том, насколько современная историография приблизилась к пониманию этих проблем.

Современная историческая наука приобрела новые очертания, она перестала быть локальной, замкнутой в теоретико-методологических основах. Ученые обратились к сфере междисциплинарных связей научного знания, в частности на границах истории и психологии, филологии, культурологии. Залогом эффективности взаимодействия является понимание каждой стороной собственных задач, а также высокая исследовательская культура. Поиску новых подходов к изучению истории соответствуют некоторые особенности: 1) применялся теоретико-методологический уровень через определение структуры, задач и методов исторических исследований; 2) использовался уровень исследований конкретно-исторических проблем; 3) осознавались различные исторические концепции и их персоналии; 4) изучение велось через анализ исторического сознания общества.

Один из самых острых и дискуссионных вопросов истории сталинского периода – оценка роли и места ГУЛАГа в системе сталинского террора и сталинской государственной системы в целом. В этом вопросе отражались новые концепции истории. Прежде всего, целесообразно обратить внимание на публикацию официальных документов по данной проблематике [2–7], свидетельства очевидцев [8; 9] и историографические исследования [10–14]¹. Большой интерес научного сообщества вызывают обобщающие работы по истории ГУЛАГа [15–19], сборники научных статей [20–22]² и публикации, освещающие специфику отдельных регионов [23–26]. Уникальное место среди научных публикаций занимает издательская серия РОССПЭН «История сталинизма». На сегодняшний день издано более 130 томов, читателям серии было предложено познакомиться с классическими и новыми работами, в том числе с трудами, специально исследующими специфику ГУЛАГа [27–31]. Во многих случаях издавались оригинальные переводы работ англо-, франко-, немецкоязычных авторов, что дало возможность изучения исследований широким кругом читателей.

¹Более подробный анализ историографических исследований дан в публикации Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.

²О. Ермолаева в рецензии, опубликованной в журнале *Ab Imperio* (2017, № 1, с. 407–416), в качестве определенной попытки подведения промежуточных итогов современного этапа изучения ГУЛАГа и его роли в советской системе, рассматривает специальный номер журнала «Критика: Исследования российской и евразийской истории» под названием «Советский ГУЛАГ: новые исследования и новые интерпретации». По ее мнению, тематический номер отражает типичные проблемы истории ГУЛАГа, включая сложность расширения источниковой базы и учета последних региональных исследований ГУЛАГа в России.

Особенности «гулагизации» советской экономики

Труд, лишенный экономических стимулов, на практике показал себя малоэффективным и низкопроизводительным. Парадоксальным оказался тот факт, что при возведении всех гигантов советской промышленности (автомобильные, тракторные, металлургические заводы, ГЭС) с одной стороны использовался самый передовой опыт западных технологий (американский, германский и др.), а с другой – применялись доиндустриальные формы организации строительства, включающие в себя подневольный (по сути рабский) тяжелый физический труд, а также самые примитивные орудия труда, такие как тачка, лопата, топор.

В результате советская пропаганда социализма как высшего (по сравнению с капитализмом) общества и реальный труд заключенных не могли существовать в одной плоскости, их действия протекали в разных мирах. Марксистская идейная риторика и решения советских вождей, отличающиеся прагматичностью, также не зависели друг от друга, из чего и вытекала во многом абсурдная логика действий власти и мир жизни ГУЛАГа, воплощающий образы Дж. Оруэлла.

Однако в 1930-е гг. труд заключенных позволял властям в краткосрочной перспективе решать многие экономические задачи, хотя это и вело к огромным издержкам и колоссальным людским потерям. В долгосрочной перспективе такая политика создавала огромные, часто нерешаемые экологические, внутривластные и гуманитарные проблемы.

Экономическая деятельность Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в конце 1930-х гг. приобрела планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. Увеличивается население ГУЛАГа, заметно удлиняются сроки наказания. Если в 1936 г. в стране существовало 13 крупных лагерных комплексов, объем работ которых был равен 1,3 млрд руб., то уже весной 1938 г. их число выросло до 33, объем работ увеличился до 2,6 млрд руб. В 1939 г. ГУЛАГ обеспечивал 13 % всех лесозаготовок страны [32, с. 31; 33, с. 67–89, 71]. Предприятия лагерей были нацелены на стратегически важные отрасли промышленности: добычу ценных камней и металлов (золота, алмазов, никеля, хрома, олова, кобальта, меди), ключевые стройки в старых городах, масштабные гидропроекты (которые нередко оказывались бесполезными и чисто имиджевыми). Таким образом, добыча золота в 1938 г. выросла практически

в два раза по сравнению с 1936 г. (до 62 тыс. кг) [34, с. 103, 130]. В результате ГУЛАГ стал гигантским строительным комбинатом.

Лагерно-производственная система в 1940 г. охватывала не менее 20 отраслей промышленности, среди которых ведущими были цветная промышленность (32,1 % всей лагерной товарной продукции), лесозаготовка (16,3 %) и топливная промышленность (4,5 %). Важнейший элемент лагерной системы – капитальное строительство. На долю НКВД в 1940 г. пришлось 11 % всех капитальных вложений Советского Союза [32, с. 31; 35, с. 45].

В предвоенный период в стране был сформирован ряд лагерно-производственных комплексов, которым отданы огромные земли малоосвоенных регионов. В Колымском крае хозяйничал Дальневосточный комбинат НКВД, в бассейне реки Печора и городском округе Ухта – Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии – Беломоро-Балтийский комбинат НКВД и т. д.

Перед войной на основе производственных отделов ГУЛАГа в качестве самостоятельных структур было создано несколько Главных управлений лагерей: управления лесной промышленности, железнодорожного строительства, горно-металлургической промышленности, промышленного строительства, шоссейных дорог и др.

Пути промышленных достижений ГУЛАГа оказались абсолютно антигуманны. В лагерях в 1941–1945 гг. по официальной статистике умерло более 1 млн чел. (преимущественно от дистрофии). В состоянии работать на производстве были лишь две трети заключенных¹.

После войны в результате усиления репрессий число заключенных быстро росло. Рабочую силу НКВД (затем МВД) выделял различным народным комиссариатам, и вплоть до смерти Сталина наращивал собственную хозяйственную деятельность. В системе МВД 1 января 1949 г. насчитывалось 67 самостоятельных ИТЛ, в состав которых входило почти 30 тыс. лаготделений и лагпунктов, а также 1 734 колонии. В лагерях находилось около 2,357 млн заключенных, из них 83,3 % трудоспособных, 55,8 % – молодые люди от 17 до 30 лет, 22,1 % – женщины. Кроме того, на учете и использовании МВД находилось более 2,550 млн спецпоселенцев [3, с. 281; 32, с. 32], а в системе Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) – около 1 млн военнопленных и интернированных².

¹ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 56–61.

²История ГУПВИ – структуры, занимавшейся содержанием и трудовым использованием иностранных военнопленных на территории СССР – требует специального анализа. Для иностранных военнопленных применялись иные подходы к организации подневольного труда, содержания и освобождения (см. докторскую диссертацию А. Л. Кузьминых «Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956)». Архангельск, 2014).

Несмотря на то что относительные показатели промышленной продукции МВД были не так значительны (в 1952 г. в оптовых ценах предприятий концентрировалась только 2,3 % объема промышленного производства страны), по целому ряду важнейших направлений министерство занимало лидирующее или монопольное положение. Так, в 1946 г. в ведение МВД была передана вся золо-

топлатиновая промышленность страны (добыча 1949 г. – 111 900 кг), а затем – добыча алмазов, кобальта, апатитов. В 1952 г. МВД обеспечивало производство 70 % олова и около 33,3 % никеля¹. ГУЛАГ стал мощной политической и экономической опорой сталинской власти в период модернизационного рывка. Вместе с тем это управление тормозило советскую промышленность.

Проблемы стимулирования труда заключенных

Лагерь (жарг. – «зона») – общее и глобальное понятие, огромный мир, внутри которого заключенный жил в отведенном ему уголке, строго выполняя волю начальников. Местом проживания и работы заключенного являлось конкретное лагерное подразделение (лагпункт), в котором находились жилое (барак, секция, нары) и рабочее (производственный цех, лесная делянка, строительная площадка и т. д.) места заключенного. Рассмотрим подробнее жизнь в лагере, основываясь на показаниях тех, кто имел к нему прямое отношение. Один из ветеранов Вятского исправительно-трудового лагеря, который поступил в 1951 г. на службу младшим офицером в культурно-воспитательной части штрафного 22-го отдельного лагерного пункта, вспоминает: «В жилой зоне размещались 4 барака с 4 секциями в каждом (в секции проживали по бригадно по 40–50 человек, в каждой секции было радио), клуб-столовая с кухней, хлебозерезкой, кипятильней, а также библиотекой, где хранились реkvизиты для художественной самодеятельности, музыкальные инструменты и настольные игры. В жилой зоне также размещались баня, сушилка, выносные туалеты, волейбольная площадка. Жилая зона обносилась сплошным деревянным забором высотой до 3-х метров (из подтоварника), с внутренней стороны забора – контрольно-следовая полоса; на расстоянии 50–70 метров – вышки для часовых; с внешней стороны ограждения (в наиболее уязвимых местах) – блокпосты (для охраны с караульными собаками). Окна бараков зарешечены, двери обиты жостью, нары – двухъярусные, сплошные, с намертво закрепленными досками. На ночь в секцию заносилась “параша” (отхожее место – В. Б.), двери закрывались на замок, перед этим в каждой секции надзирателями проводилась проверка наличия осужденных. Все помещения строились капитально, из бревен или из бруса. Отопление печное, из коридора»².

К зоне строгого режима примыкала так называемая хоззона с общим режимом содержания, от-

гороженная сплошным забором. Помещения были оборудованы двухъярусными нарами (жарг. – «вагонками»), в секции проживали по 15–20 человек (обычно – одна бригада), на ночь бараки не закрывались. Содержавшиеся заключенные имели право свободно перемещаться по «зоне», чаще писать письма, получать посылки и свидания. Они работали на лесоповале, погрузке леса в железнодорожные вагоны, а также в хозобслуге (по обслуживанию спецзоны). Здесь же размещались и штаб подразделения, санчасть, сапожная и портновская мастерские, другие хозслужбы, был выгребен штрафной изолятор (ШИЗО).

Для осужденных назначался строгий распорядок дня: 6.00 – подъем, туалет, завтрак; 7.00 – развод на работу; после развода – ежедневная проверка осужденных, оставшихся в зоне, работа с отказчиками (для работающих обед готовили на производстве); после возвращения с работы – ужин, решение личных вопросов и дел; 22.00 – отбой.

Фактически в личном распоряжении заключенный имел спальное место с постельным бельем, зубную щетку и пасту (порошок), мыло, полотенце и не запрещенные для чтения в лагере книги. Жизнь заключенного регламентировалась по часам и минутам, он должен был трудиться там, куда его направит администрация пункта, делать то, что велит начальство. Желание заключенного редко учитывалось при определении профиля работы.

На всех этапах существования системы подневольного труда одной из самых острых была проблема стимулирования этого труда. Поиски решения этой проблемы велись с первых лет существования лагерной системы, но, при всей кажущейся многовариантности, предпочтение отдавалось проверенной политике кнута и пряника, которая практически всегда сводилась к «кнуту», т. е. к принудительному труду. Отказывающиеся работать заключенные переводились на штрафной режим, а «злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере»³, привле-

¹ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 428. Л. 10; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 52. Л. 24.

²Сборник воспоминаний ветеранов Вятлага. Рукопись. Личный архив В. А. Бердинских.

³Приказ с объявлением «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» № 00889 от 02.08.1933 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexandryakovlev.org/fond/issue-doc/1010319> (дата обращения: 15.05.2017).

кались к уголовной ответственности. За нарушения трудовой дисциплины на заключенных налагались жесткие взыскания.

В зависимости от характера нарушений выбиралось одно из следующих наказаний: лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев; ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; перевод на общие работы, в штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев, в штрафной изолятор сроком до 20 суток, в худшие материально-бытовые условия («штрафной паек», менее благоустроенный барак и т. п.) [36, с. 166].

Гораздо скуперее раздавались лагерные «пряники». В отношении заключенных, «соблюдавших режим, хорошо проявивших себя на производстве, перевыполнявших установленную норму»¹, со стороны лагерного руководства могли применяться следующие меры поощрения: объявление благодарности перед строем или в приказе с занесением в личное дело; выдача премии (денежной или натуральной); предоставление внеочередного свидания; предоставление права получения посылок и передач без ограничения; предоставление права перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 100 руб. в месяц; перевод на более квалифицированную работу. Кроме того, десятник (мастер) в отношении хорошо работавшего лагерника мог ходатайствовать перед прорабом или начальником соответствующего лагподразделения о предоставлении производственному льгот, предусмотренных для стахановцев.

Еще одна система стимулирования труда в ГУЛАГе заключалась в дифференцированной выплате узникам денег за выполненную ими работу. В официальных административных документах, относящихся к ГУЛАГу, вплоть до конца 1940-х гг. эти деньги обозначались терминами «денежное поощрение», «денежное премиальное вознаграждение», «премвознаграждение» и т. п. Понятие «зарплата» употреблялось редко, а официально было введено только в 1950 г. «Денежные премиальные вознаграждения» выплачивались «за все работы, выполняемые в исправительно-трудовых лагерях»², но при этом одновременно получить заработанные деньги на руки заключенные могли в сумме, не превышающей 150 руб. Деньги сверх этой суммы зачислялись на личные счета и выдавались по мере расходования ранее выданных сумм. Неработающие и не выполняющие нормы заключенные не получали наличных денег. Временно освобо-

жденным от работы по болезни или по другим причинам зарплата не начислялась, однако с них не удерживалась стоимость гарантированного питания и вещевого довольствия. «Активированным инвалидам»³, чей труд использовался на сдельных работах, оплата труда производилась «по установленным для заключенных сдельным расценкам за фактически выполненный ими объем работ»⁴.

Наряду с этими системами стимулирования существовали и другие, состоявшие только из поощрявших высокую производительность труда и не подразумевавших компонентов наказания. Одна из таких систем (как свидетельствовал реальный опыт оказавшаяся наиболее действенной) была связана с «зачетами рабочих дней», то есть заключенному один отработанный с перевыполнением установленной нормы рабочий день засчитывался за полтора, два и более дня его номинального лагерного срока. Результатом такой практики являлось досрочное освобождение заключенных, положительно проявивших себя на работе. Но в 1939 г. эта практика была отменена, а сама система «досрочного освобождения» сведена к замене заключения в лагере на принудительное поселение. В годы войны стали практиковаться «освобождения на основе постановлений ГКО с передачей освобожденных в РККА» [37], а потом – «на основе Указов Президиума Верховного Совета СССР» (амнистии) [37].

После войны руководство МВД, считая систему «зачетов» эффективным способом поощрения труда заключенных, добивалось ее восстановления на отдельных объектах ГУЛАГа. В результате в сентябре 1950 г. «зачеты рабочих дней» применялись уже в нескольких лагерях к более 27 % всех заключенных. Этот процесс имел тенденцию устойчивого роста несмотря на то, что дальнейшее распространение «зачетов» увеличивало дефицит лагерной рабочей силы. Руководители МВД считали этот путь более предпочтительным, тем самым фактически признавая неэффективность административно-карательных мер. В позднесталинский период более регулярный характер приобретала практика проведения кампаний по досрочному освобождению заключенных с последующим прикреплением их к определенным предприятиям уже в качестве вольнонаемных работников [30, с. 76–77].

Таким образом, несмотря на кажущиеся преимущества бесконтрольного распоряжения заключенными, администрация лагерей все чаще предпочитала иметь дело с относительно свободными работниками, которые давали более высокую про-

¹Приказ с объявлением «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» № 00889 от 02.08.1933 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexandryakovlev.org/fond/issue-doc/1010319> (дата обращения: 15.05.2017).

²ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 д. Д. 968. Л. 24–25.

³Активировать заключенного – официально подтвердить, что он не только непригоден к физическому труду, но и не может восстановить физическое состояние в лагерных условиях.

⁴ГУЛАГ [Электронный ресурс] // Википедия: свободн. энцикл. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ГУЛАГ> (дата обращения: 15.05.2017).

изводительность труда и не требовали изошренной системы охраны и надзора. Одновременно в ведение МВД передавались новые отрасли, в результате чего удельный вес вольнонаемных работников на объектах ГУЛАГа увеличивался. Так, в январе – июне 1950 г. среднемесячная численность вольнонаемного персонала, занятого в основном производстве и капитальном строительстве МВД (без вольнонаемного состава управлений лагерей), составила 662 тыс. человек (38,9 % общей численности всех работающих), среди которых 372 тыс. – рабочие [30, с. 76–77].

Жесткие реалии хозяйственной деятельности в условиях советской системы директивно-централизованного планирования и строгой отчетности о выполнении производственных заданий вынуждали управление постоянно нарушать нормативные требования к режиму содержания «спецконтингента». Достаточно широкое распространение получило так называемое расконвоирование – освобождение заключенных от охраны и разрешение им свободно перемещаться вне лагерных зон. Не имея возможности обеспечить надежную охрану в процессе производства, администрация лагерей добивалась официального разрешения на дополнительное расконвоирование либо (при молчаливом согласии «центра») вводила его явочным порядком.

В целях стимулирования подневольного труда применялись оригинальные средства и методы. В период активного насаждения соцсоревнования в лагерях в 1940–1950-е гг. одной из форм поощрения производителей, по-стахановски перекрывавших трудовые нормы, являлось право участия в общелагерных «слетах передовиков соревнования», которые с традиционной советской помпезностью проводились, как правило, в центральных поселках ИТЛ¹. О том, во что это официальное «политическое мероприятие» превращалось в реальности, свидетельствует П. Ф. Лещенко,

узник Вятского ИТЛ (Кировская обл.) в 1950-х гг.: «...По центральному поселку <...> идет под звуки бравурного марша духового оркестра колонна людей (заключенных) в “вольной” одежде (тогда еще ее, как и длинные волосы, не запрещали), окруженная плотным кольцом конвоя с собаками на поводках. Гремит оркестр, рычат собаки, матерится охрана, а комендант поселка Голобородько с пистолетом ТТ в руке мечется вокруг этой колонны. Толпы ребятишек бегут рядом, взрослые столпились на придорожных тротуарах: в “столице” Вятлага, – праздник. <...> Дом культуры окружен солдатами, “передовики” запускаются в него, как в лагерную зону, – по счету. <...> Слет начался» [24, с. 183–184].

Постоянное противоречие между императивами производственной деятельности и объективными режимными требованиями, а также другие аномальные явления в сфере взаимоотношений «лагерь – производство» усиливали наметившуюся в послевоенный период тенденцию превращения значительного числа заключенных в частично вольнонаемных работников. Этот процесс оказался своеобразным переводом «лагерных рабов» в категорию «лагерных крепостных», а дальнейшее его развитие должно было неизбежно привести к коренной реорганизации ГУЛАГа. Накануне смерти И. В. Сталина, несмотря на некоторые попытки «ограниченных» реформ, производственная деятельность лагерей сталкивалась с нарастающими проблемами. Относительная численность заключенных, используемых на основном производстве, сокращалась, снижалась производительность лагерного труда: нормы выработки в 1951–1952 гг. не выполняли 26–28 % заключенных-сдельщиков. Все эти кризисные явления предопределили и существенно облегчили принятие весной 1953 г. кардинальных политических решений в отношении ГУЛАГа. Процесс изменения работы управления продолжился и в период «оттепели».

Негативные последствия подневольного труда

Во всей истории существования ГУЛАГа важной для руководства задачей был выход лагерей на самоокупаемость, найти решение которой оказалось невозможным. Так, в докладной министра внутренних дел С. Круглова на имя Л. П. Берия от 9 октября 1950 г. говорилось о том, что стоимость содержания одного заключенного оказывалась выше среднего заработка вольнонаемного рабочего. В этих условиях начальство лагерей удлиняло рабочий день и увеличивало нормы выработки на человека [30, с. 84; 38]. Возможность сверхэксплуатации узников для начальства была главным пре-

имуществом лагерного производства. Однако эта выгода оказалась краткосрочной: гибель в ГУЛАГе миллионов человек, расточение в каторжном труде сил и талантов, которые могли бы принести значительно большую пользу на свободе, существенно ослабляли трудовой потенциал страны.

Особые условия лагерного производства (повышенная секретность и бесконтрольность) повлекли за собой массовые приписки и ложные отчеты даже в большем количестве, чем это было присуще всей советской экономической системе. Вольная экономика страны и ГУЛАГ – это система сообщающих-

¹Лагерное начальство занималось обманом, организацией фальшивых общественных собраний, т. е. тем, что А. И. Солженицын в произведении «Архипелаг ГУЛАГ» называл «тухтой»: согнанные силой заключенные должны были изображать вольных рабочих и передовиков производства.

ся сосудов, в которой работали единые принципы. Многие стройки НКВД (МВД) финансировались без смет и проектов, т. е. по «фактическим расходам».

Бывшие узники лагерей подчеркивают то упорство, с каким в лагерях стремились сделать работу для видимости (в результате – некачественно), представить ложный отчет о выполнении плана (жарг. – «зарядить туфту»). Система приписок пронизывала всю жизнь ГУЛАГа, в ней были заинтересованы и заключенные, и лагерный менеджмент. Желая скрыть растраты, незаконные премии, невыполнение плана, начальство лагерей сознательно шло на массовые приписки, заключенные же хотели получить полный паек и досрочное освобождение.

Природные ресурсы также использовались нерационально. Разрабатывались лишь самые богатые участки. Господствовали психология временщиков и деятельность «на показ». Важным было лишь то, что происходит здесь и сейчас, о последствиях не думали. В тех регионах, где находились лагеря, возникли тяжелые экологические проблемы: предприятия строились без очистных сооружений и отравляли отходами реки и почву, каналы и ГЭС изымали из оборота лучшие земли и негативно влияли на окружающую среду, искусственные моря губили речную фауну и заболачивали окрестности, вырубались самые ценные леса, значительная часть древесины при этом уходила на дрова.

Производственная сфера ГУЛАГа, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, отвергала технический прогресс. Любые проблемы пытались решать увеличением физического труда. Намного хуже в лагерях, по сравнению со свободными отраслями, использовали любую технику, машины, механизмы. В заключении Государствен-

ного банка согласно отчетам ГУЛАГа за 1939 г. указывалось, что строительные механизмы использовались в лагерях в 3 раза хуже, чем на таких же объектах гражданской промышленности [30, с. 85]. Современное трофейное оборудование, которое завезли в лагерь после войны, в основном осталось невостребованным.

Лагерное производство в целом оказалось разорительным для экономики. Себестоимость гулаговской продукции была существенно выше аналогов. Так, в 1951 г. себестоимость 1 тыс. единиц кирпича в лагере Красноярского края составила 631 руб. (при плане в 250 руб.), а в местной промышленности этого края – 210 руб. [24, с. 131]. Ярким примером расточительности сталинской системы стало советское железнодорожное строительство, особенно при использовании подневольного труда. Так, дорога Чум – Салехард – Игарка, на которую было потрачено 3,3 млрд руб. и жизни многих тысяч человек, оказалась заброшена за ненадобностью [4, с. 182–184; 39, с. 102].

Дешевая рабочая сила ГУЛАГа оказывала разлагающее воздействие на те секторы советской экономики, которые базировались на вольнонаемном труде. Министерства и ведомства были не заинтересованы в техническом прогрессе и предпочитали решать свои проблемы за счет нарядов на подневольную рабсилу, что тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры.

Таким образом, несмотря на то что удельный вес подневольных работников в общем балансе страны был не так велик (11 % от всех занятых в промышленности и строительстве), подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования [40; 38, с. 482–484] и существенно сдерживал ее развитие.

Подневольный труд в ГУЛАГе

Кризис гулаговской системы в середине XX в. связан с неприемлемостью и бессмысленностью, отрицательной результативностью применения в огромных масштабах грубого физического труда (прежде всего труда заключенных).

В лагере людьми управляли страсти, эмоции, чувства, инстинкты, основные из которых – голод, страх, ненависть. Человека в «зоне» могли невзлюбить и изуродовать по незначительному или кем-то из солагерников придуманному поводу. На воровском собрании (жарг. – «сходе») кого-то из неприглянувшихся, либо просто третьего/пятого/десятого из тех, кто войдет в барак (секцию) могли приговорить к смерти, их же можно было

проиграть в карты¹. На лагпунктах главными были уголовники (жарг. – «блатные»). Основная масса заключенных (жарг. – «мужики») – это люди, исправно работавшие и тянувшие тягло, трудом которых кормились и начальство, и уголовная верхушка.

В условиях сталинского режима любой гражданин (от дворника до министра) мог однажды стать рабом государства, лишиться всех прав, имущества, жилья, репутации, оказаться брошенным на лесоповал или в рудники. Труд советского заключенного был формально бесплатным: НКВД (МВД) МГБ могли набирать в число работающих заключенных кого и сколько угодно.

¹Одним из традиционных развлечений уголовников в ГУЛАГе была игра в карты. Азартные игры были запрещены, но уголовники не обращали на это внимание, а лагерное начальство не хотело конфликтовать с ними. Как правило, игра велась на вещи, но зачастую для развлечения могли играть на жизнь других людей. Проигранного в карты убивали. Подобная страшная ситуация описана Варламом Шаламовым в «Колымских рассказах» (рассказ «На представку»).

Подготовив высококвалифицированную рабочую, сталинское государство использовало ее в лагерной хозяйственной системе примитивно и узко функционально. Власть пыталась путем интенсивной физической нагрузки полностью и в короткий срок использовать жизненную энергию человека, что, по сути, можно назвать социальным вампиризмом. В гулаговской «империи» и в ее «провинциях» господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков.

В коллективной статье «Между рабским трудом и социалистическим строительством» высказана справедливая мысль о том, что труд в ГУЛАГе не может быть представлен как некое повторение каких

бы то ни было событий (рабского труда на Древнем Востоке, восточно-европейской формы крепостничества, ссылки царских времен и т. п.). «Это было явление, рожденное в специфических условиях Советской России, так что осмысление подневольного труда в лагерях невозможно без учета этого контекста»¹.

Тем не менее в определенном смысле хозяйственная система ГУЛАГа, теоретически основанная на социалистических идеях и принципах, воплощалась на практике в формах и методах, присущих временам патриархального рабства. В конечном же счете именно эти формы и методы стали стержнем, основой и сутью лагерной экономики.

Библиографические ссылки

1. Беломоро-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. 1931–1934 / под ред. М. Горького, Л. Л. Авербаха, С. Г. Фирина. М., 1998.
2. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий : в 10 т. / редкол.: Е. Н. Борисов [и др.]. Сыктывкар, 1998–2015. 10 т.
3. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000.
4. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002.
5. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / сост. С. С. Виленский [и др.]. М., 2002.
6. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : в 7 т. / сост. И. А. Зюзина. М., 2004–2005. 7 т.
7. Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР : собр. док. / отв. ред. О. В. Хлевнюк. М., 2008.
8. Лазарев В. М., Болдырев Н. Н. Поживши в ГУЛАГе. М., 2001.
9. Gheith J., Jolluck K. Gulag Voices: Oral Histories of Soviet Incarceration and Exile. Basinstoke, 2011.
10. Историография сталинизма : сб. ст. / под ред. Н. А. Симония. М., 2007.
11. Хохлов А. В. Роль сектора «лагерной» экономики в восстановлении народного хозяйства: проблемы историографии // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. История. Политология. 2009. Вып. 12. С. 170–175.
12. Упадышев Н. В. О современных подходах к изучению истории ГУЛАГа // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Гуманитар. и социал. науки. 2012. № 2. С. 170–172.
13. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / 2-е изд., перераб. и доп.; пер. с англ. В. И. Матузовой. М., 2009.
14. Литвин А. Этап пройден? 1937 год в истории России // Ab Imperio. 2017. № 1. С. 323–356.
15. Applebaum A. Gulag: A History. New York, 2003.
16. Gregory P. The Political Economy of Stalinism: Evidence From the Soviet Secret Archives. Cambridge, 2004.
17. Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.
18. Barnes S. A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Pinceton, 2011.
19. Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. Сыктывкар, 2015.
20. The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Stanford, 2003.
21. Guns and Rubles: The Defense Industry in the Stalinist State / ed. by M. Harrison. New Haven, 2008.
22. Special Issue on the Soviet Gulag / Kritika. 2015. Vol. 16. № 3.
23. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956. Сыктывкар, 1997.
24. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001.
25. Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, 2014.
26. Широков А. И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М., 2014.
27. Белых Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М., 2011.
28. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений / пер. с англ. Е. Осокиной. М., 2010.
29. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. М., 2008.
30. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2008.
31. Нахапетов Б. А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М., 2009.
32. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И. В. Добровольского. М., 1998.
33. Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2008. С. 67–89.
34. Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000.

¹Гизен А., Завадский А., Кравченко А. Между рабским трудом и социалистическим строительством. Заметки о том, как в экспозициях некоторых российских музеев репрезентирован труд заключенных Гулага [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/6/mezhdru-rabskim-trudom-i-socialisticheskim-stroitelstvom.html> (дата обращения: 10.05.2017).

35. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт-на-Майне ; М., 1999.
36. История сталинского Гулага : собр. соч. в 4 т. / сост. И. А. Зюзина. М., 2004. Т. 4 : Население Гулага: численность и условия содержания.
37. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социол. исслед. 1991. № 6–7.
38. История сталинского Гулага : собр. соч. в 4 т. / сост. И. А. Зюзина. М., 2004. Т. 3 : Экономика Гулага.
39. Еланцева О. П. БАМ: Первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89–103.
40. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2001. Т. 2.

References

1. Gorkiy M., Averbah L. L., Firin S. G. (eds) [The White Sea-Baltic Canal named Stalin: history of construction. 1931–1934]. Moscow, 1998 (in Russ.).
2. Borisov E. N., Bushmanova N. P., Lobastov A. I. et al. (eds). [Repentance: Komi republican martyrology of victims mass repression] : in 10 vol. Syktyvkar, 1998–2015. 10 vol. (in Russ.).
3. Yakovlev A. N. (ed.) [GULAG: General Directorate of Camps. 1918–1960]. Moscow, 2000 (in Russ.).
4. Kokurin A. I., Petrov N. V. [GULAG: General Directorate of Camps. 1918–1960]. Moscow, 2002 (in Russ.).
5. Vilenskii S. S., Kokurin A. I., Atamashkina G. V. (compilers). [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow, 2002 (in Russ.).
6. Zyuzina A. I. [The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s] : in 7 vol. Moscow, 2004–2005. 7 vol. (in Russ.).
7. Khlevnyuk O. V. (ed.). [Prisoners on the construction sites of communism. Gulag and energy facilities in the USSR]. Moscow, 2008 (in Russ.).
8. Lazarev V. M., Boldyrev N. N. [After living in the Gulag]. Moscow, 2001 (in Russ.).
9. Gheith J., Jolluck K. Gulag Voices: Oral Histories of Soviet Incarceration and Exile. Basinstoke, 2011.
10. Simoniya N. A. (ed.). [Historiography of Stalinism] : collect. art. Moscow, 2007 (in Russ.).
11. Khokhlov A. V. Role of the «Camp» Economy sector in the National economy reconstruction: Problems of Historiography. *Nauchnye vedom. Belgorodskogo gos. univ. Istoriya. Politologiya*. 2009. No. 12. P. 170–175 (in Russ.).
12. Upadyshev N. V. On Modern Approaches to Research in Gulag History. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) fed. univ. Gumanit. i sotsial'nye nauki*. 2012. No. 2. C. 170–172 (in Russ.).
13. Keep J., Litvin A. [The epoch of Joseph Stalin in Russia. Modern Historiography]. 2nd ed. Moscow, 2009. (in Russ.).
14. Litvin A. A Stage Complete? 1937 in the History of Russia: Retrospective Reflections. *Ab Imperio*. 2017. No. 1. P. 323–356 (in Russ.).
15. Applebaum A. Gulag: A History. New Work, 2003.
16. Gregory P. The Political Economy of Stalinism: Evidence From the Soviet Secret Archives. Cambridge, 2004.
17. Ivanova G. M. [History of the Gulag. 1918–1958: Socio-economic and political-legal aspects]. Moscow, 2006 (in Russ.).
18. Barnes S. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton, 2011.
19. Berdinskikh V. A., Berdinskikh I. V., Veremiev V. I. [System of special settlements in the Soviet Union 1930–1950]. Syktyvkar, 2015 (in Russ.).
20. Gregory P., Lazarev V. (eds). The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag. Stanford, 2003.
21. Harrison M. (ed.) Guns and Rubles: The Defense Industry in the Stalinist State. New Haven, 2008.
22. Special Issue on the Soviet Gulag. *Kritika*. Vol. 16. No. 3.
23. Morozov N. A. [Gulag in the Komi region 1929–1956]. Syktyvkar, 1997 (in Russ.).
24. Berdinskikh V. A. [The history of one camp (Vyatlag)]. Moscow, 2001 (in Russ.).
25. Barenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, 2014.
26. Shirokov A. I. [Dalstroy in the socio-economic development of the North-East USSR (1930–1950s.)]. Moscow, 2014 (in Russ.).
27. Belykh N. Yu. [The economy of the Gulag as a system of forced labor (On the materials of Vyatlag 1938–1953)]. Moscow, 2011 (in Russ.).
28. Viola L. The Unknown Gulag. The lost World of Stalin's Special Settlements. Moscow, 2010 (in Russ.).
29. Gregory P. The political economy of Stalinism. Moscow, 2008 (in Russ.).
30. Borodkin L. I., Gregory P., Khlevniuk O. V. (eds). [Gulag: The Economy of Forced Labor]. Moscow, 2008 (in Russ.).
31. Nakhapetov B. A. [Essays on the history of the sanitary service of the Gulag]. Moscow, 2009 (in Russ.).
32. Dobrovolskii I. V. (ed.). [Gulag: its builders, inhabitants and heroes]. Moscow, 1998 (in Russ.).
33. Khlevniuk O. V. [Economics of the OGPU-NKVD-MVD USSR in 1930–1953: scale, structure, development trends]. In: Borodkin L. E., Gregory P., Khlevniuk O. V. (eds). [Gulag: The Economy of Forced Labor]. Moscow, 2008 (in Russ.).
34. Shirokov A. I. [Dalstroy: prehistory and the first decade]. Magadan, 2000 (in Russ.).
35. Dobrovolsky I. V. (ed.) [Gulag: its builders, inhabitants and heroes]. Frankfurt am Main ; Moscow, 1999 (in Russ.).
36. Zyuzina I. A. [The history of Stalin's Gulag]: collect. comp. in 4 vol. Moscow, 2004. Vol. 4 : [The Population of the Gulag: Number and Conditions of Detention] (in Russ.).
37. Zemskov V. N. [GULAG (Historical and Sociological aspect)]. *Sotsiologicheskiye issled.* 1991. No. 6–7 (in Russ.).
38. Zyuzina I. A. [The history of Stalin's Gulag] : collect. comp. in 4 vol. Moscow, 2004. Vol. 3 : [The Gulag Economy] (in Russ.).
39. Elantseva O. P. [BAM: the first decade] *Otechestvennaya istoriya*. 1994. No. 6. P. 89–103 (in Russ.).
40. Polyakov Yu. A. (ed.). [Population of Russia in the XX century. Historical essays] : in 3 vol. Moscow, 2001. Vol. 2 (in Russ.).

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94:327.39(476):94:327.39(477):930(47+57)»1939-1941»

ВОССОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БССР И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ С УССР В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1939–1941 гг.

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Раскрываются основные положения советской историографии 1939–1941 гг., которые освещают проблемы воссоединения Западной Беларуси и Западной Украины с советскими республиками. Выявлено, что советская историография сосредоточила основные усилия на разработке аргументации в пользу присоединения названных территорий к СССР, отстаивая при этом официальные установки государства и подчеркивая негативное влияние политики Польши на различные сферы общественной жизни «восточных кресов». Отмечается, что советские историки говорили об исторических правах СССР на названные территории и обосновывали положение о распаде Польского государства в результате германского вторжения, что сделало необходимым для советского правительства оказать помощь «братским народам» Западной Беларуси и Западной Украины. Делается вывод о том, что основные положения советской историографии по данной проблеме были продиктованы политической конъюнктурой и далеки от научной объективности.

Ключевые слова: советская историография; интерпретации; положения историографии; Западная Беларусь; Западная Украина; воссоединение; историческая политика; политическая конъюнктура.

Образец цитирования:

Мезга Н. Н. Воссоединение Западной Беларуси с БССР и Западной Украины с УССР в отражении советской историографии 1939–1941 гг. // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 55–60.

For citation:

Miazga M. M. Reunification of Western Belarus with Byelorussian SSR and Western Ukraine with Ukrainian SSR as covered in the Soviet historiography of 1939–1941. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 55–60 (in Russ.).

Автор:

Николай Николаевич Мезга – кандидат исторических наук, доцент; декан исторического факультета.

Author:

Mikalai M. Miazga, PhD (history), docent; dean of the faculty of history.
nmezga@gsu.by

REUNIFICATION OF WESTERN BELARUS WITH BYELORUSSIAN SSR AND WESTERN UKRAINE WITH UKRAINIAN SSR AS COVERED IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1939–1941

M. M. MIAZGA^a

^a*Francisk Skorina Gomel State University,
Savetskaja Street, 104, 246019, Gomel, Belarus*

The article discusses the fundamental statements of the Soviet historiography of 1939–1941 about the reunification of Western Belarus and Western Ukraine with the Soviet republics. It was discovered that Soviet historiography was focused on development of arguments in favor of joining the mentioned territories to the Soviet Union and on defending the official politics of the country. It also highlighted the negative impact of Poland's politics on the various areas of social life of Kresy. Soviet historians pointed out historical rights of the USSR to the above mentioned territories and they were also trying to justify the statement about the breakup of Poland as a result of the German invasion, which made it necessary for the Soviet government to help «allied nations» of Western Belarus and Western Ukraine. The fundamental statements of the Soviet historiography on this problem were dictated by the political situation, and were far from the scientific objectivity.

Key words: Soviet historiography; interpretation; statements of historiography; Western Belarus; Western Ukraine; reunification; politics of memory; political conjuncture.

Введение

Вхождение Западной Беларуси и Западной Украины в состав советских республик стало одним из наиболее важных событий в истории белорусского и украинского народов. На сегодняшний день в Республике Беларусь на официальном уровне признано, что в результате воссоединения Западной Беларуси с БССР произошло объединение белорусского народа в составе одного государства и усилилась консолидация белорусской нации. Это явилось важной предпосылкой для поступательного национально-государственного развития белорусского народа. В Украине события осени 1939 г. официально трактуются как очередной раздел территории Польши между Германией и Россией. Включение Западной Украины в состав УССР характеризуется как реализация СССР своих геополитических и мессианско-идеологических целей. При этом признается, что большинство жителей Западной Украины дружески встречало солдат Красной Армии.

Включение в состав СССР западнобелорусских и западноукраинских земель повлекло возникновение в советской исторической науке серии публикаций, оправдывавших и обосновывавших данный шаг советского руководства. В основной части настоящей работы дается характеристика содержания трудов советских авторов, посвященных проблеме воссоединения Западной Беларуси с БССР и Западной Украины с УССР, а также прослеживаются особенности развития историографии в условиях, когда она занималась изучением актуальных для современности проблем. Практический интерес представляет выявление роли исторической науки в обосновании внешнеполитического курса

государства. Проблема взаимодействия исторической науки со сферой политики актуальна и для современной Беларуси, в которой возникла необходимость в выработке собственной исторической политики, содействующей укреплению белорусской государственности.

Под исторической политикой подразумевается активное использование исторической науки для достижения внутри- и внешнеполитических целей государства [1, с. 243]. При этом государством на историческую науку возлагается функция формирования идейно-политических основ проводимого политического курса, в том числе и в сфере международной политики. Политические силы, находящиеся у власти, стремятся использовать ресурсы государства и навязать выгодную интерпретацию исторических событий как доминирующую. Политическая элита апеллирует к опыту истории как к дополнительному аргументу для обоснования своей внешней политики.

Механизм взаимодействия исторической науки с политикой активно изучается на протяжении значительного временного периода [2]. Работы, посвященные проблеме исторической политики государства, появляются и в белорусской историографии [1]. Историческая наука современности при изучении историографии советско-польских отношений основное внимание концентрирует на послевоенном периоде развития, специальные исследования, посвященные межвоенному периоду, практически отсутствуют. В белорусской историографии отдельные аспекты данной проблемы представлены в работах В. А. Остроги [3].

Основная часть

С момента подписания Рижского договора (1921) история Западной Беларуси и Западной Украины в контексте советско-польских отношений становится одной из центральных для советской историографии. После событий, произошедших в сентябре 1939 г., в советской историографии возрос интерес к проблемам Западной Беларуси и Западной Украины. В соответствии с полученными директивами партийных и государственных органов [4, с. 9–10] активно издавались специальные работы, ориентированные изначально на разоблачение политики Польши на национальных окраинах. Так, в издании «Западная Беларусь под панским гнетом и ее освобождение» о цели написания работы сказано: «Авторы этой книги ставили своей целью показать мрачную и страдальческую жизнь трудящихся Западной Беларуси в период господства польских помещиков и капиталистов, героическую борьбу белорусского народа против своих угнетателей» [5, с. 3]. По такому же принципу создана работа «Западная Украина». Авторы справедливо подчеркивают малоземелье и безземелье украинского крестьянства на территории Польши и отмечают, что вызванное таким положением восстание в 1930 г. польское правительство «потопило в крови» [6, с. 28, 30].

Перед исторической наукой со стороны государства была поставлена задача не столько осуществить глубокие научные обобщения, сколько провести популяризацию и сделать достоянием широкой общественности официальную версию присоединения к СССР Западной Беларуси и Западной Украины.

В Институте истории Украины Академии наук УССР с 28 сентября по 11 октября 1939 г. был прочитан цикл научно-популярных докладов, посвященных истории Западной Украины. На их основе в 1940 г. был издан сборник статей, который имел прежде всего пропагандистский характер и включал в качестве приложения ряд документов, характеризовавших политику советской власти по отношению к Западной Украине [7, с. 112]. Советская историческая периодика откликнулась на присоединение к СССР Западной Беларуси и Западной Украины многочисленными публикациями. В 1939–1940 гг., отмечает Е. П. Аксенова, эта тема не сходила со страниц журнала «Советская наука» [8, с. 192]. В исследованиях А. И. Алаторцевой показано, что многочисленные материалы, посвященные присоединению Западной Беларуси и Западной Украины к СССР, публиковались в журнале «Историк-марксист» [9, с. 67].

Советские авторы ставили перед собой цель доказать крайне отрицательное влияние политики польского государства на самые различные сферы общественной жизни в Западной Беларуси и За-

падной Украине. Состояние польской экономики накануне Второй мировой войны Г. Александров характеризует как кризисное [10]. М. И. Петровский писал о польской оккупации Западной Украины, в условиях которой господствовало польское помещичье землевладение и насаждалось осадничество, приходила в упадок украинская культура [11, с. 30–31]. Политику Польши Д. Дудков характеризовал как систему «белопольского террора» на территории «обнищавших, ограбленных неисчислимыми налогами, залитых рабоче-крестьянской кровью Западной Украины и Западной Белоруссии» [12, с. 117]. По мнению И. Высоцкого, одной из целей политики Польши являлось превращение Западной Беларуси и Западной Украины в колонии [13, с. 15]. Резкой критике политику Польши на западнобелорусских и западноукраинских землях, которые «для польских панов <...> были не чем иным, как колониями», подвергал В. И. Пичета. Исследователь формулирует следующий вывод: «Естественно, что стонавшие под панским гнетом белорусские и украинские народные массы с надеждой смотрели на восток, в сторону могучего Советского Союза, ожидая от него помощи», которую и оказала Красная Армия 17 сентября 1939 г. [14, с. 94–95, 98].

Стараясь обосновать включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР, советская историография особый акцент делала на существование у советского государства исторических прав на эти земли. В связи с этим В. И. Пичета писал, что «Западная Украина <...> и Западная Белоруссия <...> – это исконно русские земли, которые входили в «империю Рюриковичей». В этническом отношении их население составляло единое целое с прочими восточнославянскими племенами». Историк считал, что 70 % населения Западной Украины – коренные украинцы, а в Западной Беларуси поляков насчитывается только 2,5–5 % [15, с. 3, 126]. В другой статье В. И. Пичета делал исторический экскурс, начиная с эпохи Галицко-Волынского княжества и Великого княжества Литовского. Автор показывал, что на протяжении всей своей истории украинский и белорусский народы боролись против «экспансии польских панов» [14, с. 94–95]. В работе Д. Мина делается попытка доказать, что Западная Украина – это «исконно русская земля», которая со времен Киевской Руси вела борьбу против польской агрессии [16, с. 4–5].

Для обоснования включения Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР важное значение советские историки придавали тезису об этнической близости населения этих территорий с населением советских республик. Поход Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину, указывал Ю. Дашкевич, был вызван необходи-

мостью освободить «единокровных братьев» [17]. Акцент на том, что СССР должен был прийти на помощь «единокровным братьям украинцам и белорусам, проживающим в панской Польше», делал Д. Мин [16, с. 44–45]. В работе «Западная Беларусь под панским гнетом и ее освобождение» подчеркивается этническая общность восточнославянских народов как фактор, обусловивший вступление Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину. В ситуации, когда Польша потерпела поражение от Германии, СССР не мог остаться безучастным к судьбе «единокровных братьев белорусов и украинцев» [5, с. 74]. В своей работе М. И. Петровский пишет, что Красная Армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Беларуси и «освободила своих единокровных братьев – украинцев и белорусов» [11, с. 32]. Делая упор на исторические права СССР на территорию Западной Беларуси и Западной Украины и подчеркивая этническую близость белорусов, украинцев и русских, советская историография исходила из утвердившейся в конце 1930-х гг. сталинской концепции отечественной истории, согласно которой благодаря концентрированию земель вокруг исторической России готовилась почва для создания многонационального советского государства. На заседании Политбюро 20 марта 1934 г. И. В. Сталин говорил об особой роли русского народа, который привлекал другие народы в Российское государство. Эта роль была созидательной, подготавливающей образование СССР [18].

В посвященных проблеме Западной Беларуси и Западной Украины работах советских авторов находит отчетливое отражение внешнеполитический курс СССР на начальном этапе Второй мировой войны. Исследователи стремятся доказать, что без участия Великобритании и Франции проведение агрессивной внешней политики Польши оказалось бы невозможным. Так, В. И. Пичета в одной из работ указывал на то, что после окончания Первой мировой войны «англо-французские империалисты создали панскую Польшу как форпост борьбы против молодой Советской России», и в результате предпринятого «польскими панам» при поддержке Антанты похода против Советской России им удалось захватить Западную Беларусь и Западную Украину [14, с. 94–95]. Возродившуюся в 1918 г. Польшу Д. Мин характеризует как «лоскутное» государственное образование, «разбухшее за счет грабежа чужих территорий». Антанта создавала его «как щит против Германии, и главное, как плацдарм для нападения на <...> СССР. С санкции Антанты польские захватчики превратили Западную Украину в свою колонию» [16, с. 11].

Советская историография в качестве аргумента в пользу необходимости и неизбежности включения западнобелорусских и западноукраинских земель в состав советских республик в соответствии

с внешнеполитическим курсом СССР того времени указывала на распад польского государства в условиях начавшейся войны. В исследованиях В. И. Пичеты Польша показывается страной, которая развязала Вторую мировую войну: «...польские правители начали войну против Германии» [15, с. 126]. Польские руководители, писал И. Ф. Лочмель, по указанию Англии и Франции ввязались в войну с Германией. Далее историк стремился оправдать вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины. Согласно его концепции народы этих территорий были брошены на произвол судьбы польским правительством, подняли восстание против оккупантов и ждали помощи от советской страны [19, с. 153]. Польское правительство Д. Мин обвинял в том, что оно ввергло «страну в бездну войны» и проиграло, в результате население Западной Украины было брошено на произвол судьбы [16, с. 44–45]. В работе «Западная Беларусь под панским гнетом и ее освобождение» также говорилось о развале польского государства под ударами германской армии, в силу чего советское правительство приняло «историческое решение»: подать руку помощи своим братьям – белорусам и украинцам, населяющим Польшу» [5, с. 74]. В работе «Западная Украина» отмечается, что польско-германская война показала «всю внутреннюю непрочность и гнилость искусственно созданной лоскутной державы панской Польши». Правящие круги страны обвиняются в том, что именно они втянули свой народ в войну с Германией: «...направляемая англо-французскими империалистами Польша начала войну с Германией» [6, с. 97, 99].

В конце 1939 г. в «Историческом журнале» была опубликована статья А. Манусевича «Исторические предпосылки краха Польши», которая имела ярко выраженную антипольскую и антиантантовскую направленность. «Банкротство» польского государства автор связывал с крахом Версальской системы в целом, Польша определялась как искусственное и переходящее государство. Исследователь считал, что после Октябрьской революции стране не обязательно нужно было использовать право на отделение. Польское государство рассматривалось в статье как буферное, а лозунг «Польши от моря до моря», по мнению А. Манусевича, являлся не столько польским, сколько антантовским. Автор утверждает, что к краху Польшу привели внутренние противоречия, «авантюристическая внешняя и внутренняя политика» [20, с. 63, 69]. Критикуя польскую внешнюю политику в 1930-е гг., М. И. Петровский обвинял правительство в том, что оно «помогало Гитлеру в его мерзкой антисоветской игре» и не подготовило страну к обороне. Потерпев военное поражение, польское правительство «бежало, бросив страну на произвол судьбы» [11, с. 32]. Колебания польской политики накануне Второй мировой войны советская историография объясняла стрем-

лением Польши найти союзника для осуществления антисоветских планов. В первую очередь польское правительство рассматривало в качестве союзника против СССР Германию, но «когда стало очевидно, что Германия не хочет для других таскать каштаны из огня, Польша вновь переметнулась на сторону Франции и Англии». Начало польско-германской войны объясняется тем, что Англия и Франция, стремясь сорвать налаживание советско-германских отношений, толкнули Польшу на войну с Германией [21, с. 42–43].

Советским историкам важно было показать, что СССР, направив свои войска на территорию Польши, не нарушил свои международные обязательства. В журнале «Вестник Академии наук СССР» была опубликована статья академика И. П. Трайнина «Национальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии». Автор подчеркивал, что одновременно с началом в 1939 г. польско-германской войны потеряли значение договоры СССР с бывшим польским правительством. При этом отмечалось, что Польша не выполнила свои обяза-

тельства по отношению к украинцам и белорусам, а развал страны создал угрозу для судьбы «братских народов», к чему СССР не мог оставаться безразличным. Поэтому «Красная Армия перешла границу и взяла их под свою защиту» [8, с. 188].

Советские историки по большей части повторяли положения советских официальных документов, объяснявших и обосновывавших вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины. Так, И. П. Трайнин фактически цитировал ноту советского правительства властям Польши, безосновательно утверждая, что в связи с распадом польского государства «прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей» [22, с. 96]. Тезис о восстании рабочих и крестьян Западной Беларуси и Западной Украины был взят советской историографией из официального обоснования руководством вторжения на территорию Польши. Так, в Приказе командующего Белорусским фронтом о начале наступления говорилось о необходимости содействовать восставшим рабочим и крестьянам Западной Беларуси [23, с. 36].

Заключение

В целом советская историография сосредоточилась на обосновании необходимости и оправданности включения Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР. При этом советские историки не стремились к выработке научных положений, характеризующих данный процесс: они должны были отстаивать сформулированные на государственном уровне положения. Сталинское руководство использовало историческую науку для легитимизации своей версии присоединения Западной Беларуси к БССР и Западной Украины к УССР. В соответствии с этим советскими историками осуществлялся подбор фактов, а на их основании формулировались выводы. Часть положений советской историографии, характеризовавших польскую политику социального и национального угнетения на территории Западной Беларуси и Западной Украины, являлись достаточно объективными. В то же

время ряд постулатов, сформулированных советскими авторами, имели чисто пропагандистский характер и были неразрывно связаны с проводимыми в тот момент советским руководством внешнеполитическим курсом и исторической политикой. Этим объясняется особое внимание в работах советских авторов к распаду Польского государства, историческим правам СССР на Западную Беларусь и Западную Украину и этническому единству украинцев и белорусов с русским народом. В этих исследованиях ярко выражена антипольская и антиантантовская направленность. Советская историография исследуемого периода в силу прежде всего политических причин не характеризовала включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав СССР как важный фактор дальнейшего формирования государственности белорусского и украинского народов.

Библиографические ссылки

1. Вялікі А. Гістарычная палітыка ў Беларусі: 1921–1939 гг. Польскі напрамак // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 : зб. навук. прац II–IV міжнародных навукова-тэарэтычных канферэнцый (Мінск, 2010–2012) / пад рэд. Э. Расоўскага, А. Вялікага. Мінск, 2013. С. 242–249.
2. Алексеева Г. Д. Развитие советской исторической науки в 1917–1923 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961.
3. Астрога В. Палітычныя і нацыянальна-культурныя праблемы Заходняй Беларусі 1939–1941 гг. у гістарыяграфіі БССР (1939–1941 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2000. № 13. S. 158–170.
4. Сяргеева Г. Г., Петрыкаў П. Ц., Міхнюк У. М. Гісторыя славянскіх народаў у працах беларускіх савецкіх даследчыкаў. Мінск, 1988.
5. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / пад рэд. Н. М. Нікольскага, І. Ф. Лочмеля. Мінск, 1940.
6. Західна Україна : зб. / під рэд. С. М. Белоусова, О. П. Оглобліна. Київ, 1940.
7. Даниленко В. М. Ліквідація Польської держави та встановлення радянського режиму в Західній Україні // Український історичний журнал. 2006. № 3. С. 111–125.
8. Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения в 1930-е годы. М., 2000.
9. Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926–1941 гг. М., 1979.

10. Александров Г. О хозяйственном упадке польского государства // Большевик. 1939. № 17. С. 43–50.
11. Петровский М. И. Західна Україна. Історична довідка. Київ, 1940.
12. Дудкоў Д. Контррэвалюцыйны беларускі нацыянал-дэмакратызм на службе белапольскіх акупантаў // Бальшавік Беларусі. 1935. № 10–11. С. 113–129.
13. Высоцкий И. Внешняя политика фашистской Польши // Коммунистический Интернационал. 1935. № 16–17. С. 10–17.
14. Пичета В. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Беларуси // Историк-марксист. 1939. № 5–6. С. 67–98.
15. Пичета В. Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М. ; Л., 1940.
16. Мин Д. Западная Украина. М., 1939.
17. Дашкевич Ю. Единокровные братья. М., 1939.
18. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.
19. Лочмель И. Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов. М. ; Л., 1940.
20. Манусевич А. Исторические предпосылки краха Польши // Исторический журнал. 1939. № 11. С. 58–69.
21. Абрамов А., Венский К. Западная Украина и Западная Беларусь. Л., 1940.
22. Нота Правительства СССР, врученная послу Польши в СССР В. Гжибовскому 17 сентября 1939 г. // Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1977. Т. 22, кн. 2. С. 96.
23. Случ С. З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 32–43.

References

1. Vjaliki A. [Politics of memory in Belarus in 1921–1939. Polish direction]. *Sprechnyja pytanni z gistoryi polska-belaruskich uzaemaadnosin u 1918–1945*: collect. of sci. articles of II–IV Int. sci.-theor. conf. (Minsk, 2010–2012). Minsk, 2013. P. 242–249 (in Belarus.).
2. Alekseeva G. D. [Development of Soviet historical science in 1917–1923]. Dis. abstr. Moscow, 1961 (in Russ.).
3. Astroga V. [Political, national and cultural problems of Western Belarus in 1939–1941 as shown in Belarusian historiography]. *Bialoruskie Zeszyty Historyczne*. 2000. No. 13. P. 158–170 (in Belarus.).
4. Syargeeva G. G., Petrykau P. Ts., Mihnyuk U. M. [The history of the Slavic nations in the works of the Belarusian Soviet researchers]. Minsk, 1988 (in Belarus.).
5. Nikol'skij N. M., Lochmel I. F. (eds). [Western Belarus under Polish oppression and its liberation]. Minsk, 1940 (in Belarus.).
6. Belousov S. M., Oglobin O. P. (eds). [Western Ukraine: Digest]. Kiev, 1940 (in Ukrain.).
7. Danilenko V. M. [Liquidation of the Polish state and establishment of the Soviet regime in Western Ukraine]. *Ukrainski istorichnij zhurnal*. 2006. No. 3. P. 111–125 (in Ukrain.).
8. Aksanova Ye. P. [Essays on the history of Russian Slavic Studies in the 1930]. Moscow, 2000 (in Russ.).
9. Alatorseva A. I. [Magazine «Marxist historian» in 1926–1941]. Moscow, 1979 (in Russ.).
10. Aleksandrov G. [On the economic decline of Poland]. *Bol'shevik*. 1939. No. 17. P. 43–50 (in Russ.).
11. Petrovski M. I. [Western Ukraine. Historical Reference]. Kiev, 1940 (in Ukrain.).
12. Dudkou D. [The counter-revolutionary national-democracy in Belarus serving Polish invaders]. *Balshavik Belarusi*. 1935. No. 10–11. P. 113–129 (in Belarus.).
13. Vysotskij I. [The foreign policy of fascist Poland]. *Kommunisticheskij Internatsional*. 1935. No. 16–17. P. 10–17 (in Russ.).
14. Picheta V. [Highlights of the lives of the people of the Western Ukraine and Western Belarus]. *Istoriik-marksist*. 1939. No. 5–6. P. 67–98 (in Russ.).
15. Picheta V. [Highlights of development of Western Ukraine and Western Belarus]. Moscow ; Leningrad, 1940 (in Russ.).
16. Min D. [Western Ukraine]. Moscow, 1939 (in Russ.).
17. Dashkevich Yu. [Half-brothers]. Moscow, 1939 (in Russ.).
18. Dubrovskii A. M. [Historian and power: Historical Science of the USSR and concept of the history of feudal Russia in context of politics and ideology of 1930–1950]. Bryansk, 2005 (in Russ.).
19. Lochmel I. F. [Essays on the history of fighting of Belarusian people against Polish lords]. Moscow ; Leningrad, 1940 (in Russ.).
20. Manusevich A. [Historical causes of the crash of Poland]. *Istoriicheskii Zh*. 1939. No. 11. P. 58–69 (in Russ.).
21. Abramov A., Venskij K. [Western Ukraine and Western Belarus]. Leningrad, 1940 (in Russ.).
22. [Note from the Government of the USSR that was given to V. Gzhibovsky, the Ambassador of Poland to the USSR on September 17, 1939]. *Documents of the foreign politics of the USSR* : in 24 vol. Moscow, 1977. Vol. 22, book 2. P. 96 (in Russ.).
23. Sluch S. Z. [The Soviet-German relations during the Polish campaign and the issue of joining World War II of the Soviet Union]. *Slavyanovedenie*. 1999. No. 6. P. 32–43 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.03.2017.
Received by editorial board 02.03.2017.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(38).03

НАБИС И ИЛОТЫ

Л. Г. ПЕЧАТНОВА¹⁾

¹⁾Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается политика спартанского царя Набиса по отношению к илотам. Показаны существенные отличия социальной политики Набиса от политики его предшественников – царей-реформаторов Агиса и Клеомена. Делается вывод о том, что Набис использовал совершенно новый принцип пополнения гражданского коллектива: он освободил и сделал полноправными гражданами некоторых илотов, однако полностью уничтожить илотию царь не успел. Утверждается, что Набис, принимая илотов и иностранцев как полноправных членов гражданской общины, создал совершенно иной тип гражданина-подданного, преданного не столько государству, сколько правителю лично. Рассматриваются радикальные социальные реформы Набиса, отменившие архаические принципы формирования гражданства, вместе с которыми окончательно ушла в прошлое и Ликургова Спарта.

Ключевые слова: илоты; гражданские права; спартанские граждане; Спарта; Набис; Полибий; Тит Ливий.

NABIS AND HELOTS

L. G. PECHATNOVA^a

^aInstitute of History at the Saint Petersburg University, Mendeleevskaya Line, 5, 199034, Saint Petersburg, Russia

The paper deals with the policy of the Spartan king Nabis towards the helots. The significant differences between the social policy of Nabis and that of his predecessors, the kings-reformers Agis IV and Cleomenes III, are shown. The author comes to the conclusion that Nabis used an entirely new principle of replenishment of the citizen body. He freed some helots and made them full-fledge citizens. However, Nabis did not manage to destroy helotage completely, although he sought to do this. Accepting the helots and foreigners as full-fledge members of the citizen body, Nabis has created an entirely new

Образец цитирования:

Печатнова Л. Г. Набис и илоты // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 61–68.

For citation:

Pechatnova L. G. Nabis and helots. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 61–68 (in Russ.).

Автор:

Лариса Гавриловна Печатнова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима.

Author:

Larisa G. Pechatnova – doctor of science (history), docent; professor at the department of History of Ancient Greece and Rome.
pechatnova@mail.ru

type of citizen-subject who was devoted not so much to the state as to the king personally. Nabis' radical social reforms have abolished the archaic principles of forming the citizen body, and at the same time Lyncurgian Sparta has finally come to an end, transformed, to a greater extent, into a monarchy of already the Hellenistic pattern.

Key words: helots; civil rights; Spartan citizen; Sparta; Nabis; Polybius; Titus Livius.

Введение

Предания о царе Набисе и илотах, дошедшие до наших времен, достаточно фрагментарны и противоречивы. Данное обстоятельство отразилось и во многих исследованиях. Рассматриваемая тема, как правило, затрагивается в работах общего характера по истории Спарты [1–5] или в трудах о спартанской илотии в целом [6; 7, р. 193–239; 8, р. 81–105; 9]. Труды, посвященные непосредственно илотии при Набисе, немногочисленны [10; 11]. Цель настоящей статьи – проанализировать существующую традицию освобождения илотов при спартанском

царе Набисе, основная задача – оценить реформы Набиса в той их части, которая касалась создания гражданского общества, впервые включившего в себя и значительную часть бывших илотов. Показано, что илоты в эллинистический период по отдельным параметрам приблизились к классическим рабам, поскольку, вероятно, уже стали объектами купли-продажи, а также могли быть освобождены частными владельцами, а не государством в целом, как это было в прежние эпохи (Ephor. ap. Strab. VIII, 5, 4, р. 365; Paus. III, 21, 6).

Политика Набиса в отношении илотов

Изучение политики Набиса по отношению к илотам – достаточно сложная задача по целому ряду причин. Во-первых, эпоха эллинизма в спартанской истории слабо освещена. Исключение составляют только периоды правления царей-реформаторов Агиса IV и Клеомена III. Во-вторых, спартанские илоты, всегда пребывавшие «на затененных краях общества, славившегося своим одержимым стремлением к тайне» [8, р. 102], редко оказывались объектом нарративной традиции. Но тем не менее илоты попали в ареал внимания царя Набиса, что отразилось в источниках¹ и дало возможность исследователям оценить как количественные, так и качественные изменения, которые внес правитель в прежнюю структуру спартанского полиса. Впервые в истории Спарты реформы затронули самую большую по численности группу населения – илотов. Однако источники, в силу фрагментарности, двусмысленности и сомнительной объективности, касаясь этой темы, не дают однозначных ответов на целый ряд вопросов, которые в результате остаются открытыми для дискуссий.

Постараемся еще раз оценить существующую традицию изучения политики Набиса по отношению к илотам и дать обзор наиболее значимой научной литературы по данной тематике.

Информация о Набисе и его реформах главным образом содержится в речах Полибия и Тита Ливия, отдельные замечания встречаются у Диодора, Павсания и Плутарха. Тем не менее, по словам Мозеса Хадаса, «это кажущееся изобилие иллюзорно», поскольку доказано, что все авторы, которые упоминают Набиса, имели своим источником Полибия [5, р. 274–275; 12, р. 74].

В научной литературе существует мнение о том, что царь² Набис является духовным преемником спартанских царей-реформаторов Агиса IV и Клеомена III [3, р. 161; 5, р. 279; 12, р. 76; 13, Sp. 1473; 14, р. 144; 15, р. 3]. В целом этот взгляд можно назвать верным, однако в политике, касающейся илотов, царь далеко отошел от своих предшественников. Стоит напомнить, что илотов как большую социальную группу мало коснулись реформы Агиса и Клеомена. Илоты не воспринимались ими как объект реформ и не входили в их расчеты. Использование Клеоменом материальных возможностей илотов в качестве источника для пополнения казны было вызвано острыми финансовыми и военными нуждами. Незадолго до битвы при Селласии в 222 г. до н. э. Клеомен освободил сравнительно большую группу илотов (6 тыс. человек), взяв за каждого по 5 аттических мин³, и одну треть из числа

¹Полибий, наш главный источник по Набису, полагался в основном на сведения, устные или письменные, которые дошли до него в сильно искаженной форме от политических врагов Набиса, самыми яростными из которых были спартанские изгнанники.

²О том, что Набис официально именовался царем (басилевсом), свидетельствуют немногие, но достоверные источники, в том числе документального характера. Делосский декрет в честь Набиса (IG XI, 4, 716=Sylloge³, 584) дал гипотетическую возможность связать правителя с домом Еврипонтидов, что придает законность его притязаниям на спартанский трон. Сохранились и монеты с его именем и царским титулом. Однако во враждебной, идущей от Полибия традиции Набис, как правило, именуется тираном, а не царем. С точки зрения Полибия, правитель, бесспорно, был тираном, отличающимся исключительной жестокостью и беспринципностью. Поэтому в сохранившихся отрывках историк называет Набиса только тираном, а его правление именуется «нечестивым и безбожным» (XIII, 6, 5).

³Это достаточно высокая, но остающаяся в пределах нормы плата за рабов в других областях Греции [8, р. 85].

освобожденных сразу зачислил в свою армию (Plut. Cleom., 23, 1)¹. В общей сложности данная операция принесла Клеомену 500 талантов. Однако 6 тыс. илотов – это лишь малая часть от общего их количества². Данный шаг был предпринят не в целях умножения числа граждан. По нашему мнению, верна точка зрения исследователей, которые считают, что Клеомен, освобождая илотов, преследовал весьма ограниченные цели и не стремился распространить подобную практику на всех лаконских илотов [1, p. 64; 5, p. 52; 260; 16, с. 128; 17, p. 165–166;]. Эта мера была вызвана исключительно военным кризисом, острой нуждой в пополнении государственной казны и оказалась по сути тактическим маневром. Но нельзя не признать тот факт, что Клеомен в данном случае повел себя как новатор и политик, легко разрушающий идеологические стереотипы: до этого, насколько известно, никогда не освобождалась за деньги такая большая группа илотов³. Это был важный прецедент, вскоре повторенный в гораздо большем масштабе Набисом.

Несмотря на крайне негативную оценку, которую Полибий дает преобразованиям Набиса, из филиппик историка можно понять, что Набис радикально изменил структуру спартанского гражданства, отказавшись от прежних Ликурговых принципов.

Во-первых, как и Клеомен, Набис стал наделять земель и гражданскими правами наемников-иностранцев (Polyb., XIII, 6, 3–4), желая тем самым умножить число лично преданных ему граждан, не связанных родственными или дружескими узами со старым гражданством⁴. В трудах Полибия сознательно сделано ударение на радикальности и опас-

ности для ахейской элиты социальных реформ Набиса. Историк называет правителя покровителем убийц, грабителей, воров и обманщиков (XIII, 6, 4). По этому поводу М. Хадас говорит: «...слова Полибия, что Набис окружил себя подонками, – это дело только точки зрения» [12, p. 76].

Во-вторых, Набис вслед за Агисом и Клеоменом предпринял ряд мер в пользу обнищавших граждан (гипомейонов) (см. [18, с. 100–116]). Он пошел на открытый конфликт с привилегированным меньшинством, отказавшись при этом от полумер своих предшественников⁵. Обратившись к террору, Набис одних запугивал, а других отправлял в изгнание, продолжая преследовать их даже там (Polyb. XIII, 6, 3–10; XVI, 13, 1). Устраивая подобную «чистку», царь, вероятно, руководствовался двумя соображениями: желанием избавиться от реальных или потенциальных политических противников и необходимостью приватизировать их земли для раздачи неимущим гражданам, наемникам и илотам.

В-третьих, царь Набис объектом своих реформ сделал илотов, которые для правителя оказались единственным в Лаконии источником значительных людских ресурсов. Причиной этому стал тот факт, что в 207 г. до н. э. незадолго до прихода Набиса к власти Спарта практически обезлюдела, лишившись всей армии, состоявшей как из граждан, так и из наемников. В сражении при Мантинее, где Филопомен убил Маханида, погибло огромное число спартанцев – около 4 тыс. человек, еще больше людей было взято в плен (Polyb. XI, 18, 10; Plut. Phil., 10). Однако, помимо физической гибели граждан во время многочисленных войн, в Спар-

¹Использование илотов в армии – практика, начало которой было положено еще в период Греко-персидских войн. Однако большое количество илотов обычно призывали только в экстренных ситуациях, когда речь шла о самом существовании Спартанского государства. О подобном случае рассказывает Ксенофонт: во время вторжения Епаминонда в 369 г. до н. э. в армию призвали одновременно шесть тысяч илотов. Эта акция настолько напугала самих спартанцев, что они в какой-то момент уже были готовы от нее отказаться (Hell. VI, 5, 28–9).

²В предании почти не сохранилось прямых указаний относительно численности илотов. Представление об их огромном числе идет от Фукидида, который называет Спарту и Хиос государствами с самым большим количеством рабов (VIII, 40, 2). Эту картину дополняет утверждение Плутарха о том, что этолийцы, вторгшись в Лаконию около 240 г. до н. э., увели с собой 50 тыс. илотов (Cleom., 18, 2). В последнем случае речь может идти только о лаконских илотах, так как Мессения к тому времени уже давно была потеряна для Спарты. В современной западной историографии наблюдается тенденция к преуменьшению общей численности илотов: как правило, полагают, что существовало около 200 тыс. илотов или даже меньше (см. [5, p. 53, n. 3; 7, p. 198]).

³До тех времен, пока государство катастрофически не нуждалось в деньгах, механизм освобождения илотов был мало связан с финансовыми мотивами, все известные нам случаи освобождения илотов в период с конца V в. до н. э. и до эпохи эллинизма носят ярко выраженную военную направленность. Илотов освобождали прежде всего ради пополнения спартанской армии, а финансовая сторона отходила на второй план. Во всяком случае, вплоть до позднего эллинизма у нас нет никаких данных, даже косвенных, об освобождении илотов за деньги. В связи с этим представляется безосновательным мнение Л. Пайпер, которая пытается доказать, что илоты имели возможность покупать себе свободу начиная, по крайней мере, с IV в. до н. э. [9, p. 75–88].

⁴Практика внесения в гражданские списки иностранцев, особенно наемников, в период эллинизма была не редким явлением (см. [8, p. 90–91, n. 44]).

⁵Агис избегал насилия в принципе, Клеомен же прибегал к нему только в исключительных случаях. Так, он отправил в изгнание 80 представителей высшей аристократии Спарты (Plut. Cleom. 10, 1), не предъявив им каких-либо обвинений и пообещав при изменившихся обстоятельствах вернуть всех назад (11, 2). При этом насильственные действия Клеомена выглядят строго функциональными. Царь предпочитал мягкий вариант избавления от оппозиции: не физическое уничтожение, а высылка, объявляемая временной.

те шел процесс маргинализации гражданского населения¹. В результате ко времени правления Набиса илоты оказались единственным многочисленным сословием, способным заменить прежних граждан в спартанской армии.

В социальную программу Набис включил освобождение илотов². Об этом ясно и недвусмысленно свидетельствуют все имеющиеся в нашем распоряжении источники, особенно труды Полибия (Polyb. XVI, 13, 1) и Тита Ливия (Liv. XXXIV, 32, 9). Последний в своей работе приводит речь Набиса перед римским полководцем Т. Квинцием Фламинином (195 г. до н.э.). В этой речи царь несколько раз останавливался на теме рабов. Он признает факт призыва рабов к свободе и наделения неимущих земель (XXXIV, 31, 11). В свое оправдание он заявляет, что главной целью было умножение числа граждан: *quod ad multitudinem servis liberandis auctam* («А что давал я рабам свободу, дабы увеличить число граждан...») (XXXIV, 31, 13). У Ливия речь Набиса изложена по большей части с сочувствием, чем с осуждением. Ливий, безусловно, не одобрял социальные новации спартанского царя, но в то же время историк не вкладывал в свой рассказ той страстной ненависти к Набису, которую питал к нему Полибий.

Без сомнения, Полибий воспринимал освобождение илотов как часть неприемлемой для ахейской элиты (к которой относился сам историк) политики «тирана», заключающейся в изменении социального состава спартанского гражданства за счет «убийц, грабителей, воров и обманщиков» (XIII, 6, 4). Однако среди инвектив Полибия, изображающих Набиса патологически жестоким тираном, истребившим «очень много лакедемонян» (Polyb. XIII, 6, 5–10) и собравшим «в Спарте множество преступного народа» (XVI, 13, 2), попадают отрывки, проливающие свет на конкретные процессы, происходящие внутри Спарты. Приведем самый важный фрагмент, в котором кроме деклараций есть и ценный фактологический материал: согласно Полибию, Набис «изгонял граждан, осво-

бождал рабов и женил их на женах и дочерях господ их...»³ (XVI, 13, 1).

Если признать правдивым данное сообщение Полибия, то неизбежным окажется вывод о том, что Набис сделал илотов, ранее принадлежавших к изгнанникам, не только свободными людьми, но и полноправными гражданами, наделив их клерами, отнятыми у их бывших господ⁴. Спартанский царь также предоставил бывшим рабам право жениться на спартанских гражданках, т. е. на женах и дочерях тех людей, которые были отправлены в изгнание. Эти два момента (владение клером и право брать в жены спартанок) делали вольноотпущенников полноправными гражданами⁵.

Данную версию косвенно подтверждает и Т. Ливий, который всех «отпущенных на волю тиранами» называет «приписанными к лакедемонянам» (лат. *Lacedaemoniis adscripti*) (Liv. XXXVIII, 34, 6). Современный исследователь Н. Кеннелл убедительно доказал, что латинский вариант *Lacedaemoniis adscripti* является калькой с греческого выражения οἱ προσυραφέντες πρὸς τοὺς Λακεδαιμόνιους, а «из эпиграфических параллелей ясно, что эта фраза у Ливия не несла никакой коннотации более низкого или отдельного статуса помимо принадлежности к группе вновь записанных граждан» [8, р. 93–94]. Тем не менее за этим выражением могут скрываться новые граждане не только илотского происхождения.

Исследователи, как правило, видят в выражении Т. Ливия *Lacedaemoniis adscripti* доказательство того, что Набис не просто освобождал илотов, а наделял их гражданскими правами [5, р. 281, п. 3; 14, р. 146, п. 27]. Так, по словам Ж.-Ж. Тексье, «илоты превратились в *Lacedaemoniis adscripti*, т. е. в членов лакедемонской общины, очевидно, с некоторыми правами, а именно военными и фискальными, но также со всеми обязанностями, которые это членство подразумевало» [11, р. 196].

Конечно, они не были спартиатами в прежнем значении этого слова, царь Набис создал по сути новое сословие – граждан-подданных, куда вошли разные по происхождению части населения: гипо-

¹К III в. до н. э. из-за огромного дисбаланса в распределении земли между богатыми и бедными и долгового вопроса страна оказалась примерно в том же состоянии, в котором большинство греческих полисов пребывало в эпоху архаики. По словам Плутарха, ко времени Агиса IV «спартиатов было теперь не более семисот, да и среди тех лишь около ста владели землей и наследственным имуществом, а все остальные нищею и жалкою толпой сидели в городе, вяло и неохотно поднимаясь на защиту Лакедемона от врагов...» (Agis 5, 6–7 / пер. С. П. Маркиша). Эти разорившиеся граждане лишились почти всех своих прав, превратившись в гипомейонов (досл. «несколько меньшие», «более худшие»), часть которых использовали свои военные навыки, став профессиональными наемниками.

²Мы, так же как и большинство исследователей [1, р. 69–70; 5, р. 271; 8, р. 90; 11, р. 194;], полагаем, что слово «раб» (δούλος, οἰκέτης, или servus), всякий раз, когда оно используется в источниках в связи с реформами Набиса, эквивалентно слову илот (εἰλωτός), хотя, конечно, каждый термин не охватывает обязательно строго определенную реальность. Из-за неопределенности и двусмысленности терминов, употребляемых Полибием (Polyb. XVI, 13, 1) и Ливием (Liv. XXXIV, 31, 11; XXXVIII, 34, 6), мы не можем с абсолютной уверенностью говорить о том, что Набис освобождал исключительно илотов, минуя классических рабов, которые, вероятно, также были в Спарте.

³Здесь и далее слова Полибия даны в переводе Ф. Г. Мищенко.

⁴Такого мнения придерживаются Б. Шимрон и С. Форнис [10, р. 1; 15, р. 5].

⁵При огромной потере гражданского мужского населения в ходе многочисленных военных кампаний Клеомена, Ликурга и Маханида право эпигамии, скорее всего, было даровано всем освобожденным илотам.

мейоны, наемники-иностранцы и бывшие илоты, при этом последние, скорее всего, были самой многочисленной группой. Эта унифицированная община сильно отличалась от прежней ее Ликурговой модели. Мы полагаем, что бывшее сословие спартиатов, остатки которого Набис истребил или изгнал, сменили новые созданные Набисом граждане, чьи права уже не столь строго зависели от прежних обязательных требований (владение землей, общественное воспитание, оплачиваемое самими гражданами участие в общественных обедах). Однако, по нашему мнению, не совсем справедливо утверждение Ж. Дюка о том, что интеграция освобожденных Набисом илотов была частичной и в результате они составили отдельную группу (точно так же как ранее неодамоды)¹. Нам ближе взгляды тех исследователей, по мнению которых Набис в своем стремлении походить на эллинистических монархов собирался унифицировать и уравнивать в правах как новых, так и старых граждан, стирая при этом статусы и прежние иерархии [14, р. 146, п. 27; 19, р. 35; 20, р. 93;]. Как образно выразился в своей недавно опубликованной статье испанский антиковед С. Форнис давая илотам клеры и гражданство, Набис «вывихнул» социоэкономическую структуру лакедемонского полиса [15, р. 5].

К тому моменту, когда Набис занялся освобождением илотов, они, скорее всего, уже не являлись илотами старого образца, т. е. коллективными рабами, принадлежавшими всей общине *in corpore* (см. [21, с. 209–259]), а давно уже были частной собственностью спартанских латифундистов – части богатых граждан, которые монополизировали землю и захватили власть. Клеры вместе с приписанными к ним илотами перешли путем различных экономических транзакций (завещания, подарки, ипотека, приданое и т. д.) в руки немногих людей, в том числе женщин. Этот процесс продолжался на протяжении всего IV в. до н. э. и приобрел чудовищные размеры к середине III в. до н. э., т. е. ко времени правления Агиса IV (Arist. Pol. II, 6, 11–12, 1270a; Plut. Agis 5, 6–7). Вероятно, именно в связи с этим Набис позаботился о том, чтобы изгнать самых богатых владельцев земли, а конфискованные

клеры раздать бывшим илотам, сделав их свободными людьми и налогоплательщиками.

Из-за малого числа литературных источников и отсутствия возможности их однозначного понимания трудно оценить реальные масштабы манумиссии, проведенной Набисом. Некоторые ученые полагают, что были освобождены только те илоты, которые принадлежали богатым и знатным спартамцам, изгнанным Набисом (см. [9, р. 85; 14, р. 144–145]. Тем не менее эта группа илотов не могла быть многочисленной, и Набис вряд ли ограничился только ими. Активная внешняя политика правителя требовала постоянного притока солдат. В связи с чем, скорее всего, свободу получали все илоты, в которых нуждалась спартанская армия (их число могло достигать многих тысяч). Подобный вывод согласуется со следующим свидетельством: Ливий, говоря об экстренном наборе войска, проведенном Набисом в 195 г. до н. э., кроме наемников-критян упоминает и *decem milia popularium cum castellanis agrestibus in armis habuit* («десять тысяч соотечественников, включая в их число и жителей укрепленных поселений») (Liv. XXXIV, 27, 2). В той же главе, в рассказе о расправе Набиса над мятежниками внутри города, историк поясняет, что *castellani agrestes* («живущие в укрепленных поселениях») и илоты – одна и та же группа населения². Из этого следует, что Набис легко мог набрать большое «народное» войско, пестрое по своему составу. В него вошли несколько тысяч новых граждан и какое-то число илотов, которым армейская служба, возможно, гарантировала свободу и гражданство.

Видимо Набис по мере военной необходимости освобождал поочередно несколько групп илотов и призывал освобожденных в армию. Так что, скорее всего, одномоментной манумиссии не было, а процесс освобождения илотов шел на протяжении всего правления Набиса. Поражение спартанского царя (в 195 г. до н. э.) от объединенных сил анти-спартанской коалиции во главе с Фламинином, а также скорая гибель правителя в 192 г. до н. э. положили конец его деятельности по освобождению илотов. Процесс так и не был завершен, и в Спарте после десяти лет революционных преобразований

¹Занимавшийся проблемами илотии Ж. Дюка, в силу стремления доказать, что бывшие илоты не становились полноправными гражданами, отвергает сообщение Полибия о вынужденных браках илотов со спартанскими женщинами на том основании, что отрывок Полибия в 16-й книге (Polyb., XVI, 13, 1) противоречит отрывку в 13-й (XIII, 6, 3), где жены изгнанников достаются отнюдь не рабам, а сторонникам Набиса и его наемникам. Вариант, данный в 13-й книге, кажется Ж. Дюка более правдоподобным, чем в 16-й, поскольку, по мнению исследователя, Полибий при негативном отношении к Набису, сознательно мог сгустить краски, заменив наемников-иностранцев илотами [6, р. 171–172]. Подобные вещи иногда случались. Так, политические враги спартанского наварха Лисандра обвиняли его в том, что он назначал гармостами (военными комендантами) в союзные города илотов (Xen. Hell. III, 5, 12; Isocr. IV, 111), что, судя по информации других источников, является чистым вымыслом и возникло как часть антиспартанской пропаганды. Однако в данном случае недоверие Ж. Дюка к свидетельству Полибия умозрительное. Несмотря на то что Полибий сгущал краски и давал негативные оценки всем начинаниям Набиса, историк не подтасовывал сами факты. Оба сообщения Полибия не столько противоречат, сколько дополняют общую картину процесса наделения землей разных по своему происхождению групп новых граждан.

²«Потом кое-кого из илотов (тех, что издавна живут в укрепленных поселениях, обрабатывая землю) обвинил в стремлении перейти к врагу» (Liv., XXXIV, 27, 9).

по-прежнему оставалось какое-то число илотов. Именно таким образом можно понять частично процитированное выше сообщение Ливия о том, что в 195 г. до н. э. Набис, находясь в осажденном городе и боясь, что нелояльные илоты могут перебежать к римлянам, обратился к обычной для любого тирана практике: он приказал схватить какое-то количество подозрительных илотов (или любых, кто попался под руку), провести, избивая плетью, по улицам, а затем убить (Liv., XXXIV, 27, 9). Опасения Набиса в отношении илотов, вероятно, были справедливы. Так, Страбон утверждает, что при тиранах «периеки, а также илоты <...> первыми перешли на сторону римлян», за что как уже «свободные лаконцы» получили от них «нечто вроде республиканского государственного устройства» (Strab. VIII, 5, 5, р. 366 / пер. Г. А. Стратановского)¹.

Судьбу новых граждан после гибели Набиса в 192 г. до н. э. решил стратег Ахейского союза Филопмен, захвативший в 188 г. до н. э. Спарту. Среди прочего он уволил со службы наемников предшественника и изгнал всех тех, кого Набис сделал гражданами. По словам Ливия, «ахейцы приказали <...>, чтобы освобожденные тиранами рабы (а их было великое множество), также удалились к определенному сроку, а тех из них, кто останется, ахейцы вправе буду захватывать, уводить, продавать» (Liv., XXXVIII, 34, 2–6). Заметим, что в одной и той же главе Ливий упоминает этих людей дважды. Первый раз он называет их «рабами, освобожденными тиранами», и поясняет, что «их было великое множество» (34, 2), второй раз – называет их «приписанными к лакедемонянам» (лат. *Lacedaemoniis adscriptos*)², поясняя, что «так звали тех, кто был освобожден тиранами» (34, 6). Ливий сообщает о дальнейшей судьбе «приписанных к лакедемонянам»: разбежавшихся по сельской местности наемников постановили «схватывать <...> и продавать

как военную добычу. Много их было схвачено и затем продано» (34, 6–7).

Примерно о том же говорит и Плутарх: «Всех, скольких тираны объявили гражданами Спарты (ποῖται τῆς Σπάρτης), он (Филопмен. – Л. П.) переселил в Ахайю...» (Plut. Philop. 16, 4 / пер. С. И. Соболевского)³. О численности интернированных в Ахайю Плутарх умалчивает, однако он указывает на количество новых граждан Набиса, отказавшихся покинуть Спарту и наказанных за это продажей в рабство: таких было три тысячи «оказавших упорное неповиновение и не желавших уйти из Спарты; их он (Филопмен. – Л. П.) продал и, как бы в насмешку, построил на эти деньги в Мегалополе портик» (Plut. Philop. 16, 5–6). Из текста Плутарха следует, что 3 тыс. человек, отказавшихся покинуть Спарту, также относятся к гражданам.

Единственный источник, который однозначно идентифицирует этих проданных в рабство граждан с бывшими илотами – писатель-антиквар Павсаний. По его словам, «Филопмен <...> продал в рабство приблизительно 3000 илотов» (Paus. VIII, 51, 3). Несмотря на то что Павсаний не является надежным источником, в данном случае игнорировать его свидетельство нецелесообразно. Саму цифру он, как и Плутарх, взял, вероятно, у Полибия, чей текст им был доступен еще в полном виде. Засвидетельствованные Павсанием 3 тыс. человек являются теми же гражданами, о которых говорил и Плутарх (Plut. Philop. 16, 5–6). На основании изученных материалов мы можем высказать предположение о том, что Спарту отказались покинуть те, кто больше других ценил и свой новый статус, и социальные выгоды, т. е. владельцы вымороченных клеров, которые вместе с землей получили жен и дочерей своих бывших хозяев (Polyb. XVI, 13, 1).

Единственная точная цифра, имеющаяся в нашем распоряжении, – 3 тыс. новых граждан, не под-

¹Общины периеков, объединившись в союз «свободных лаконцев», почти определенно приняли в свой состав илотов, которые бежали от Набиса при приближении римлян. Вероятно, этот процесс также способствовал исчезновению илотии как института [4, р. 278].

²По нашему мнению, верно утверждение К. Краймса о том, что выражение *Lacedaemoniis adscripti* вполне могло относиться к илотам, «не просто эмансипированным, но и получившим определенную форму гражданства» [2, р. 40]. Это следует из того значения, которое вкладывали в слово *adscripti* римские писатели. В римском гражданском праве глагол *adscribere* означал «внести в список», т. е. «принять в число граждан». Именно в таком значении этот термин неоднократно употребляется Цицероном в речи в защиту поэта Архия (IV). В связи с тем, что Тит Ливий, цитируя декрет Ахейского союза, употребляет по отношению к илотам, «освобожденным тиранами», выражение *Lacedaemoniis adscripti* (XXXVIII, 34, 6), под ними он, безусловно, понимает граждан, вновь приписанных к спартанской общине. Далее в работе К. Краймса дается остроумное, но тем не менее произвольное толкование выражений Т. Ливия *castellani agrestes* и *Lacedaemoniis adscripti* (XXXIV, 27, 2; XXXVIII, 34, 6) как латинского варианта спартанского термина «неодамоды», который, как полагает исследовательница, стоял в греческом подлиннике. Однако это явный анахронизм: неодамоды в Спарте – феномен, имевший место в эпоху Пелопоннесской войны и гегемонии Спарты (421–370 гг. до н. э.), в связи с чем нельзя чисто умозрительно переносить его на более поздние эпохи, как это делают К. Краймс и У. Робинс. Подобного рода аналогии П. Олива справедливо называет «чистой фикцией» (см. [5, р. 167–168, 280; 10, р. 1–6]).

³Тит Ливий, Плутарх, Страбон (VIII, 5, 5, р. 365) употребляют слово «тиран» во множественном числе, очевидно заимствовав его в таком виде у Полибия. Последний считал тиранами всех непосредственных предшественников Набиса, начиная с царей-реформаторов Агиса и Клеомена (II, 47, 3; IV, 81, 14; IX, 23, 3; 29, 8; 36, 4). Из чего следует, что мы, скорее всего, имеем дело с пропагандистским термином: для Полибия все спартанские правители, воевавшие с Ахейским союзом, – тираны независимо от их официального звания и реальных действий. В этом слове выражено общее негативное отношение к вражеской Спарте.

чинившихся приказу Филопемена. Говоря о числе «всех освобожденных тиранами рабов», которым надлежало покинуть Спарту, Т. Ливий оперирует скорее абстрактным представлением о больших и малых величинах, определяя их численность как «великое множество» (Liv. XXXVIII, 34, 2). За подобной характеристикой вероятно стоит цифра, намного превышающая три тысячи.

Из всей совокупности источников следует, что Набис действительно освободил значительное количество илотов. Спартанский правитель не уничтожил сам институт илотии, но запустил механизм массового освобождения этой социальной группы. При римском владычестве илотии уже не существовало (таким образом можно понять довольно расплывчатое хронологическое указание Страбона на то, что илотия сохранялась «вплоть до римского господства» (μέχρι τῆς Ῥωμαίων ἐπικρατείας – Strab. VIII, 5, 4, p. 365; ср. IX, 1, 20; 2, 39))¹.

Большинство исследователей придерживаются именно этой традиционной точки зрения. Так, по словам В. Тарна, Набис «освободил многих илотов, хотя вовсе не разрешил радикально вопроса об илотах» [16, с. 128]². В том же духе высказывается и Б. Шимрон: «Набис полностью не уничтожил илотию, и она продолжала существовать после 195 г. и, вероятно, еще долго после Набиса, что может быть принято как исторический факт» [10, p. 3]. П. Кэртлидж также считает, что илотия в какой-то форме пережила правление Набиса [1, p. 64].

Вслед за большинством исследователей мы, в свою очередь, оцениваем освобождение илотов как революционное для Спарты преобразование,

которое явилось частью общего законодательного пакета Набиса. Приведем несколько принадлежащих известным ученым высказываний. По мнению А. Тойнби, «Набис уменьшил число илотов до цифры, при которой илотия перестала быть серьезной социальной и политической проблемой для спартанского государства» [22, p. 203]. Об этом же говорит и П. Олива: «Даже если Набис не отменил илотию, изменения, которые он совершил в социальной структуре спартанского населения, были значительными и гораздо более радикальными, чем реформы Клеомена» [5, p. 282]. Освобождение илотов П. Кэртлидж назвал «смертельным ударом, который Набис нанес илотии, по-настоящему архаической форме рабства <...> Набис таким образом модернизировал спартанское общество и экономику в целом» [1, p. 64]. К этому мнению присоединяется и И. А. Шишова, полагая, что «значительное число илотов по-лучило свободу в период тирании Набиса» [23, с. 154].

Некоторые ученые даже утверждают, что Набис уничтожил сам институт илотии. В частности, сошлемся на Ж. Тексье, автора монографии о Набисе. По мнению исследователя, «в результате реформ, начатых Набисом, илотия оказалась уничтоженной как архаический тип зависимости, термин же “илот”, продолжая использоваться по привычке, удобству или непониманию новых глубинных реалий Лакедемона, теперь стал означать – в действительности – совсем другое» [11, p. 199]. Однако наличие традиционного мнения о существовании илотии после Набиса не подтверждает слишком радикальных выводов Ж. Тексье.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что Набис, принимая илотов и иностранцев как полноправных членов гражданской общины, создал совсем иную модель государства, чем был классический спартанский полис, сконструированный по Ликурговым лекалам. Радикальная реорганизация гражданской структуры являла собой полный разрыв с политикой предшественников Набиса, даже несмотря на то, что на словах царь хотел казаться их преемником. Благодаря практически полному обновлению гражданского коллектива за счет ранее негражданских или полугражданских групп населения (иностранцев, илотов, гипомейонов) Набис создал совершенно иной тип гражданина-подданного, преданного не столько государству, сколько лично правителю. В частности, это проявилось в неизменной лояльности новых граждан по отношению к Набису. Безусловную поддержку Набису вероятно оказывали наемники и бывшие илоты, которые больше всего

выиграли от реформ Набиса³. Эти новые граждане и составляли ядро его войска [9, p. 86–87].

Личную преданность Набису наемники и бывшие илоты продолжали демонстрировать даже после гибели своего благодетеля: в 192 г. до н. э. они уничтожили убийц царя – отряд этолийцев во главе с Алексаменом (Liv. XXXV, 36, 9–10). Нами не было найдено никаких данных о заговорах или бунтах народных масс, направленных против Набиса. Если бы таковые имели место, то они непременно были бы упомянуты в трудах Полибия и Ливия, которые изобразили Набиса жестоким и безжалостным тираном [15, p. 11].

Положительно оценивающие реформы Набиса исследователи, как правило, считают самого царя новатором, сумевшим модернизировать спартанское общество и экономику в целом. Так, по словам П. Кэртлиджа, благодаря политике спартанского правителя был создан более открытый, гибкий, ориентированный на рынок социальный строй [1, p. 64].

¹Римская *epikrateia* Страбона может относиться как к утверждению римского правления в 146 г. до н. э., так и к периоду, когда влияние Рима в греческих государствах было уже господствующим (нач. II в. до н. э.) [8, p. 101].

²См. также [5, p. 280].

³Возможно, именно Набис создал для новых граждан шестую обу неополитов (IG V 1, 680, 683.).

На фундамент из созданного им гражданско-го сословия Набис водрузил новый политический режим, монархический по своей сущности, который полностью противоречил традиционной конституции Спарты, но был близок моделям его времени – конституциям македонских монархов. Как не раз было отмечено, в том числе и новейшими исследователями [14, р. 3], в социальной

сфере Набис осуществил более глубокие реформы, чем его предшественники – спартанские цари Агис IV и Клеомен III. Радикальные социальные реформы Набиса отменили архаические принципы формирования гражданства, а вместе с ними окончательно ушла в прошлое и Ликургова Спарта, преобразившись в монархию эллинистического образца.

Библиографические ссылки

1. Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: a tale of two cities. 2nd ed. London ; New York, 2002.
2. Chrimes K. M. T. Ancient Sparta: A Re-examination of the Evidence. Manchester, 1952.
3. Jones A. H. M. Sparta. Oxford, 1967.
4. Kennell N. Spartans. A New History. Ancient Cultures. New York, 2010.
5. Oliva P. Sparta and her social Problems. Prague, 1971.
6. Ducat J. Les Hilotes // Bull. corresp. Hellénique. Suppl. 20. 1990.
7. Figueira Th. The Demography of the Spartan Helots // Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / N. Luraghi, S. E. Alcock (eds). Chapter 8. Cambridge, 2003.
8. Kennell N. Agreste Genus: Helots in Hellenistic Laconia // Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures / N. Luraghi, S. E. Alcock (eds). Chapter 4. Cambridge, 2003.
9. Piper L. J. Spartan Helots in the Hellenistic Age // Anc. Society. 1984–1986. Vol. 15/17. P. 75–88.
10. Shimron B. Nabis of Sparta and the Helots // Class. Philol. 1966. Vol. 61, № 1. P. 1–7.
11. Texier J. G. Nabis et les Hilotes // Dialogues d'histoire anc. 1974. Vol. 1, № 1. P. 189–205.
12. Hadas M. The Social Revolution in third-century Sparta // Class. Weekly. 1932. Vol. 26, № 9. P. 65–68.
13. Ehrenberg V. Nabis // Real Enzyklopädie. Bd. XVI, 2. 1935. S. 1471–1474.
14. Birgalias N. Nabis: un prince hellénistique? // Gerión Anejos. 2005. № 9. P. 139–151.
15. Fornis C. La basileía «revolucionaria» de Nabis // Soc. Precapitalistas. 2016. Vol. 5, № 2. P. 1–19.
16. Тарн В. Эллинистическая цивилизация / пер. с англ. С. А. Ляковского. М., 1949.
17. Fuks A. Agis, Cleomenes, and Equality // Class. Philol. 1962. Vol. 57, № 3. P. 161–166.
18. Печатнова Л. Г. Гипомейоны и мофаки (структура гражданского коллектива Спарты) // Вестник древн. истории. 1993. № 3. С. 100–115.
19. Texier J. G. Nabis. Paris, 1975.
20. Mendels D. Polybius and the Socio-economic Revolution in Greece (227–146 B. C.) // L'antiquité class. 1982. Vol. 51, № 1. P. 86–110.
21. Печатнова Л. Г. История Спарты. Период архаики и классики. СПб., 2001.
22. Тоунбее А. Some Problems of Greek History. London, 1969.
23. Шишова И. А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.

References

1. Cartledge P., Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: a tale of two cities. 2nd ed. London ; New York, 2002.
2. Chrimes K. M. T. Ancient Sparta: A Re-examination of the Evidence. Manchester, 1952.
3. Jones A. H. M. Sparta. Oxford, 1967.
4. Kennell N. Spartans. A New History. Ancient Cultures. New York, 2010.
5. Oliva P. Sparta and her social Problems. Prague, 1971.
6. Ducat J. [The Helots]. Bull. corresp. Hellenique. Suppl. 20. 1990 (in Fr.).
7. Figueira T. The Demography of the Spartan Helots. *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures*. Chapter 8. Cambridge, 2003.
8. Kennell N. Agreste Genus: Helots in Hellenistic Laconia. *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia: Histories, Ideologies, Structures*. Chapter 4. Cambridge, 2003.
9. Piper L. J. Spartan Helots in the Hellenistic Age. *Anc. Society*. Vol. 15/17. 1984–1986. P. 75–88.
10. Shimron B. Nabis of Sparta and the Helots. *Class. Philol.* 1966. Vol. 61, No. 1. P. 1–7.
11. Texier J. G. [Nabis and Helots]. *Dialogues d'histoire anc.* 1974. Vol. 1, No. 1. P. 189–205 (in Fr.).
12. Hadas M. The Social Revolution in third-century Sparta. *The Class. Weekly*. 1932. Vol. 26, No. 10. P. 65–68.
13. Ehrenberg V. [Nabis]. *Real Enzyklopädie*. 1935. Vol. XVI, 2. P. 1471–1474 (in Germ.).
14. Birgalias N. [Nabis: Hellenistic prince?]. *Gerion Anejos*. 2005. No. 9. P. 139–151 (in Fr.).
15. Fornis C. [«Revolutionary» basileia of Nabis]. *Soc. Precapitalistas*. 2016. Vol. 5, No. 2. P. 1–19 (in Span.).
16. Tarn W. Hellenistic civilization. Moscow, 1949 (in Russ.).
17. Fuks A. Agis, Cleomenes, and Equality. *Class. Philol.* 1962. Vol. 57, No. 3. P. 161–166.
18. Pechatnova L. G. [Hypomeiones and mothakos. Structure of Sparta civil collective]. *Vestnik drevnei istorii*. 1993. No. 3. P. 100–115 (in Russ.).
19. Texier J. G. [Nabis]. Paris, 1975 (in Fr.).
20. Mendels D. Polybius and the Socio-economic Revolution in Greece (227–146 B. C.). *L'antiquite class. [Classical antiquity]*. 1982. Vol. 51, No. 1. P. 86–110.
21. Pechatnova L. G. [History of Sparta. Archaic and Classical period]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
22. Toynbee A. Some Problems of Greek History. London, 1969.
23. Shishova I. A. [Early legislation and the formation of slavery in ancient Greece]. Leningrad, 1991 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 10.04.2017.
Received by editorial board 10.04.2017.

УДК 94(323.35:351.1+470)»1914/17»

ВОЕННЫЕ ПАСТОРЫ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ И ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. В. КАЩЕЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе исторических источников и историографии рассматривается организация деятельности военных пасторов, включенных в штат военных округов и действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделено комплектованию и управлению личным составом штатных военных и полевых пасторов, часть из которых была включена в действующую армию одновременно с началом войны. Определяется влияние командования военных округов и действующей армии на деятельность военных пасторов в отмеченный период. Выявляется, что военные пасторы находились в подчинении у своих духовных правлений и военного командования, при этом последнее обладало широкими возможностями в определении штатного количества военных пасторов, их комплектовании и организации деятельности. Отмечается влияние политики борьбы с немецким засильем на деятельность пасторов действующей армии в годы Первой мировой войны, а также то, что следствием этой политики стали различные ограничения, изъятия, запреты, а в крайних случаях – репрессии в отношении военных пасторов.

Ключевые слова: пасторы; военные округа; действующая армия; Российская империя; Первая мировая война.

THE MILITARY PASTORS OF THE MILITARY DISTRICTS AND THE ARMY OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FIRST WORLD WAR

A. V. KASHCHEYEU^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Based on historical sources and historiography deals with the organization of the activity of military pastors, included in the staff of military districts and the army of the Russian Empire during the First World War. Special attention is paid to the recruitment and management of military staff and field pastors, part of which was included in the part of the army with the outbreak of war. The aim of the study is to determine the influence of the command of military districts and the army in the activities of military pastors in that period. Defined that military pastors to obey to their spiritual boards and the military command. The latter had a wide role in defining the regular number of military pastors, their recruitment and organization activities. It is noted the impact of the policy of fight against German dominance on the activities of the pastors of the army during the First World War. A consequence of this policy were various restrictions, exceptions, prohibitions, and repression of the military pastors.

Key words: pastors; military district; army; the Russian Empire; the First World War.

В вооруженных силах Российской империи для обеспечения религиозных нужд военнотружущих действовало специальное ведомственное (военное)

духовенство. Накануне Первой мировой войны в состав этого ведомства входили только православные, католические, евангелическо-лютеранские, еванге-

Образец цитирования:

Кащеев А. В. Военные пасторы военных округов и действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 69–75.

For citation:

Kashcheyeu A. V. The military pastors of the military districts and the army of the Russian Empire during the First World War. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 69–75 (in Russ.).

Автор:

Андрей Владимирович Кащеев – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский.

Author:

Andrei V. Kashcheyeu, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
kascheevav@rambler.ru

лично-аугсбургские и мусульманские священно- и церковнослужители. На комплектование, управление и деятельность военного духовенства непосредственное влияние оказывала конфессиональная принадлежность. В большинстве научных работ по истории военного духовенства рассматриваются только православные военные священно- и церковнослужители, которые имели не только численное превосходство, но и обладали отдельным управлением, главой которого был протопресвитер военного и морского духовенства. Проблемное поле истории военного мусульманского духовенства активно разрабатывалась с начала XXI в. Однако истории военных капелланов и пасторов уделяется недостаточное внимание, что отчасти объясняется узостью историографической и источниковой базы. Особый интерес представляют военные пасторы, информация о которых фрагментарна и разрознена.

Цель настоящего исследования – определить влияние командования военных округов и действующей армии на деятельность военных пасторов в годы Первой мировой войны, объект – военные пасторы военных округов и действующей армии Российской империи, предмет – организация их деятельности в отмеченный период.

Обращаясь к источникам, изучающим историю военных пасторов Российской империи в годы Первой мировой войны, необходимо отметить законодательные документы, материалы делопроизводства и периодической печати.

К законодательным документам относится Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных, включенный в Свод законов Российской империи¹.

Среди использованных материалов делопроизводства можно выделить информационные документы, официальную переписку, отчетные документы, документы по личному составу и материалы военного делопроизводства. В качестве информационных документов выступали уведомления Министерства внутренних дел (далее – МВД) Российской империи. Они касались назначения священно- и церковнослужителей военными пасторами в вооруженные силы либо полевыми пасторами на случай мобилизации, которые направлялись

в Главный штаб или Главное управление Генерального штаба. Официальная переписка содержит документы МВД, военного министерства и консисторий различного уровня по вопросам комплектования личного состава военных пасторов и организации их деятельности. Результаты работы представлены в виде отчетов военных пасторов в консистории о проделанной работе, о личном составе свидетельствуют наградные листы. Особую группу представляют материалы военного делопроизводства, которыми регламентировалась численность военных пасторов в вооруженных силах и действующей армии, сюда входили Высочайше утвержденные решения Военного совета² и Положения о полевом управлении войск в военное время³.

Материалы периодической печати представлены справочными периодическими изданиями: памятные книжки (адрес-календарями, календарями) тех губерний и регионов Российской империи, в которых действовали военные пасторы. Такими материалами были памятные книжки за различные годы Варшавской⁴, Лифляндской⁵, Санкт-Петербургской губерний⁶ и Кавказские календари⁷. При работе с данными источниками необходимо учитывать тот факт, что информация в них печаталась за предыдущий год от года издания, т. е. информация на 1915 г. отражала положение дел в 1914 г.

При написании настоящей статьи применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы. Среди последних особое внимание уделялось историко-генетическому, историко-сравнительному и историко-системному методам.

Историко-генетический метод широко применялся при рассмотрении особенностей организации деятельности пасторов военных округов и действующей армии Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. Определить специфику положения военных пасторов в этот период по сравнению с иными историческими периодами позволил историко-сравнительный метод. При анализе взаимодействия различных систем управления военными пасторами Российской империи использовался историко-системный метод.

Анализируя историографию военных пасторов, необходимо отметить тот факт, что существуют три основные тематические группы работ. К первой

¹Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1.

²Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Собр. 3. Т. 7, ч. 1.

³Положение о полевом управлении войсками в военное время. Петроград, 1914.

⁴Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894; Памятная книжка Варшавской губернии на 1899 г. Варшава, 1899; Памятная книжка Варшавской губернии на 1911 г. Варшава, 1911.

⁵Памятная книжка Лифляндской губернии на 1913 г. Рига, 1913; Памятная книжка Лифляндской губернии на 1914 г. Рига, 1914; Памятная книжка Лифляндской губернии на 1915 г. Юрьев, 1915.

⁶Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1914–1915 гг. СПб., 1914.

⁷Кавказский календарь на 1906 г. Тифлис, 1906; Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912; Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913; Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914; Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.

относятся исследования, в которых военные пасторы рассматриваются в рамках военного духовенства Российской империи. К таким можно отнести исследования В. М. Коткова, К. Г. Капкова, Н. П. Карцевой [1–3] и др. В русскоязычной историографии попытку создать целостное исследование истории военного духовенства впервые предпринял В. М. Котков. В своей работе он не только рассмотрел православное военное, но и так называемое «иноверческое» духовенство в армии. Однако следует отметить, что этому духовенству уделена только одна глава, которая не затрагивает тему военных пасторов [1, с. 166–180] и не рассматривает период Первой мировой войны. В исследованиях К. Г. Капкова феномен военных пасторов анализируется в рамках духовенства иных исповеданий. Автор опирается на значительный архивный материал, рассматривает штаты и материальное обеспечение пасторов накануне Первой мировой войны, отмечает деятельность в годы военных действий пастора при канцелярии главного начальника снабжений Юго-Западного фронта Я. Треймана [2, с. 530]. Однако ни появление Я. Треймана в армии, ни причины отсутствия информации о других пасторах в работе не рассматриваются. В статье Н. П. Карцевой названный пастор упоминается при указании на ограничения его деятельности со стороны военного командования [3, с. 145].

Вторую группу представляют работы, посвященные Евангелическо-лютеранской церкви и ее пасторам в Российской империи в XX в. В этих исследованиях рассматривается политика царского правительства по отношению к лютеранской церкви и ее служителям, в том числе и военным пасторам. Признанным российским специалистом в этом направлении является О. А. Лиценбергер¹. Часть работ этой группы рассматривает Положение пасторов в годы Первой мировой войны. Одной из таких работ является труд Г. Н. Алишиной [4]. Особое внимание целесообразно уделить исследованию немецкого историка Э. Амбургера, который в 1998 г. издал биографический словарь «Пасторы евангелическо-лютеранской церкви в России: с конца XVI в. до 1938 г.» [5]. Этот труд содержит фрагментарную информацию о большинстве военных пасторов Российской империи. Так, в статье о пасторе О. Гайлите имеются данные о его довоенной и послевоенной жизни и деятельности, в частности, о занимаемой им должности министра образования Латвийской республики в 1923 г., однако о деятельности на посту военного пастора Кавказского военного округа упоминания отсутствуют [5, S. 320–321].

Третью группу составляют исследования о немцах и лютеранах в Российской империи и Советском государстве. Данная проблема активно разрабатывалась немецкими историками. Интерес представляет коллективная монография «Немцы в России и в Советском Союзе в 1914–1941 гг.» [6]. В одной из глав работы рассматривается политика царского правительства по отношению к немцам и немецким пасторам в годы Первой мировой войны. В частности, анализируются репрессии по отношению к А. Рейншусселю – военному пастору Варшавского военного округа, а в годы войны – пастора армий Северо-Западного фронта [6, S. 123]. Во введении исследования В. Кале «История евангелическо-лютеранских верующих в Советском Союзе: 1917–1938 гг.», характеризуя политику по отношению к евангелическо-лютеранским верующим в годы Первой мировой войны, автор рассматривает и события, связанные с А. Рейншусселем [7, S. 4–5].

Накануне Первой мировой войны в Российской империи существовало только 5 должностей военных пасторов, включенных в штат Виленского, Варшавского, Санкт-Петербургского и Кавказского военных округов. Военное министерство в 1896 г. провело оптимизацию численности военного духовенства неправославных конфессий, по итогам которой численность военных пасторов и военных капелланов была уменьшена, а должности военных мулл ликвидированы. В ходе оптимизации был выработан алгоритм взаимодействия военного министерства и органов управления евангелическо-лютеранской и евангелическо-аугсбургской церквей посредством Главного штаба МВД и через Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ). При появлении вакансии в военном округе командование направляло запрос в Главный штаб о замещении должности, к запросу могли прилагаться и данные кандидата. После получения запроса Главный штаб перенаправлял его в ДДДИИ. В случае наличия кандидата, поддерживаемого военным командованием, ДДДИИ проверял его на дискредитирующие обстоятельства (чаще всего политическую благонадежность). При условии их отсутствия кандидат назначался на должность военного пастора, в противном случае его кандидатура отвергалась. Когда поступал запрос на замещение вакантной должности, ДДДИИ, в свою очередь, делал запрос в Евангелическо-лютеранскую Генеральную консисторию (далее – Генеральная консистория) или Варшавскую евангелическо-аугсбургскую консисторию (далее – Варшавская консистория)². Эти консистории должны были предлагать на вакантные должности кандидатов, назначение которых зави-

¹Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом : автореф. дис. ... д-ра. наук. : 07.00.02 / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2005.

²Рос. гос. истор. арх. (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 3212. Л. 43–43 об.

село от возникающих у ДДДИИ вопросов. Большое влияние на комплектование личного состава военных пасторов оказывала организация деятельности лютеранских церквей Российской империи. Так, на всех уровнях управления присутствовал и оказывал существенное влияние светский элемент. Во главе консисторий стояли светские президенты, а представители духовенства являлись вице-президентами. В составе Евангелическо-лютеранской церкви Российской империи существовало пять консисториальных округов: Санкт-Петербургский, Московский, Лифляндский, Курляндский и Эстляндский. Во главе каждого округа стояла своя консистория, которая копировала структуру Генеральной консистории. Промежуточным звеном между приходами и консисториями были пробства, выполнявшие схожие с православными благочиниями или католическими деканатами функции. Во главе прихода находились приходские пасторы, для которых обязательными условиями было наличие высшего теологического образования (чаще всего его получали в Юрьевском университете), возраст не менее 25 лет и разрешение консистории на проповедническую деятельность¹. Лютеранские приходы обладали различным правовым статусом, который фиксировался в Уставе Евангелическо-лютеранской церкви.

Военные пасторы представляли две религиозные организации Российской империи – Евангелическо-лютеранскую и Евангелическо-аугсбургскую церкви. Канонически они были практически идентичны, однако деятельность последней не регламентировалась общеимперским законодательством, Евангелическо-аугсбургская церковь имела отдельное управление, а приходы располагались на территории губерний Царства Польского, фактически – Варшавского военного округа. Этот округ был единственным, в котором предполагалось два военных пастора, представлявших Евангелическо-аугсбургскую церковь (впервые должности евангелическо-аугсбургских проповедников были введены в Варшавском военном округе в 1887 г.²).

Должности военных пасторов Варшавского военного округа с 1896 г. стали занимать А. Рейншюссель и А. Пайзерт³, последнего позднее сменил Ф. Пальза. Пасторы не имели отдельных приходов, были включены в состав канцелярии штаба округа и должны были бесплатно исполнять духовные требы для всех военнослужащих их конфессии. После смерти в 1913 г. Ф. Пальзы его должность, вероятно, оставалась вакантной, и в округе служил только пастор А. Рейншюссель. В Виленском военном округе с 1907 г. военным пастором был Ф. Шмидхен, прикомандированный к управлению Рижского

воинского начальника. Пастор Ф. Шмидхен, по исследованию Э. Амбургера, занимал свою должность до 1909 г. [5, S. 461], однако в памятных книжках Лифляндской губернии за 1910–1915 гг. пастор числится в том же управлении, из чего можно предположить, что к началу войны он продолжал служить военным пастором округа. В Санкт-Петербургском военном округе с 1896 г. военным пастором был И. Сандерс (с 1885 г. состоял дивизионным пастором) [5, S. 455–456], который, помимо прочего, являлся настоятелем лютеранской церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге. В Кавказском военном округе по данным Кавказского календаря после смерти в 1913 г. П. Пипкайлеса (занимал эту должность с 1905 г.) должность военного пастора до 1914 г. оставалась вакантной. Однако в соответствии с наградным листом эту должность с 6 сентября 1913 г. занимал О. Гайлит⁴.

Для обеспечения духовных нужд военнослужащих в военное время Главным управлением Генерального штаба (далее – ГУГШ) в мобилизационные расписания включались представители духовенства. В последнее предвоенное расписание 1910 г., помимо православного и католического духовенства, были включены евангелическо-лютеранские и евангелическо-аугсбургские приходские пасторы, которые в источниках именуются полевыми. Полевые пасторы до мобилизации должны были оставаться в своих приходах, а после ее объявления – явиться в мобилизационные пункты и поступить на военную службу. Полевых пасторов предполагалось назначить в 10 военных округах: Варшавском, Виленском, Иркутском, Кавказском, Киевском, Московском, Одесском, Приамурском, Санкт-Петербургском и Туркестанском. Процесс назначения растянулся на три года, последние полевые пасторы были утверждены только в 1913 г. Причиной послужило то, что на эту должность не назначались по привычному алгоритму, вместо этого кандидатуры желающих предлагались на рассмотрение ДДДИИ и ГУГШ, а после согласования соискатели утверждались консисториями. Кандидатов на назначение во все предписываемые им военные округа (Виленский, Московский, Кавказский, Туркестанский, Иркутский и Приамурский) в 1910 г. представили только Лифляндская и Московская евангелическо-лютеранские консистории. Были предложены гродненский пастор А. Пламт, саратовский пастор Бенинг, московский пастор Зигфрид, пастор Пипкайлес, пастор-адъюнкт в Омске Гранэ и харьковский пастор Крамер⁵. Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская консистория, ссылаясь на недостаток лютеранских

¹Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1. С. 55.

²Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Собр. 3. Т. 7, ч. 1. С. 400.

³Памятная книжка Варшавской губернии на 1894 г. Варшава, 1894. С. 177.

⁴РГИА. Ф. 821. Оп. 12. д. 211. Л. 225–226.

⁵РГИА. Ф. 828. Оп. 9. Д. 46. Л. 10–11.

пасторов, предложила в полевые пасторы только И. Сандерса. В доступных нам источниках не встречаются упоминания об утверждении указанных лиц полевыми пасторами. Пасторы И. Сандерс и Пипкайлес однозначно не подходили, так как были военными пасторами¹. Департамент духовных дел иностранных исповеданий в 1912 г. вновь поднял вопрос о назначении полевых пасторов, на этот раз в Варшавский, Санкт-Петербургский, Киевский и Одесский военные округа. Из Генеральной консистории, с которой напрямую взаимодействовал ДДДИИ, поступил ответ, что в Варшавском военном округе вопрос подбора и утверждения полевого пастора должна рассматривать Варшавская консистория, так как она контролирует большинство местных приходов. Последняя, в свою очередь, предложила в качестве полевого пастора викария при Калишском суперинтенданте Г. Тыща². По вопросам замещения назначения полевых пасторов в других округах Генеральная консистория связалась с Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консисторией, которая предложила назначить полевыми пасторами в Санкт-Петербургском военном округе пастора-викария прихода Тешково Санкт-Петербургской губернии Я. Треймана, в Киевском – пастора-викария прихода Радомысль Киевской губернии Е. Берга, а в Одесском – пастора-викария Бергдорфского прихода Херсонеской губернии О. Зейба³. Полученная информация была передана в ДДДИИ Генеральной консисторией, в итоге все кандидаты, предложенные Варшавской и Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консисториями, были утверждены. Мобилизационное расписание 1910 г. разрабатывалось для положения о полевом управлении войск в военное время 1890 г., однако за два дня до объявления мобилизации в 1914 г. было принято новое положение, в соответствии с которым в действующей армии предполагалось присутствие лютеранских пасторов, обязанных действовать при канцеляриях главных начальников снабжений армий фронтов⁴.

С началом Первой мировой войны действующая армия Российской империи была представлена двумя общевойсковыми оперативно-стратегическими объединениями – Северо-Западным и Юго-Западным фронтами. После вступления в войну осенью 1914 г. Османской империи была образована Кавказская армия. Вопросы по личному составу действующей армии контролировало управление дежурного генерала Ставки Верховного главнокомандующего, а на фронтовом уровне – управления дежурных генералов штабов главнокомандующих

армий фронтов. Однако непосредственный подбор пасторов осуществлял мобилизационный отдел ГУГШ и ДДДИИ. Сложность в исследовании комплектования действующей армии лютеранскими пасторами заключается в отсутствии историографии по данной теме и узости источниковой базы. Анализ дел, содержащихся в Российском государственном историческом архиве, показал, что в период с 1946 по 1951 г. пропало дело, которое, по-видимому, содержало уникальный материал.

Логичным является предположение о том, что роль военных пасторов действующей армии могли исполнять полевые пасторы. В сообщении Главного штаба в ДДДИИ № 71621 от 26 сентября 1914 г. указывается, что для исполнения духовных треб армий фронта в канцелярию главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта назначены ксендз Г. Зволинский, пастор гофнунгстальского прихода Винклер и мулла Алимов. Следует отметить, что Г. Зволинский являлся полевым ксендзом, а Алимов – военным муллой Киевского военного округа, в связи с этим согласование их назначения проходило по упрощенной форме⁵. О согласовании назначения пастора Винклера информации нет. Наградной лист Я. Треймана указывает, что 23 октября 1914 г. он был назначен военным пастором армий Юго-Западного фронта. В работе Э. Амбургера Я. Трейман упоминается в качестве пастора армий Северо-Западного фронта [5, S. 497], однако эту должность занял военный пастор Варшавского военного округа А. Рейншюссель, призванный в действующую армию, по нашему предположению, согласно распоряжению командования округа, как это было с военным ксендзом Виленского военного округа А. Буржинским. Подтверждение этому – тот факт, что Варшавский военный округ расформировывался, а его командующий возглавил Северо-Западный фронт. В прямом подчинении у начальников канцелярий главных начальников снабжений армий фронтов находились Я. Трейман и А. Рейншюссель. Как указывалось выше, документальных свидетельств о расширении штата военных пасторов действующей армии достаточно мало, то же касается и военных капелланов действующей армии, которые осенью 1914 – весной 1915 г. появились в каждой армии.

Анализ наградных листов позволил собрать информацию о награждении 8 августа 1915 г. командующим IV армией орденом Анны II степени пастора Э. Лунделя⁶. Личность этого священнослужителя интересна тем, что он с 1902 г. являлся пастором Нюландской губернской тюрьмы и войск

¹Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 624.

²РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 25.

³РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 41.

⁴Положение о полевом управлении войсками в военное время. Петроград, 1914. С. 24.

⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1062. Л. 65.

⁶РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 204. Л. 80.

армии и флота, расположенных на территории Финляндии. По всей видимости, такая должность свидетельствовала об участии Э. Лунделя в удовлетворении духовных нужд военнослужащих и моряков за плату в мирное время, так как тюрьмы и их штатный персонал находились в подчинении министерства юстиции.

В статье Н. П. Карцевой отмечается, что командование действующей армии с особым вниманием относилось к допуску в воинские формирования лютеранских пасторов. Так, при штабе VIII армии командованием было решено вовсе не назначать военного пастора [3, с. 145]. Этот пример мог быть не единичным. Все военные и полевые пасторы в мирное время, а часть из них и в годы войны, стали пасторами действующей армии, испытывали на себе последствия борьбы с «немецким засильем» в Российской империи, поскольку эта политика была направлена против как евангелическо-лютеранского и евангелическо-аугсбургского духовенства, так и подданных-лютеран Российской империи, неотъемлемой частью которых стали полевые пасторы. Так, осенью 1914 г. из частей и подразделений фронтов и прифронтовых округов в Кавказскую армию начали высылать военнослужащих-лютеран. Призыв немцев-новобранцев также осуществлялся только в Кавказскую армию и ее тыловые части. По различным обвинениям из прифронтовой зоны высылались и лютеранские приходские проповедники. Среди них оказался числившийся полевым пастором Виленского военного округа А. Платт, который в 1914–1917 гг. находился на Урале [5, с. 436]. Как отмечает Г. Н. Алишина, за годы войны под репрессии попали 84 пастора, из них 30 были сосланы в Сибирь [4, с. 155].

В действующей армии в 1915 г. под репрессии попал А. Рейншюссель. По доносу он был обвинен в измене и приговорен к 15 годам ссылки. Не сыграли в его пользу ни более чем двадцатилетнее служение военным пастором, ни награды, полученные в том числе и за участие в российско-японской войне 1904–1905 гг. [6, с. 123]. Однако Я. Трейман под репрессии не попал, что отчасти объясняется его эстонским происхождением. Деятельность Я. Треймана ограничивалась военным командованием отдельных частей и подразделений фронта, которое не допускало его на передовые позиции. В свою очередь командование фронта требовало не чинить препятствий пастору. За годы войны Я. Трейман несколько раз получал ордена за службу.

Из военных пасторов в годы войны службу продолжил И. Сандерс [5, с. 455–456]. О военном па-

сторе Виленского военного округа данных нет, при этом отсутствие имени пастора в памятной книге Лифляндской губернии за 1916 г. не свидетельствует о его смерти. Имеется информация о том, что Ф. Шмидхен умер в 1918 г. [5, с. 461]. Возможно, он, как и А. Буржинский, был назначен в штаб I армии, образованной на основе Виленского военного округа. Особый интерес представляет деятельность военного пастора Кавказского военного округа. Точные данные о том, когда он был назначен и как долго действовал, отсутствуют. Так, в Кавказском календаре должность военного пастора округа указывается вакантной в изданиях на 1914, 1915 и 1917 гг.¹ В издании на 1916 г. военным пастором указывается О. Гайлит.² Однако как отмечалось выше, в его наградном листе указаны другие данные. Существует вероятность того, что издатели Кавказского календаря допустили ошибку, поскольку первоначально военный пастор Кавказского военного округа размещался в Тифлисе, в то время как О. Гайлит находился во Владикавказе.

Фонд 828 РГИА содержит переписку Оттона Гайлита с Московской евангелическо-лютеранской консисторией³. В переписке он отчитывался за 1915 г., указав, что впервые был допущен в войска Кавказского военного округа только летом 1914 г. В начале Первой мировой войны разрешение О. Гайлита на посещение войск было аннулировано, и пастор был вынужден выехать в Новороссийск. Последующие обращения в штаб округа с просьбой разрешить посетить части округа и фронта оставались без удовлетворения, а в конце июня 1915 г. из штаба пришел ответ, что до завершения войны такое разрешение выдано не будет⁴.

Таким образом, накануне и в годы Первой мировой войны в Российской империи военные пасторы представляли только Евангелическо-лютеранскую и Евангелическо-аугсбургскую церкви. В военных округах и действующей армии военные священнослужители этих конфессий находились под контролем и своих духовных правлений, и военного командования. При этом последнее обладало широкими возможностями в определении штатного количества военных пасторов, их комплектовании и организации деятельности. Во время войны военные пасторы военных округов и действующей армии испытывали на себе влияние политики царского правительства в отношении подданных-лютеран, особенно немецкого происхождения. В связи с этим деятельность военных пасторов проходила в условиях различных

¹Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. С. 666; Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. С. 608; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 608.

²Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915. С. 602.

³РГИА. Ф. 828. Оп. 11–1915. Д. 279.

⁴РГИА. Ф. 828. Оп. 11–1915. Д. 279. Л. 2.

ограничений, изъятий, запретов, а в крайних случаях и репрессии со стороны военного командования. Поскольку не представляется возможным определить точную численность военных пасторов в годы Первой мировой войны, остается открытым вопрос о степени этих ограничений.

Библиографические ссылки

1. Котков В. М., Коткова Ю. В. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб., 2005.
2. Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008.
3. Карцева Н. П. Военное духовенство в национальных формированиях русской армии в 1914–1917 годах // Вестник Перм. ун-та. Сер.: История. 2014. № 3 (26). С. 143–148.
4. Алишина Г. Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник археолог., антрополог. и этнограф. 2015. № 4 (31). С. 151–156.
5. Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Ein biographisches Lexikon. Lüneburg, 1998.
6. Eisfeld A., Herdt V., Meissner B. Deutsche in Russland und in der Sowjetunion, 1914–1941. Berlin, 2007.
7. Kahle W. Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974.

References

1. Kotkov V. M., Kotkova Ju. V. [Military clergy in Russia. Pages of history]. Saint Petersburg, 2005 (in Russ.).
2. Kapkov K. G. [Memorial book the Russian military and sea clergy of the XIX – early XX centuries. Reference materials]. Moscow, 2008 (in Russ.).
3. Kartseva N. P. [Military clergy in ethnic formations of the Russian army, 1914–1917]. *Vestnik Perm. univ. Ser.: Istoriya*. 2014. No. 3 (26). P. 143–148 (in Russ.).
4. Alishina G. N. [Evangelical-Lutheran Church and the Lutheran pastors of Russian Empire during the First world war]. *Vestnik arheol., antropol. i etnografii*. 2015. No. 4 (31). P. 151–156 (in Russ.).
5. Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937 [The pastors of the evangelical churches of Russia from the end of the 16th century to 1937]. Lüneburg, 1998 (in Germ.).
6. Eisfeld A., Herdt V., Meissner B. Deutsche in Russland und in der Sowjetunion, 1914–1941 [German in Russia and in the Soviet Union, 1914–1941]. Berlin, 2007 (in Germ.).
7. Kahle W. Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938 [History of the Evangelical-Lutheran communities in the Soviet Union, 1917–1938]. Leiden, 1974 (in Germ.).

Статья поступила в редколлегию 05.04.2017.
Received by editorial board 05.04.2017.

СУДЬБА АВСТРИИ И ЮГОСЛАВСКИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ К НЕЙ: ПОЗИЦИЯ СССР В МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (июнь 1941 – май 1945 г.)

А. П. САЛЬКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье показано развитие словенско-австрийского национально-территориального конфликта в Южной Каринтии и словенских пограничных районах Штирии в период советско-германской войны 1941–1945 гг. В рамках советских внешнеполитических приоритетов и межсоюзнических отношений освещается позиция СССР относительно событий в регионе. Показан характер и аргументация югославских территориальных претензий к Австрии, промежуточные итоги конфликта.

Ключевые слова: югославо-австрийская граница; Южная Каринтия; словенские пограничные районы Штирии; австрийский вопрос.

Благодарность. Статья выполнена при финансовой поддержке и в рамках подзадания 1.1.05.4 «Национально-территориальные конфликты в Центральной и Юго-Восточной Европе (начало XX – начало XXI вв.)» задания 1.1.05 «Всеобщая история. Беларусь и мир: международные отношения, дипломатия, диаспора» подпрограммы «История и культура» госбюджетной Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.

THE FATE OF AUSTRIA AND THE YUGOSLAV TERRITORIAL CLAIMS TO IT: THE POSITION OF THE USSR IN INTER-ALLIED RELATIONS (June 1941 – May 1945)

A. P. SALKOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article shows the development of the Slovenian-Austrian national-territorial conflict in South Carinthia and the Slovenian border areas of Styria during the Soviet-German war of 1941–1945. The position of the USSR on the events in the region is covered in the framework of Soviet foreign policy priorities and inter-allied relations. The nature and reasoning of the Yugoslav territorial claims to Austria, intermediate results of the conflict are shown.

Key words: Yugoslav-Austrian border; South Carinthia; Slovenian border areas of Styria; Austrian issue.

Acknowledgement. The article was implemented with the financial support and within the framework of the sub-project 1.1.05.4 «National-territorial conflicts in Central and South-Eastern Europe (early XX – early XXI century)» of task 1.1.05 «General History. Belarus and the World: International Relations, Diplomacy, Diaspora» subprogram «History and Culture» of the State Budget Research Program «Economics and Humanitarian Development of the Belarusian Society» for 2016–2020.

Образец цитирования:

Сальков А. П. Судьба Австрии и югославские территориальные претензии к ней: позиция СССР в межсоюзнических отношениях (июнь 1941 – май 1945 г.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 76–86.

For citation:

Salkov A. P. The fate of Austria and the Yugoslav territorial claims to it: the position of the USSR in inter-allied relations (June 1941 – May 1945). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 76–86 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Петрович Сальков – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета.

Author:

Anatol P. Salkov, PhD (history), docent; head of the department of Southern and Western Slaw's history, faculty of history.
anatsalkov@mail.ru

Введение

Болезненная проблема национальных территорий и границ, острейшим образом стоявшая перед мировым сообществом в период международно-правового урегулирования по итогам двух мировых войн XX в., сохраняет высокую научную актуальность, особенно касательно истории Центральной и Юго-Восточной Европы. Новую волну общественного интереса к теме вызвал распад постсоциалистических государств с очередной реструктуризацией границ. Это привело к рецидивам национальных травм народов региона и обострению восприятия старых идейно-мифологических комплексов. Научной проблеме словенцев как разделенной нации в межвоенный период посвящено значительное количество документальных публикаций и исследований, чего нельзя сказать о периоде Второй мировой войны и этапе формирования Ялтинско-Потсдамской международно-правовой системы.

Настоящая статья выполнена на документальной основе, использованы материалы более 15 сборников документов. Наиболее информативными и значимыми для раскрытия темы являются четыре издания: подготовленный Министерством иностранных дел (МИД) Российской Федерации и МИД Югославии сборник «Отношения СССР (России) с Югославией. 1941–1945. Документы и материалы» [1]; четырехтомный сборник Историко-документального департамента МИД Российской Федерации и Центра изучения Новейшей истории в Потсдаме «СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики РФ» [2]; два сборника австрийских, российских и американских историков «Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы» [3] и «Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док.» [4].

Определенный интерес представляет публикация в фотокопиях оригиналов архивных документов, касающихся австрийского вопроса, «СССР и Австрия на пути к Государственному договору.

Страницы документальной истории. 1945–1955. Образы и тексты» [5]. Важные документы выявлены в фонде 17 (ЦК ВКП (б)) Российского государственного архива социально-политической истории, а также в фонде 0431/IV (IV сессия СМВД в Москве, 1947 г.) Архива внешней политики РФ.

Значительный объем источников проанализирован с использованием историко-генетического, историко-сравнительного и историко-системного методов. Раскрыть тему позволил синтез общенаучных (объективность и историзм) и специальных исторических методов исследования.

Поднятая проблема затрагивалась в новейших изданиях в жанре краткой истории Австрии и Словении [6; 7; 8], а также в проблемно-тематических монографиях с большим хронологическим диапазоном: двухтомное издание «Новейшая история Словении, 1848–1992» [9] и книга Петера Водопивца «От грамматики Похлина до суверенного государства: Словенская история конца XVIII – конца XX в.» [10]. Самой детальной разработкой по теме стала монография Н. С. Пилько «Словения в годы оккупации. 1941–1945 гг.» [11].

Наибольший интерес историков вызывал период 1945–1955 гг. – от начала оккупации до заключения Государственного договора и ее окончания. Выделяются монографии американской исследовательницы и военного аналитика Одри Кронин «Политика великих держав и борьба вокруг Австрии, 1945–1955» [12], а также австрийского историка Хералда Штурца «Единство и свобода: Договор, нейтралитет и завершение союзнической оккупации Австрии, 1945–1955» [13]. Отдельным сюжетом выступают исследования о положении словенского и немецкого меньшинств в Австрии и Словении, выполненные словенскими историками Душаном Нечаком и Янко Плелерски [14–16]. Общей чертой историографии по теме является недостаточное внимание к избранному в настоящей статье периоду, а также к территориальному аспекту межгосударственных отношений.

Советские и союзнические подходы к определению будущего Австрии и ее послевоенных границ (июнь 1941 – март 1945 г.)

Настоящая проблема имела сложную предысторию. Распад Австро-Венгрии в последние дни Первой мировой войны привел к образованию Государства словенцев, хорватов и сербов (ГСХС, 20 октября – 1 декабря 1918 г.) и республики Германская Австрия. В начале ноября 1918 г. между ними возникла война за северную словенскую границу. После вхождения ГСХС в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев конфликт приобрел югославо-австрийский характер. По условиям Сен-Жерменского мирного договора с Австрией 10 сентября 1919 г. и плебисцита в Каринтии 10 ок-

тября 1920 г. была установлена граница, оставившая по обе стороны национальные меньшинства. Вплоть до конца 1940-х гг. Югославия стремилась к ревизии границы (подробнее см. [17]). В межвоенный период между Австрией и Югославией не было серьезных разногласий. Советско-австрийские дипломатические отношения были установлены в феврале 1924 г., а советско-югославские (ввиду враждебной позиции Белграда) – только в июне 1940 г. Каринтийская проблема не являлась для СССР приоритетной. После аншлюса Австрии в марте 1938 г. и нападения Германии на Югосла-

вию в апреле 1941 г. проблема и вовсе была предана забвению (подробнее см. [18]).

С началом советско-германской войны в СССР вырабатывалась собственная позиция относительно будущего Австрии. Одним из первых ее публичных проявлений стало двусмысленное высказывание председателя Совнаркома СССР (с мая 1941 по март 1946 г.) И. В. Сталина в докладе на заседании Моссовета 6 ноября 1941 г. Речь шла о том, что гитлеровцев можно было с известным основанием считать националистами, пока они «занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п.» [19, док. 271, с. 406]. Напрашивался вывод о том, что Сталин причислял австрийцев к немцам, из чего вытекали непредсказуемые последствия.

Фраза вызвала просьбу руководства английской коммунистической партии разъяснить позицию И. В. Сталина. Это был исключительный случай: советский лидер был вынужден комментировать самого себя. Народный комиссар иностранных дел СССР (с мая 1939 по март 1949 г.) В. М. Молотов 21 ноября телеграфировал в Лондон советскому послу И. М. Майскому: «Сталин думает, что Австрия должна быть отделена от Германии в виде независимого государства» [2, док. 7, с. 118–119; примеч. 10, с. 644]. Эту позицию Сталин повторил 16 декабря 1941 г. на переговорах с министром иностранных дел Великобритании (с декабря 1940 по июль 1945 г.) Энтони Иденом в Москве, предложив наметить общую схему реорганизации европейских границ после войны [2, док. 11, с. 125–126; док. 13, с. 138]. Отсюда очевидна существенная переоценка советской позиции, которая произошла в том числе и благодаря влиянию сгруппировавшихся в Москве членов руководства компартии Австрии.

Еще несформулированная в новых условиях проблема словенско-австрийского разграничения начала проявляться в неожиданных вариациях. В первой половине 1942 г. созрели английские планы по созданию в Центральной Европе блока католических держав в составе Австрии, Словении, Хорватии, Баварии, Венгрии и Словакии. Югославский посланник в Москве (с апреля 1942 по март 1943 г., затем по апрель 1945 г. – посол) Станое Симич сообщил об этом первому заместителю наркома иностранных дел СССР (с сентября 1940 по март 1946 г.) А. Я. Вышинскому на встрече 20 мая, особо заметив, что «Югославия, как целое, в этом проекте отсутствует» [20, док. 181, с. 352]. Симич 16 августа 1942 г. вручил заместителю наркома иностранных дел (в 1939–1946 гг.) С. А. Лозовскому меморандум по проблемам антифашистского движения. В нем упоминалось, что в ряде областей за пределами Сербии, в том числе в Словении, «возникли разногласия среди самих партизан, которые привели их к разделению на сторонников Австрии, Сталина

или Троцкого», что влекло за собой взаимное предательство и даже сотрудничество с оккупационными войсками [21, док. 316, с. 146; примеч. 44, с. 501].

Такое «разделение» партизан предполагало разные подходы к разделу и переделу территорий. Отметим, что дух Л. Д. Троцкого, реального (в отличие от И. В. Сталина) вождя Октябрьского переворота, а также идеолога мировой революции, в то время еще витал в головах кремлевских руководителей и в сознании революционных борцов. С предвоенного времени Сталин был крайне обеспокоен международным влиянием идей Троцкого. Это влияние подтверждалось регулярными сводками из разных источников. Так, в марте 1938 г. советский полномочный представитель в США А. А. Трояновский адресовал Сталину объемное письмо-отчет о деятельности троцкистов в Америке [22, док. 390, с. 544–549]. Началась настоящая охота на Троцкого, которая привела к ряду покушений на революционера и его убийство в Мексике в августе 1940 г.

Советский посол при союзных правительствах в Лондоне (сентябрь 1941 – ноябрь 1943 г.) А. Е. Богомолов 19 июня 1943 г. информировал центр о пятичасовой беседе с Э. Бенешем по итогам длительного визита последнего в США (8 мая – 9 июня 1943 г.). В частности, Бенеш сообщил о планах штатов на послевоенное разделение Германии на 5–6 самостоятельных частей. При этом У. Черчилль предложил выделить южногерманскую федерацию и включить в нее Австрию. Однако Ф. Рузвельт с сомнением отнесся к этой идее и настаивал на полной самостоятельности Австрии [23, док. 267, с. 480].

В июле 1943 г. в Британском Министерстве иностранных дел подготовили Доклад о послевоенном устройстве Юго-Восточной Европы. В центре доклада оказался план решения австрийского вопроса. В то же время в перечне проблем, подлежащих разработке созданной в сентябре 1943 г. Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР (Комиссия Литвинова), просто значилось: «Границы Австрии». В другом документе Комиссии (руководитель – заместитель наркома иностранных дел в 1941–1946 гг. М. М. Литвинов) «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе» от 9 октября 1943 г. уже отмечалось, что Австрия «имеет основание для притязаний на прирезку небольшой части германской территории, а именно районов Пассау и Берхтесгаден». Кроме того, «можно было бы тоже вернуть Австрии отнятый у нее Италией Южный Тироль» [2, док. 55, с. 246; док. 63, с. 303]. О территориальном ущербе для самой Австрии речь не шла.

В Декларации об Австрии, принятой 30 октября 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) в качестве приложения № 6 к секретному протоколу, Австрия рассматривалась

союзниками как «первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии». Навязанное присоединение Австрии к Германии квалифицировалось как «несуществующее и недействительное», из чего следовало восстановление независимой Австрии в ее границах до аншлюса [24, док. 95, с. 328].

Опасаясь, что Красная армия вступит в Австрию первой, США и Великобритания в ходе Каирской конференции (22–26 ноября 1943 г.) обсуждали неопределенные проекты продвижения своих войск через Триест и Любляну. Затем, в период подготовки Южно-французской операции (август – сентябрь 1944 г.), премьер-министр и министр обороны Великобритании (с мая 1940 по июль 1945 г.) Уинстон Черчилль, по сведениям резидентуры НКГБ СССР, пытался внести изменения в планы союзников. Вместе с главнокомандующим английскими войсками в Средиземноморском бассейне генералом Генри Вильсоном Черчилль упорно убеждал президента США (с марта 1933 по апрель 1945 г.) Франклина Рузвельта высадить войска на севере Италии в районе Триеста с целью оказаться в Австрии раньше Красной Армии. На этот случай было заготовлено объявление Вильсона военным генерал-губернатором Австрии и написан текст его обращения к австрийцам от имени всех союзных государств. Однако Рузвельт категорически отказался пойти на изменение согласованных планов. В начале октября Черчилль в личной телеграмме президенту США вновь настаивал на использовании основных сил в Северной Италии. Президент снова отклонил такую возможность, прямо заявив, что «продвижение русских на Балканах и к Австрии окажет в военном плане значительно больший эффект на немцев в Италии, чем все мероприятия союзников на итальянском фронте» [25, док. 2081, с. 483–485]. Той же заботой об установлении влияния в регионе были продиктованы предложения Черчилля о федерировании Австрии, Польши, Чехословакии и Венгрии, сделанные в ходе визита в Москву 9–18 октября 1944 г., а также его планы конца 1944 – начала 1945 г. относительно создания Дунайской конфедерации с центром в Вене.

Комиссией по вопросам перемирия при НКВД СССР (Комиссия Ворошилова) неоднократно рассматривался вопрос о распределении зон оккупации Австрии. Так, 18 апреля 1944 г. высказывалось мнение о том, что советская зона должна по возможности граничить и с Югославией, и с Чехословакией при доступе к ним не только по железной дороге, но и по Дунаю. Комиссия 30 апреля 1944 г. приняла собственные предварительные наброски об отнесении к советской зоне провинций Бургенланда, половины Нижней Австрии и половины Штирии; к английской – половины Нижней Австрии, половины Штирии и половины Каринтии; к американской – Верхней Австрии, Зальцбурга,

Тироля и половины Каринтии. В записке заместителя председателя СНК СССР (с мая 1940 по март 1953 г.) К. Е. Ворошилова И. В. Сталину от 12 июня 1944 г. отмечалось, что в основу разграничения был положен не территориальный признак, а численность населения и размещение промышленности. Советская зона в разработках Комиссии располагала большей частью индустрии и прямыми коммуникациями с Югославией, Чехословакией и Венгрией [2, док. 97, с. 464; док. 98, с. 469; док. 107, с. 488]. Однако все это было лишь началом борьбы за выгодную дислокацию на территории Австрии.

Накануне конференции в Ялте С. А. Лозовский подготовил записку о планах послевоенного устройства Австрии от 23 января 1945 г. План представлял собой ответы на гипотетические вопросы западных союзников по данной проблеме. Он включал предложения о возможности «высказаться принципиально за исправление австрийских границ за счет некоторых районов Германии», за присоединение к Австрии немецкоязычных районов Тироля, против «малейших попыток создания под каким-либо флагом Дунайской федерации, Дунайского государства, экономического блока и т. д.» [3, док. 5, с. 94]. Записка Лозовского не содержала новых инициатив.

Во время Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.) вопрос об австро-югославской и итало-югославской границах 8 февраля на заседании трех министров иностранных дел, инициировал Энтони Иден. Он 10 февраля вручил В. М. Молотову и госсекретарю США (с декабря 1944 по июнь 1945 г.) Эдварду Стеттиниусу британские предложения по этой проблеме, воспроизводившие позицию У. Черчилля о границе в районе Истрии-Триеста, занятую еще в августе 1944 г. на встрече с председателем Национального комитета освобождения Югославии (с ноября 1943 по март 1945 г.) И. Броз Тито. В предложении Идена по австро-югославской границе отмечалось, что хотя югославское правительство «пока и не просило о каком-либо изменении штирийского участка этой границы, предъявило претензии на Клагенфурт и на те части Каринтии, которые ему не удалось получить по плебисциту». В связи с этим допускались меры «для оказания сопротивления усилиям югославов в отстаивании своих претензий» и даже для обеспечения эвакуации югославских партизан, которые «в ходе операций могут значительно углубиться в Каринтию и установить над ней контроль». Иден предлагал договориться о сохранении австро-югославской границы 1937 г. до окончательного территориального урегулирования и о совместных мерах стран по соблюдению этой границы Югославией. Однако проблема не была рассмотрена на конференции, так как инициативы Идена из-за советской позиции не имели шансов быть принятыми. В письме Молотову он сам предложил снять их с обсуждения,

заменяв переговорами по дипломатическим каналам [26, док. 11, с. 134; док. 17 и прил. 5, с. 196, 203; док. 22, с. 255–256]. Тем не менее данные инициативы отразили стремление Лондона воспрепятствовать возможному установлению югославского контроля над сопредельными территориями Австрии и Италии со словенским и хорватским населением. Вопреки этому югославское народно-освободительное движение провозгласило своей задачей воссоединение этих земель с новой Югославией.

В документе аппарата НКВД от 29 марта 1945 г., который был подготовлен для А. Я. Вышинского, содержались предложения о характере контрольного механизма в Австрии, а также высказывалось согласие с британским проектом разделения страны на четыре зоны. Однако по условиям Советского Союза стране должна отводиться не северная, а южная зона, в которую входит целиком Штирия и Каринтия, что полностью меняло бы военно-политическую конфигурацию в регионе. В Москве считалось, что пребывание советских войск в при-

граничных с Югославией и Италией районах Австрии «еще больше укрепит наше влияние в этой части Балканского полуострова и автоматически снимет тот волнующий англичан уже теперь вопрос о территориальных претензиях Югославии к Австрии». Правительство Англии к тому времени уже обозначило тему одобрения Советским Союзом и США всех мер, которые Англия была готова принять против югославов, если последние попытаются вступить на австрийскую территорию. Это также позволяло обеспечить югославам «более реальные шансы получить небольшую зону на юге Австрии, либо, в крайнем случае, принять участие в оккупации Австрии путем размещения в тех же районах небольших символических отрядов югославских войск». Южная зона советской оккупации уменьшила бы возможность английского вмешательства (учитывая английскую интервенцию в Греции) в югославские дела и попросту была самой богатой в экономическом отношении (прилагалась карта-схема промышленного потенциала Австрии) [27, док. 3, с. 605–606].

СССР и югославские претензии на словенские районы Каринтии и Штирии в условиях советского военного присутствия в Австрии (март – май 1945 г.)

В конце войны появилась важная тенденция в развитии территориального вопроса – фактор советского военного присутствия и его влияние на весь спектр настроений в Австрии. Советские войска 30 марта 1945 г. вступили в эту страну. В обращении к жителям Вены командующего войсками 3-го Украинского фронта маршала Ф. И. Толбухина от 6 апреля и Заявлении советского правительства об Австрии от 9 апреля подчеркивалось, что СССР не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории [28, док. 5–6, с. 19–20]. К 13 апреля 1945 г. советские войска полностью овладели Веной. В районе Линца они встретились с англо-американским контингентом, без боя заняв западные районы Каринтии и Нижней Австрии.

Одновременно возник и был активно задействован фактор Карла Реннера. Последний председатель австрийского парламента (1931–1933), член ЦК Социал-демократической партии Австрии, видный деятель II Интернационала и теоретик австромарксизма в начале апреля сам явился в штаб одной из дивизий 3-го Украинского фронта с предложением о сотрудничестве. Об этом Ф. И. Толбухин сообщил И. В. Сталину и в ответ получил распоряжение «оказать доверие» Реннеру [3, док. 12–13, с. 84, 86]. Австрийский политик, в свою очередь, 15 апреля 1945 г. обратился с письмом к Сталину, высказав просьбу «взять нас под Вашу могущественную защиту». Отметив опасность голода и эпидемий, Реннер подчеркнул, что Австрии «угрожает при переговорах с соседями потеря тер-

ритории». На встрече с командованием фронта 19 апреля 1945 г. он просил сформировать особую часть из военнопленных австрийцев в СССР и прислать ее в Австрию для несения охранной службы. Предложение «взять батальон австрийцев, находящийся в подчинении маршала Тито» вызвало замешательство Реннера, осознававшего, что такой батальон «является партизанами». Политик вежливо, но твердо отказался от предложения [3, док. 19, с. 104; док. 21, с. 110, 112].

В советской зоне оккупации 23 апреля 1945 г. без консультаций с союзниками было сформировано Временное правительство Австрии во главе с федеральным канцлером (с апреля по декабрь 1945 г.) К. Реннером. В литературе почти нет упоминаний о том, что в апреле – сентябре 1945 г. Реннер был также министром иностранных дел (заместитель министра – Карл Грубер) и военным министром [3, док. 23, с. 118; док. 49, с. 230]. После этих событий в ответном послании И. В. Сталина канцлеру от 12 мая было заявлено: забота Реннера о независимости и целостности государства «является также моей заботой» [25, док. 11, с. 26]. Советский Союз был связан многочисленными официальными заявлениями своих лидеров и обязательствами перед союзниками о территориальной целостности Австрии.

Большой интерес советских политорганов вызвала подпольная организация «Движение сопротивления Австрии» (ЦК организации имел шифр «О5»), а также ее программа. А 28 апреля 1945 г. 7-е управление (спецпропаганды) Главного поли-

тического управления Рабоче-Крестьянской Красной армии (ГлавПУРККА) направило докладную записку заведующему Отделом международной информации ЦК ВКП (б) (с декабря 1943 по декабрь 1945 г.) Г. М. Димитрову. В записке содержалось следующее положение программы: Австрия уже была оккупирована к началу войны, «она никогда не объявляла войны и ей никогда война не была объявлена, поэтому она не может считаться ответственной, хотя бы частично, за эту войну». В записке говорилось о том, что в программе «широко трактуется вопрос о границах». Однако это подтверждалось лишь пунктом о согласии Австрии вступить в Дунайскую федерацию и несогласии на «территориальные изменения без санкции населения заинтересованных народов (так в документе. – А. С.)» [3, док. 27, с. 132]. Руководство ГлавПУРККА подготовило свою докладную записку от 5 мая 1945 г. об организации «О5», которая воспринималась тогда в Москве как английская креатура. Записка была направлена начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (в 1940–1947 гг.) Г. Ф. Александрову и содержала безосновательное сообщение: в программе «выдвигается вопрос о расширении границ Австрии» [4, док. 12, с. 66].

В донесении Политуправления 3-го Украинского фронта о настроениях жителей г. Граца от 21 июня 1945 г. были выделены обывательские суждения о будущей границе, а также уверенность в сохранении ее линии до аншлюса. Подчеркивалось, что «всеобщим желанием (оно встречается даже у коммунистов) является присоединение к Австрии Марбурга (нем. Марбург-ан-дер-Драу, словен. Марибор – центр югославской Нижней Штирии. – А. С.) и районов Словении с населением, говорящим по-немецки (югославская часть Штирии, а также каринтийские участки: Дравская и Мислинская долины с Дравоградом и маленькая община Езерско. – А. С.) <...> Распространено мнение, что Австрии нужно передать Шопрон (по версальскому урегулированию город должен был принадлежать Австрии, но после плебисцита в декабре 1921 г. был оставлен в Венгрии. – А. С.) и часть Судетской области. Страх перед включением Граца (словен. Градец, административный центр австрийской земли Штирия. – А. С.) в состав Югославии сейчас совершенно пропал» [4, док. 17, с. 81].

Еще одной сюжетной линией, сформировавшей предпосылки территориальных противоречий, явились, с одной стороны, политика Германии в своих Альпийских и Дунайских рейхсгау, с другой – обстоятельства антифашистской борьбы на северо-западе Югославии и в Словенской Каринтии.

К тому времени в ряде оккупированных стран Европы на сопредельных с Германией территориях (в Лотарингии, Эльзасе, Люксембурге) уже были

созданы особые административные единицы – Области гражданского управления. Вместо военной здесь вводилась немецкая гражданская администрация, планировались полная германизация и последующее присоединение к рейху, данные области считались частью Германии. В немецкой зоне оккупации Словении в апреле 1941 г. были образованы две единицы. Первая – Область гражданского управления Каринтия и Крайна с центром в Фелдесе (словен. Блед), а позже в Клагенфурте. В нее входили северо-западные районы словенской Корюшки и Крайны – Радманнсдорф (словен. Радовлица), Крайнбург (словен. Крань), Штайн (словен. Камник), Майсдорф (словен. Межица), Унтердраубург (словен. Дравоград). В ноябре 1941 г. область была передана в подчинение рейхсгау Каринтия. Вторая – Область гражданского управления Нижняя Штирия с центром в Марбурге, позже в Граце. В нее входили северо-восточные районы словенской Нижней Штирии – Цилли (словен. Целе), Оберрадкерсбург (словен. Горня Радгона), Петтау (словен. Птуй), Трифайл (словен. Трбовле), Ранн (словен. Брежице). В ноябре 1941 г. область была передана в подчинение рейхсгау Штирия. В этих областях сразу начала проводиться жесткая германизация, запрещалось употребление словенского языка, были образованы Каринтийский народный союз и Штирийский отечественный союз. С целью вытравить словенское самосознание в фашистские организации загнали почти все население Нижней Штирии и Верхней Крайны. В апреле 1942 г. был разработан план переселения всех словенцев. Однако официальное присоединение двух областей к рейху так и не состоялось. Народно-освободительное движение было почти полностью подавлено. После выхода в июле 1943 г. Италии из войны Люблянская покраина, созданная в итальянской зоне с правами некоторой автономии, была оккупирована Германией. В этих условиях словенские коллаборационисты тщетно пытались принять немецкий протекторат над объединенной Словенией или создать «рейхсгау Словения» [11, с. 178–179, 222–223]. Берлин, в свою очередь, считал уровень фашизации Штирии и Каринтии достаточно высоким. По сведениям лондонских агентов Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) СССР в октябре 1944 г., в Германии под руководством личного секретаря фюрера и начальника партийной канцелярии НСДАП Мартина Бормана были разработаны планы по организации нацистского подполья для продолжения борьбы после возможного поражения в войне. Основной базой сопротивления была Штирия, второстепенной – Тироль [25, док. 2066, с. 443].

Уже на ранних этапах деятельности народно-освободительного движения определилось не только стремление руководства Коммунистической партии Югославии (КПЮ) к воспроизведению со-

ветского строя, но и тенденция к возврату славянских земель, не вошедших после Версаля в состав Королевства СХС. Более того, в литературе сформулировано мнение о том, что КПЮ стремилась начать построение советской модели именно с предъявления территориальных претензий практически ко всем соседям, основываясь на примере поведения СССР в конце 1930-х гг. Попытки опереться в этом вопросе на Москву вызвали противодействие последней [29, с. 122].

В Словенской Корюшке в июле 1942 г. появились первые комитеты Словенского освободительного фронта. В ноябре сюда была заброшена группа из 11 югославских партизан, которая выросла в батальон. В ряде коминтерновских «Внутренних сообщений» Г. М. Димитрова, адресованных Г. Ф. Александру весной 1943 г., говорилось о бурном народно-освободительном движении в крае, который многими считался германизированным. Подчеркивалось, что словенцы, которые «уже 23 года были оторваны от Югославии», поддерживали партизан¹. Каринтийские партизанские соединения (более 3,5 тыс. чел.) вошли в состав югославской армии. В июне наступление против словенских партизан в Люблянской покраине, предпринятое большими силами итальянцев, потерпело поражение². К концу 1943 г. партизанские отряды Штирии, Южной Каринтии и Зальцкаммергута (историческая область к востоку от Зальцбурга) примкнули к Австрийскому фронту свободы, возникшему осенью 1943 г. под Трофайахом (город в Штирии) [30, док. 160 и примеч. 1, с. 402–403]. Всего с помощью югославских партизан в 1944–1945 гг. было сформировано пять австрийских «батальонов свободы», состоявших в основном из коммунистов. Они действовали в Штирии (в районе г. Леобен и его пригорода Донавиц к северу от Граца) и в Каринтии (в районах г. Коральпе к западу от Граца и г. Гайльталь на стыке австро-итало-югославской границы) [7, с. 380]. Таким образом, население Штирии и Каринтии было единственным, поднявшим открытую вооруженную борьбу с фашизмом не только Австрии, но и в Третьем рейхе.

Глава делегации Югославии Андрия Хебранг, возглавлявший планово-экономический блок в правительстве (с октября 1944 по июнь 1946 г.) и являющийся вторым человеком в исполнительной власти, на встрече с И. В. Сталиным 9 января 1945 г. заявил, что Югославия намерена участвовать в оккупации «отдельных германских районов». Хебранг также подробно описал картину территориальных претензий к Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Италии и Австрии. В отношении последней был поставлен вопрос о присоединении к Югосла-

вии части Корюшской области. Сталин выслушал перечень этих претензий, но почти по всем вопросам, подобным Корюшке и Истрии, озадаченно повторял: «необходимо, чтобы сами эти области требовали своего присоединения к Югославии» [31, док. 37, с. 119, 126–127]. После встречи Хебранг 11 января 1945 г. телеграфировал И. Броз Тито: «По многим политическим вопросам их мнение отличается от нашего. <...> Нужно быть осмотрительными во внешнеполитических вопросах. Надо избегать больших требований к соседним странам, чтобы не вызвать их негативного отношения или столкновения с нами» [1, док. 517, с. 398].

Декларация единого югославского правительства была обнародована 9 марта 1945 г. В письме В. М. Молотова, которое 15 марта было адресовано председателю правительства ФНРЮ (с марта 1945 по январь 1953 г.) И. Броз Тито, вице-премьеру (в 1945–1963 гг.) Э. Карделю и А. Хебрангу, она подвергалась критике и характеризовалась «не вполне удовлетворительной и, пожалуй, даже бледной». В Декларации говорилось: «Наши национальные территории, оставшиеся после Первой мировой войны вне границ нашего государства, [должны быть] <...> присоединены, тем более что общим народно-освободительным восстанием <...> они фактически уже присоединились и определились за демократическую федеративную Югославию». При этом данная задача аргументировалась не только принципом самоопределения и этническим большинством, но и тем, что именно на указанных территориях славянские народы своей вооруженной борьбой «оказали большие услуги общему делу Объединенных наций» [1, док. 555, с. 422; примеч. 1081, с. 605].

Территориальные претензии Югославии изложил и бывший премьер-министр эмигрантского правительства, министр иностранных дел единого югославского правительства (с марта по октябрь 1945 г.) Иван Шубашич на встрече с В. М. Молотовым 6 апреля 1945 г. Они исчерпывались Истрией и граничащими с Югославией районами Австрии и Венгрии. Черчилль, по словам Шубашича, «очень неопределенно» высказывался об этих претензиях и рекомендовал вообще не упоминать об Истрии. Тем не менее Шубашич полагал, что если «в ходе нынешней войны югославские войска займут Истрию, то в этом случае для Югославии будет легче разрешить вопрос об исправлении своих границ с Италией» при строгом соблюдении национальных, этнографических принципов. Шубашич пообещал прислать Молотову меморандум с подробной характеристикой югославских территориальных претензий и географической картой [1, док. 564,

¹Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП (б)). Оп. 125. Д. 159 («Внутреннее сообщение» ИККИ за 1943 г.). Л. 12, 27–28.

²Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП (б)). Оп. 125. Д. 159 («Внутреннее сообщение» ИККИ за 1943 г.). Л. 73–74.

с. 429–430]. Такая позиция содержала своеобразное клише для решения пограничного спора с Австрией, что подтвердили дальнейшие события.

Примечательно, что взгляды, схожие с упомянутыми мнениями И. Броз Тито и И. Шубашича, изложил И. В. Сталин за ужином на даче в д. Кунцево после подписания 11 апреля 1945 г. Договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Югославией. Слова Сталина касались особого характера текущей войны и сводились, по воспоминаниям члена высшего югославского руководства Милована Джиласа, к следующему: «Кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает свою собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия. По-другому и быть не может» [32, с. 131–132].

В дипломатических кругах Великобритании также царили довольно радикальные настроения. Вице-министр иностранных дел Орм Сарджент подготовил меморандум о позиции своей страны в Европейской консультативной комиссии (ЕКК) по вопросу послевоенного устройства Германии, Австрии и Польши от 2 апреля 1945 г. Краткий документ открывался резкой фразой (в изложении советского разведчика): «Хотелось бы знать, не пришло ли в связи с окончанием войны время пересмотреть наше оборонительное, почти примирительное отношение к СССР. <...> Возможно, настало время раскрыть карты <...> по следующим вопросам: 1) Германия и Австрия; 2) советский санитарный кордон». В документе «Обзор современных тенденций во внешней политике Англии» от 6 апреля 1945 г. прямо формулировалось: «Существует опасение, что Австрия также попадает в советскую сферу, хотя все еще имеются надежды помешать этому» [33, док. 2242, с. 347; док. 2246, с. 355].

Зревший геополитический конфликт усугубился, когда части югославской армии заняли районы австрийской Каринтии, которые, по мнению Белграда, должны быть «воссоединены со Словенией». Поскольку правительство Югославии считало, что «территориальные изменения являются незначительными», вопрос квалифицировался как исправление югославо-австрийской границы, которая на линии в 120 км была сопредельна австрийской границы и землям Словенской Каринтии (Корошки)¹. В случае реализации этого требования 70 тыс. югославы оставались бы в Австрии, а 60 тыс. австрийцев оказались в Югославии, тем самым был бы разрешен «мучительный спорный вопрос в Центральной Европе». Особняком стояла проблема Бургенланда, поделенного между Ав-

стрией и Венгрией и имеющего хорватское меньшинство².

Территориальные притязания Югославии были тесно связаны с возможностью ее участия в оккупации Австрии. Соответствующая нота еще 2 апреля 1945 г. была направлена правительствам СССР, Великобритании и США, а 5 апреля – Франции. Ставился вопрос о получении Югославией на территории Австрии особой зоны для осуществления от имени союзников военной оккупации и административных функций. Причем указывался конкретный регион вдоль австро-югославской границы, «включая, в частности, провинцию Корушка, тем более, что в большей части этого региона проживает югославское население». В ответном советском меморандуме от 19 апреля 1945 г., признававшем «большие усилия» югославского народа в разгроме Германии, считалось «полностью оправданным желание Югославии разделить с союзными странами труд в деле оккупации вражеской территории, с которой она граничит». Москва выразила готовность разрешить «ввод Югославской армии в ту зону Австрии, которая будет оккупирована вооруженными силами Советского Союза» [1, док. 579, с. 442; примеч. 1112, с. 611–612].

Это обстоятельство обусловило уверенность И. Броз Тито, как следует из протокола заседания политбюро ЦК КПЮ от 23 апреля 1945 г., что «наши (югославские. – А. С.) части оккупируют часть Австрии». Речь шла о необходимости предусмотреть кандидатуры комендантов районов, городов, командные должности в тылу «для Истрии, Триеста, Корушки и австрийских районов». В меморандуме МИД Югославии посольству СССР от 28 апреля с радостью принималось разрешение на «вход югославской армии» в планируемую советскую зону оккупации Австрии. Югославы даже подробно уточнили географические параметры своего сектора внутри советской зоны, который охватывал «с одним исключением у Айзенерца (город на севере Штирии. – А. С.) часть Австрии, находящуюся в долине рек Драва (с Муром) и Рабо (Раба – правый приток Дуная, протекающий по Штирии. – А. С.)». Отмечалось, что самая южная часть этого сектора «населена и до настоящего времени югославами, а когда-то вся эта зона, как и территория за нею, была населена словенцами и являлась составной частью их государства – Карантании». МИД Югославии просило сообщить общие оккупационные правила, которыми руководствуется Красная армия, чтобы «мы (Югославия. – А. С.) своевременно могли принять все необходимые меры для осуществления оккупации» [1, док. 582–583, с. 443–445]. Однако этим планам и надеждам не суждено было сбыться.

¹Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0431/IV (IV сессия Совета министров иностранных дел в Москве, 1947 г.). Оп. 4. П. 3. Д. 3 (Пленарные заседания IV сессии СМВД, ч. 3). Л. 87, 191–192.

²Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0431/IV (IV сессия Совета министров иностранных дел в Москве, 1947 г.). Оп. 4. П. 3. Д. 3 (Пленарные заседания IV сессии СМВД, ч. 3). Л. 94.

Выводы

Югославо-австрийский национально-территориальный конфликт вокруг Южной Каринтии и словенских районов Штирии после аншлюса Австрии и оккупации Югославии совершенно выпал из перечня советских внешнеполитических интересов. Однако с началом советско-германской войны данный конфликт обрел новый формат в виде проблемы восстановления австрийской государственности и претензий югославского военно-политического руководства на возврат новой Югославии словенских этнических земель, утраченных по каринтийскому плебисциту 1920 г. в пользу Австрии.

После неловкого публичного высказывания И. В. Сталина в ноябре 1941 г. советская позиция была скорректирована. В 1942 г. она сводилась к воссозданию Австрии и отказе от ее интеграции в любые государственные структуры в составе частей Германии или Югославии. Осенью 1943 г. в Москве были сформулированы представления о возможном территориальном приращении для Австрии за счет Германии и Италии, но никаких потерь не предусматривалось. Декларация об Австрии, принятая союзниками 30 октября 1943 г., исходила из необходимости восстановления независимости страны в границах до аншлюса и установления системы контроля над ней через зоны оккупации, границы которых вскоре приобрели особое значение.

Предпосылки территориального конфликта сформировались также политикой фашистской Германии. С одной стороны, на бывших австрийских землях в целях их максимальной денационализации и интеграции в рейх были образованы Альпийские и дунайские рейхсгау. Однако в их южных районах действовали пять австрийских коммунистических «батальонов свободы», сформированных с помощью югославских партизан. Это было единственное место в Третьем рейхе, где население вело открытую вооруженную борьбу с фашизмом. С другой стороны, в немецкой зоне оккупации югославской Словении были созданы две Области гражданского управления – Нижняя Штирия, Каринтия и Крайна, которые в конце 1941 г. были переданы в подчинение двух германских рейхсгау – Штирии и Каринтии. Уровень фашизации здесь по оценкам Берлина был весьма высоким. Это не помешало развитию в регионе освободительного движения, питавшего представления югославских коммунистов о коррекции границы, которую они считали лишь исправлением ее линии.

Советские предварительные наброски, касавшиеся зон оккупации Австрии, весной 1944 г. исходили не из территориально-исторических принципов, а из ресурсно-географических показателей (центры индустрии, численность населения, пря-

мые коммуникации с Югославией). В советскую зону предполагалось включить и районы югославских претензий, что полностью соответствовало ожиданиям титовского руководства. В кулуарах Крымской конференции британская делегация предлагала противодействие югославским устремлениям и сохранение довоенной границы, однако под влиянием советской позиции делегация отозвала это предложение.

В марте 1945 г. НКВД СССР исходил из включения в советскую зону Штирии и Каринтии целиком либо создания небольшой югославской зоны оккупации, или хотя бы символического участия югославов в оккупации в рамках советской зоны, что полностью меняло бы военно-политическую обстановку в регионе. В апреле 1945 г. Белград направил союзникам ноту о предоставлении Югославии собственной зоны вдоль австрийско-югославской границы для военной оккупации и административных функций. Советская сторона согласилась выделить сектор внутри своей оккупационной зоны, хотя ее границы еще не были согласованы с союзниками. Югославы начали организационно-техническую подготовку своей администрации в Словенской Корошке.

Несмотря на то что И. В. Сталин 2 мая 1945 г. в послании президенту США Гарри Трумэну (Ф. Рузвельт умер 12 апреля 1945 г.) предлагал обозначить вместе с англичанами «временную тактическую разграничительную линию», стал очевиден жесткий перехват Москвой инициативы в определении подходов к будущему Австрии. Это вызывало нарастание противоречий с западными союзниками. Их попросту не допускали в Вену, а в ответ они отказались признать правительство К. Реннера.

Обстоятельства последнего военного месяца – с начала апреля до начала мая 1945 г. – привели к возникновению у югославского партийного и военного руководства надежды на скорую и легкую реализацию с советской помощью своих территориальных претензий к Австрии. Для СССР это означало отход от согласованной с союзниками линии на сохранение территориальной целостности Австрии. Тем не менее после капитуляции Германии события вокруг Словенской Каринтии стали развиваться иначе. Мучительное обсуждение проблемы в условиях твердой советской поддержки Югославии проходило в дипломатическом формате Совета министров иностранных дел великих держав (см. [34]). К рубежу 1948 г. проблемой стал разгоравшийся советско-югославский конфликт. Вопрос об объеме и обстоятельствах югославских претензий к Австрии приобрел характер узлового. Лишившись поддержки СССР, Югославия отказалась от требований в Каринтии. Довоенная граница осталась неизменной (см. [35]).

Библиографические ссылки

1. Отношения СССР (России) с Югославией: 1941–1945 гг. : док. и мат. / предс. ред. кол. И. Б. Бухаркин. М., 1998.
2. СССР и германский вопрос. 1941–1949 : док. из архива внешней политики РФ : в 4 т. / сост. Г. П. Кынин, А. М. Филитов, Й. Лауфер. М., 1996–2012. Т. 1 : 22 июня 1941 – 8 мая 1945 г.
3. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955 : док. / под ред. С. Карнер, Б. Штельцль-Маркс, А. Чубарьян. Грац ; Вена ; Мюнхен, 2005.
4. Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. : сб. док. / ред. и сост. Г. Бордюгов, В. Мюллер, Н. Неймарк, А. Суппан. М. ; СПб., 2006.
5. СССР и Австрия на пути к Государственному договору. Страницы документальной истории. 1945–1955. Образы и тексты / сост. А. Ватлин, Б. Котов, А. Сорокин, А. Ширинянц, А. Шутов. М., 2015.
6. *Hösler J.* Slowenien: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Regensburg, 2006.
7. *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007.
8. *Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В.* История Словении. СПб., 2011.
9. *Slovenska novejša zgodovina 1848–1992: dva zvezka / odgovorni urednik. V. Brodnik.* Ljubljana, 2005.
10. *Vodopivec P.* Od Pöhlhlinove slovnice do samostojne države: Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2010.
11. *Пилько Н. С.* Словения в годы оккупации. 1941–1945 гг. СПб. ; М., 2009.
12. *Cronin A. K.* Great power politics and the struggle over Austria, 1945–1955. Ithaca, 1986.
13. *Stourzh G.* Um Einheit und Freiheit. Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955. Wien, 1998.
14. *Nečak D.* Koroški Slovenci v drugi avstrijski republiki (1945–1976). Osnutek za politično zgodovino. Ljubljana, 1985.
15. *Pleterski J.* Avstrija in njeni Slovenci, 1945–1976. Ljubljana, 1998.
16. «Nemci» na Slovenskem 1941–1955: izsledki projekta : zbornik / urednik N. Dušan. Ljubljana, 2002.
17. *Сальков А. П.* Югославо-австрийский конфликт в Южной Каринтии и словенских районах Штирии (ноябрь 1918 г. – октябрь 1920 г.) // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. матер. III Всерос. науч. конф. (Самара, 29 апреля 2016 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2016. С. 182–192.
18. *Сальков А. П.* Региональная проблема Каринтии и Штирии в советских внешнеполитических интересах (октябрь 1920 г. – июнь 1941 г.) // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. матер. IV Всерос. науч. конф. (Самара, 28 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2017. С. 199–210.
19. Документы внешней политики СССР. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV / Е. П. Гусаров (предс. ред. колл.) [и др.]. М., 2000.
20. Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV : в 2 кн. / редкол. В. Г. Титов [и др.]. Тула, 2010. Кн. 1 : 2 января – 30 июня.
21. Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV : в 2 кн. / редкол. В. Г. Титов [и др.]. Тула, 2010. Кн. 2 : 1 июля – 30 декабря.
22. Москва – Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2009. Т. 3 : 1933–1941.
23. Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI : в 2 кн. / редкол. В. Г. Титов (предс.) [и др.]. Майкоп, 2016. Кн. 1 : 2 января – 31 августа.
24. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны : в 6 т. / гл. ред. А. А. Громыко. М., 1979–1984. Т. 1 : Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) : сб. док. 1984.
25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 8 т. М., 1995–2014. Т. 5, кн. 2 : Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.) / авт. сост. В. П. Ямпольский. 2007.
26. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны : в 6 т. / гл. ред. А. А. Громыко. М., 1979–1984. Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) : сб. док.
27. Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945 : док. и мат. / предс. ред. колл. В. А. Золотарев. Т. 14–3 (2) / сост. А. Д. Ефремов. М., 2000.
28. СССР – Австрия, 1938–1979 гг. : док. и мат. / отв. ред. Н. И. Земсков. М., 1980.
29. *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
30. Коминтерн и Вторая мировая война : док. : в 2 ч. / отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян. М., 1994–1998. Ч. 2: после 22 июня 1941 г.
31. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. : в 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко. М. ; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1 : 1944–1948 гг.
32. *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002.
33. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 8 т. М., 1995–2014. Т. 6 : Победа (1 января – 9 мая 1945 г.) / авт. сост. В. П. Ямпольский. 2014.
34. *Сальков А. П.* Югославо-австрийские противоречия в Южной Каринтии в формате советской внутриблоковой политики и международного урегулирования австрийского вопроса (май 1945 – февраль 1948 г.) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь, 2017.
35. *Сальков А. П.* Проблема Словенской Каринтии как фактор советско-югославского конфликта (март 1948 – ноябрь 1949 г.) // Гуманитарно-экономический вестник. 2016. № 3–4.

References

1. Bukharkin I. B. (ed.) [Relations of the USSR (Russia) with Yugoslavia. 1941–1945] : doc. and mat. Moscow, 1998 (in Russ.).
2. Kynin G., Filitov A. M., Laufer J. (eds). Die UdSSR und die deutsche Frage. 1941–1949 : dokumente aus dem Archiv für Außenpolitik der Russischen Föderation: in 4 vol. Moscow, 1996–2012. Vol. 1: 22 Juni 1941 – 8 Mai 1945. 1996 (in Russ.).

3. Karner S., Stelzl-Marx B., Tschubarjan A. (eds). Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955 : dokumente. Graz ; Wien ; München, 2005 (in Russ. and Germ.).
4. Bordugov G., Muller V., Neimark N., Suppan A. (eds) [Soviet policy in Austria. 1945–1955] : collect. of doc. Moscow, 2006 (in Russ.).
5. Vatlin A., Kotov B., Sorokin A., Shirinyants A., Shutov A. (eds). [The USSR and Austria on their way to the State Treaty. Pages of documentary history. 1945–1955. Images and texts]. Moscow, 2015 (in Russ.).
6. Hosler J. Slowenien: von den Anfängen bis zur Gegenwart. Regensburg, 2006 (in Germ.).
7. Votselka K. [History of Austria. Culture, society, politics]. Moscow, 2007 (in Russ.).
8. Kirilina L. A., Pilko N. S., Churkina I. V. [History of Slovenia]. Saint Petersburg, 2011 (in Russ.).
9. Brodnik V. (ed.). Slovenska novejša zgodovina 1848–1992: dva zvezka. Ljubljana, 2005 (in Sloven.).
10. Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države: Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2010 (in Sloven.).
11. Pilko N. S. [Slovenia during the years of occupation]. 1941–1945. Saint Petersburg ; Moscow, 2009 (in Russ.).
12. Cronin A. K. Great power politics and the struggle over Austria, 1945–1955. Ithaca, 1986.
13. Stourzh G. Um Einheit und Freiheit. Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955. Wien, 1998 (in Germ.).
14. Nečak Dušan. Koroški Slovenci v drugi avstrijski republiki (1945–1976). Osnutek za politično zgodovino. Ljubljana, 1985 (in Sloven.).
15. Pleterski J. Avstrija in njeni Slovenci, 1945–1976. Ljubljana, 1998 (in Sloven.).
16. Dušan N. (ed.). «Nemci» na Slovenskem 1941–1955: izsledki projekta : zbornik. Ljubljana, 2002 (in Sloven.).
17. Salkov A. P. [The Yugoslav-Austrian conflict in South Carinthia and the Slovenian regions of Stiria (November 1918 – October 1920)]. *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'* : collect. mat. III All-Russian Sci. Conf. (Samara, April 29, 2016). Samara, 2016. P. 182–192 (in Russ.).
18. Salkov A. P. [Carinthia and Stiria regional problem in Soviet interests of foreign policy (October 1920 – June 1941)] *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'* : collect. mat. IV All-Russian Sci. Conf. (Samara, April 28, 2017). Samara, 2017. P. 199–210 (in Russ.).
19. Gusarov E. P. (ed.). [Documents of the USSR foreign policy. June 22, 1941 – January 1, 1942]. Moscow, 2000. Vol. XXIV (in Russ.).
20. Titov V. G. (ed.). [Documents of the USSR foreign policy. 1942]. Tula, 2010. Vol. XXV : in 2 books. Book 1 : [January 2 – June 30] (in Russ.).
21. Titov V. G. (ed.). [Documents of the USSR foreign policy. 1942]. Tula, 2010. Vol. XXV : in 2 books. Book 2 : [July 1 – December 30] (in Russ.).
22. Sevostyanov G. N. (ed.). [Moscow – Washington: Politics and diplomacy of the Kremlin, 1921–1941] : collect. doc. : in 3 vol. Moscow, 2009. Vol. 3: [1933–1941] (in Russ.).
23. Titov V. G. (ed.). [Documents of the USSR foreign policy. 1943]. Maikop, 2016. Vol. XXVI : in 2 books. Book 1: [January 2 – August 31] (in Russ.).
24. Gromyko A. A. (ed.). [The Soviet Union at the international conference of the Great Patriotic War] : in 6 vol. Moscow, 1979–1984. Vol. 1: [Moscow Conference of Foreign Ministers of the USSR, the United States and Great Britain (October 19–30, 1943)] : collect. doc. (in Russ.).
25. Yampolsky V. P. [The organs of state security of the USSR in the Great Patriotic War] : collect. doc. : in 8 vol. Moscow, 1995–2014. Vol. 5. Book 2 : [The borders of the USSR have been restored (July 1 – December 31, 1944)]. 2007 (in Russ.).
26. Gromyko A. A. (ed.). [The Soviet Union at the international conference of the Great Patriotic War] : in 6 vol. Moscow, 1979–1984. Vol. 4: [The Crimean Conference of the leaders of the three Allied Powers (February 4–11, 1945)] : collect. doc., 1979 (in Russ.).
27. Zolotarev V. A. (ed.). [Russian archive: The Great Patriotic War. The Red Army in the countries of Central, Northern Europe and the Balkans: 1944–1945] : doc. and mat. Vol. 14–3 (2). Moscow, 2000 (in Russ.).
28. Zemskov N. I. (ed.). [USSR – Austria, 1938–1979] : doc. and mat. Moscow, 1980 (in Russ.).
29. Anikeev A. S. [As Tito left Stalin: Yugoslavia, USSR and United States initial period of the «cold war» (1945–1957)]. Moscow, 2002 (in Russ.).
30. Anderson K. M., Tschubarjan A. O. (eds). [The Comintern and the Second World War] : doc. : in 2 parts. Moscow, 1994–1998. Part 2 : [after June 22, 1941]. 1998 (in Russ.).
31. Murashko G. P. (ed.). [Eastern Europe in the documents of Russians archives. 1944–1953] : in 2 vol. Moscow ; Novosibirsk, 1997–1998. Vol. 1 : [1944–1948. 1997] (in Russ.).
32. Milovan D. [Conversations with Stalin]. Moscow, 2002 (in Russ.).
33. Yampolsky V. P. (autor-originator). [The organs of state security of the USSR in the Great Patriotic War] : collect. doc. : in 8 vol. Moscow, 1995–2014. Vol. 6 : The Victory (January 1 – May 9, 1945) (in Russ.).
34. Salkov A. P. [The Yugoslav-Austrian contradictions in South Carinthia in the Soviet intra-bloc policy format and the international settlement of the Austrian question (May 1945 – February 1948)]. *Russian-Austrian almanac: historical and cultural parallels*. Issue VI. Stavropol, 2017 (in Russ.).
35. Salkov A. P. [The problem of Slovenian Carinthia as a factor Soviet-Yugoslav conflict (March 1948 – November 1949)]. *Gumanitarno-ekonomicheskii vestnik*. 2016. No. 3–4 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 04.04.2017.
Received by editorial board 04.04.2017.

УДК 94(47).084.9

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)

О. В. БРИГАДИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предпринята попытка анализа массовых настроений и условий повседневной жизни советского населения в годы перестройки (1985–1991). Предлагается авторская трактовка понятия «массовое сознание», исследуются причинно-следственные связи между ситуацией в стране и динамикой массовых настроений. Обращено внимание на изменение отношения людей к идеям и лозунгам перестройки, проанализированы причины кризиса доверия к власти. Сделан акцент на межнациональных конфликтах, забастовочном движении в отдельных регионах страны, причинах социального расслоения общества, а также на снижении качества жизни населения. На основе конкретных фактов показывается повседневная жизнь населения в течение шести лет перестройки, а также прослеживаются пути приспособления людей к событиям внешнего мира.

Ключевые слова: перестройка; кризис; межнациональные конфликты; тотальный дефицит; распад СССР.

LIVING IN AN ERA OF CHANGE: THE MASS CONSCIOUSNESS AND EVERYDAY PRACTICES OF THE SOVIET POPULATION DURING THE YEARS OF PERESTROIKA (1985–1991)

O. V. BRIGADINA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The author attempts to analyze the mass sentiment and the daily live of the Soviet population in the years of perestroika (1985–1991). The author's interpretation of the concept of «mass consciousness» is suggested, causal relations between the specific situation in the country and the dynamics of mass sentiments are traced. The attention is paid to changing people's attitudes to the ideas and slogans of perestroika, author analyzes the causes of the crisis of confidence in the government. Emphasis is made on international conflicts, the strike movement in some parts of the country, causes of the social stratification of society, reducing of the level and quality of life. On the basis of specific facts, the author sought to fully represent the everyday life of the population during the six years of perestroika, to trace the ways of adapting people to the events of the external world.

Key words: perestroika; crisis; ethnic conflicts; the total deficit; the collapse of the Soviet Union.

Введение

Начальный этап трансформации советского общества, который получил устойчивое название «перестройка», связан с именем М. С. Горбачёва, избранного Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г. Динамика перестроечных процессов прослеживается достаточно четко.

Образец цитирования:

Бригадина О. В. Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 87–93.

For citation:

Brigadina O. V. Living in an era of change: the mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during the years of perestroika (1985–1991). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 87–93 (in Russ.).

Автор:

Ольга Васильевна Бригадина – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Olga V. Brigadina, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history. brigadinaol@mail.ru

Первый этап длился с 1985 по 1986 г. В стране сформировалось осознание перестройки как значимого явления, преимущественно преобладали оптимистические и нейтральные настроения, уверенность в том, что власть контролирует ситуацию. Пытаясь вывести страну из застоя, М. С. Горбачёв начал осуществлять программу экономических и политических преобразований под лозунгом «больше социализма, больше демократии». Однако все попытки за счет скрытых резервов в короткий срок добиться подъема экономики не принесли видимых результатов. Большинство экономических проектов не были осуществлены по причине нерешительности власти в их реализации, сопротивления аппарата, а также в силу глубоко укоренившихся за годы административного управления привычек. В стране нарастала социальная напряженность.

В период с 1987 по 1988 г. темпы экономического роста упали до уровня, который фактически означал наступление стагнации; нарастало финансовое напряжение; мотивация производства была разрушена, что привело к потере стимулов к производительному труду; обнажился кризис смысла жизни; руководство столкнулось с проблемой доверия. На фоне ухудшающейся экономической ситуации закономерной стала потребность в политической реформе общества и создании правового государства. На XIX партконференции, проходившей в 1988 г., был поставлен вопрос об изменении политической

структуры общества, демократизации институтов власти, расширении гласности. Началось перераспределение полномочий. Коммунистическая партия Советского союза (КПСС) перестала играть руководящую роль, а законными представителями власти были признаны Советы и Съезд народных депутатов.

На последнем этапе (1989–1991) в экономической сфере наблюдался разрыв традиционных хозяйственных связей, катастрофический спад производства, падение курса рубля, разрушение централизованной финансовой системы, а также формирование криминально-монопольного рынка. В политической сфере нарастало противоборство множества политических партий и течений, началась война законов РСФСР с регионами, ухудшилось геополитическое положение СССР, ослабилось его внешнеполитическое влияние. На социальную сферу воздействовали расслоение общества, обнищание, обострение межконфессиональных конфликтов. В идеологии наблюдался кризис духовности и коммерциализация науки, образования, культуры и СМИ. Слабость государственной власти, а также центризм и колебания Президента СССР М. С. Горбачёва привели к насильственному отстранению главы государства от власти во время августовского путча 1991 г. Подписанием Беловежских соглашений об образовании СНГ 8 декабря 1991 г. закончилось существование Советского Союза.

Формирование массового сознания в период перестройки

В научной литературе вопрос о содержании понятия «массовое сознание» является дискуссионным. При всем многообразии точек зрения нам представляется наиболее обоснованным вывод о том, что массовое сознание проявляется в большей степени в бурные и динамичные периоды развития общества и является совокупностью различных взглядов, настроений и эмоций, характерных для значительных групп населения, независимо от их социального или экономического положения. Массовое сознание регулирует поведение людей, основывается на их жизненном опыте, культурных традициях и стереотипах. Распад привычной системы ценностей в условиях перестройки стимулировал граждан на поиск путей адаптации к новой социальной реальности. На быденном уровне массовое сознание получило свое выражение в повседневных практиках, определением которых дала американский историк Ш. Фицпатрик: «...пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях» [1, с. 7].

Массовое сознание советских людей оказалось расколотым. Политика перестройки в СССР оценивалась по-разному: от восторженно-оптимистических до резко критических позиций. Бывший

первый секретарь Московского городского комитета КПСС В. В. Гришин в мемуарах «От Хрущева до Горбачёва: политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина» констатировал, что «на шестом году перестройки призывают людей принести новые жертвы <...>, кризисное положение в стране есть результат скоропалительных, непродуманных, легковесных решений и действий последних лет» [2, с. 81]. Многие, признавая необходимость изменений в стране, вместе с тем выражали сомнения в том, что складывавшаяся десятилетиями система социально-политического и экономического управления государством и обществом была обречена и нуждалась в полном уничтожении. «Разваливая СССР, демократы утверждали, что вступление России в общее русло мировой цивилизации <...> автоматически приведет к росту экономики и тем самым повышению уровня и качества жизни всего населения. <...> Реальность оказалась куда как печальнее радужных мифов» [3, с. 6]. Для активной части населения перестройка, даже в качестве «революции сверху», давала надежду на поворот к лучшему. По признанию С. А. Алексиевич, казалось, что «вот она – новая жизнь, сядем в трамвай и окажемся в совершенно новой жизни, а жизнь оказалась совершенно другой» [4, с. 6].

Для объективного анализа массовых настроений в стране интерес представляет так называемый «взгляд со стороны». Публицист из Федеративной Республики Германия Л. Леман, находясь в командировке в СССР, подготовил к изданию книгу «Необходимо, как воздух», в которой рассказал о своих впечатлениях от встреч с обывателями. Он сделал вывод о том, что у «человека с улицы» не чувствуется сопереживания волнующим процессам перестройки <...>, причина тому – верноподданническая психология. Принимать все, как есть, довольствоваться тем, что имеешь. Нет у советских людей еще достаточно условий для развития чувства собственного достоинства, они не привыкли пользоваться гражданскими правами, которые им неотъемлемо принадлежат» [5, с. 76]. Такой вывод иностранного журналиста оспорили своими действиями рабочие шахт. В 1989 г. в стране началась волна забастовок шахтеров Кузбасса, Караганды, Воркуты, Уральского региона. Одна из них в июле 1989 г. повергла руководство страны в шок. По оценке М. С. Горбачёва, «это было самое тяжелое испытание для нас за все четыре года перестройки» [4, с. 79]. Забастовки по-новому осветили роль рабочего движения в стране. Средства массовой информации лишь спустя несколько дней сообщили правду о размахе и силе однодневной забастовки. Только в Кузбассе в волнении приняло участие около 300 тыс. человек, на сутки остановили работу 124 шахты Донбасса и 13 шахт Воркуты. По словам одного из бастующих, «сила – это рабочие. А перестройка – эпоха сильных аргументов» [6, с. 81]. Причины, толкнувшие шахтеров на столь крайние меры, – рост цен, инфляция, отсутствие товаров первой необходимости. У рабочих формировалось убеждение в том, что перестройка дала возможность обогатиться разного рода кооператорам и махинаторам: «люди за заводом наживаются на спекуляции и дефиците миллионные состояния» [6, с. 80]. Среди причин оказались неудовлетворенность условиями труда и высоким уровнем травматизма, а также недоверие шахтеров к административно-управленческому аппарату шахт. Только в Донецкой области после июльской забастовки в 1989 г. шахтеры объявили недоверие 42 директорам шахт и объединений. Отмечалось нежелание официальных профсоюзов отстаивать интересы рабочих, что стало основанием

для создания в 1990–1991 гг. альтернативных независимых объединений шахтеров: конфедерация труда, межрегиональное объединение «Рабочий», координационный совет дальневосточных стачкомов, Союз трудящихся Кузбасса, региональные союзы рабочих, а также многочисленные областные стачечные комитеты. Шахтеры, неудовлетворенные выполнением экономических требований, стали выдвигать политические. В июле 1991 г. Было оглашено требование отставки правительства СССР, национализации имущества КПСС, ликвидации парткомов на предприятиях, изменения Конституции СССР. Забастовочное движение ускорило принятие новых законов о забастовках, профсоюзах, занятости и т. д.

Атмосфера гласности и сложная экономическая ситуация оказывали прямое влияние на характер массовых настроений в стране. Анализ адресованных властям писем, публикаций в прессе, выступлений на митингах свидетельствует о заметных изменениях в настроениях и поведении населения. В общественном сознании формировалась четкая зависимость между успехами перестройки и радикальным отказом от советского прошлого (сталинизма, политики репрессий и т. д.). Важным событием стала публикация 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия» статьи Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», в которой автор критиковала журналистов, призывавших к пересмотру истории КПСС и советского общества. Ответом послужила антисталинская редакционная статья в «Правде» от 5 апреля того же года [7, с. 349]. В связи с выборами народных депутатов на альтернативной основе в 1989 г. проявляется восторженная эйфория, но одновременно с этим и на съездах народных депутатов, и на местном уровне растет количество острых вопросов и дискуссий. Все чаще объектом критики является КПСС, становится заметно скептическое отношение населения к партийным решениям и политике в целом. Социологи отмечали растущее разочарование населения, психологический кризис общества. Если прежде отдельные недостатки объяснялись последствиями войны и империалистическим окружением, то для послевоенного поколения старые аргументы утрачивали силу и рождали новые вопросы. Создавался прецедент «все против власти» [8, с. 718].

Межнациональные конфликты и судьбы людей

Несколько десятилетий официальной пропагандой утверждалось отсутствие национальных проблем в стране. Однако со второй половины 1980-х гг. конфликты проявились с неожиданной остротой и стали решающим фактором в распаде СССР.

Первые признаки нарастающего напряжения между нациями казались случайными. В мае 1986 г. начались конфликты в Якутии. Поводом послу-

жила ссора на катке в Якутске, которая переросла в трехдневную драку между русскими подростками и студентами-якутами местного университета. Так как виновные не были наказаны, перед зданием областного комитета КПСС состоялся митинг протеста. Более 600 человек скандировали такие лозунги, как «Якутия – для якутов», «Долой русских», а также звучали призывы громить здание МВД

и обвинения русских в шовинизме [9, с. 522]. Стихийные конфликты на межнациональной почве вспыхнули в разных местах страны: в Алма-Ате, Сумгаите, Новом Узене. Летом 1987 г. с новой силой начались акции протеста со стороны крымских татар, которые требовали возвращения на историческую родину (в Крым), а также восстановления крымско-татарской автономии.

Крупнейший этнический конфликт развязался между армянами и азербайджанцами. Причиной стал спор о Нагорном Карабахе – армянском анклав со статусом автономной области на территории Азербайджана. Волнения начались в 1987 г., а особенно ожесточенный характер приобрели к февралю 1988 г. В полной мере здесь проявились чувства этнической и национальной вражды и ненависти. В Сумгаите 27 февраля 1988 г. начался погром армянского населения: толпы численностью от 10 до 100 человек бродили по городу, выбирая жертвы. По официальным данным, погибло 32 человека, более 100 были ранены, горели дома, автомобили, были ограблены квартиры [8, с. 527]. О трагической судьбе семьи одной армянской девушки из Сумгаита рассказала С. А. Алексиевич в книге «Время секонд хэнд»: «но когда она заговорила. <...> я хотела ее не слышать... не слышать! Ничего не слышать! <...> “Что с твоим домом?” – “Дом разграбили”. – “А с твоими родителями?” – “Маму вывели во двор, раздели догола и – на костер! А сестру беременную заставили танцевать вокруг костра... А когда убили, железными прутьями выковыривали из нее ребенка. <...> Папу порубили... топором... <...> Родственники узнали его только по ботинкам <...> Собирались мужчины, молодые и старые, по двадцать-тридцать человек и врывались в дома, где жили армянские семьи. Убивали и насиловали – дочь при отце, жену при муже. <...> На кладбище валили плиты с армянскими фамилиями... мертвых ненавидели...” – “Замолчи! Разве такое может быть с людьми?!”» [9, с. 321–322]. Позднее резня началась и в Баку: «...Убивают за деньги и просто так. <...> В одном доме убили всех... А самая маленькая девочка залезла на дерево... Они ее как птичку... Ночью плохо видно, долго не попадали. Злились... целились. Упала им под ноги. <...> На улицах везде русские солдаты <...> они же были мальчишки... в обморок падали от того, что увидели...» [9, с. 325].

Жертвами погромов на этнической почве были представители многих национальностей. Из воспоминаний 24-летней русской по национальности Ольги, родившейся в Сухуми и жившей там до 1992 г.: «Люди ездили в одних автобусах, учились в одних школах, читали одни книги, жили в одной стране и язык все учили – русский. И они теперь

убивают друг друга: сосед – соседа, одноклассник – одноклассника. <...> Воюют здесь же, возле дома. <...> Я писала в школьном сочинении: “братья навек...”, “союз нерушимый...” Убить человека! <...> Я это видела... Понять нельзя... не понимаю» [9, с. 247]. «Первые дни грабители ходили в масках... Черные чулки на лицо натягивали. <...> Идет: в одной руке хрустальная ваза, в другой автомат, и на спине еще ковер. Телевизоры тащили, стиральные машины, женские шубы... посуду... Ничем не брезговали, детские игрушки в разбитых домах подбирали» [9, с. 256].

В годы перестройки власть столкнулась с многообразием проявления национальных конфликтов. Это были протесты государств Прибалтики, включенных в состав СССР во время Второй мировой войны. В Закавказье вспыхивали противоречия как между, так и внутри государств (грузины – абхазы, грузины – осетины). В Средней Азии существовали свои разногласия. Так, возникла проблема таджиков в Узбекистане. Для автономных округов (Якутия, Татарстан, Башкирия) актуальной задачей являлось выравнивание прав с союзными республиками. Особое место занимали сложнейшие проблемы восстановления прав репрессированных народов – крымских татар, поволжских немцев. Как отметил Р. Г. Пихоя, «везде упорно разыгрывалась антирусская карта, <...> пропагандировалась мысль о том, что республики кормят Россию и центр» [8, с. 534]. В этих условиях силу набирали миграционные процессы из зон военных конфликтов в центральные регионы СССР. Ни центральные, ни местные органы власти не были готовы к решению данной проблемы, в связи с чем обустройство в новых условиях, как правило, являлось личным делом самих переселенцев. Только к концу 1990-х гг. начали действовать специальные программы помощи беженцам. В Российской Федерации был принят Закон «О вынужденных переселенцах», согласно которому за счет Федеральной миграционной программы осуществлялась выплата компенсаций за утраченное жилье, имущество. Помимо прочего, были созданы пункты временного размещения для лиц, получивших статус вынужденного переселенца, предоставлялся долговременный беспроцентный кредит на строительство жилья и т. д. Тем не менее в конце 1980-х гг. ситуация была гораздо сложнее. Из воспоминаний Ольги из Сухуми: «Я не хотела... ни за что не хотела уезжать... “Мама, а куда я еду?” – “Ты едешь домой. В Россию”... Москва!... Две недели я жила на вокзале. Таких как я – тысячи. С семьями, с детьми и стариками. Из Армении, Таджикистана, Баку... Живут на скамейках, на полу. Еду там же варят. Стирают... Дома нас никто не ждал» [9, с. 258].

Новые явления в повседневной жизни

В первые годы перестройки активная часть населения испытывала постоянную эйфорию от обе-

щанных перспектив: «Вера была искренняя... наивная вера... Поверили, что вот сейчас... уже стоят

на улице автобусы, которые повезут нас в демократию. Будем жить в красивых домах, а не в серых “хрущевках”, построим автобаны вместо раздолбанных дорог, станем все добрыми <...> Программу “Новости” смотрели каждый час <...> Сейчас Собчак на съезде выступает... Все бросают дело и бегут к экрану <...> Сахаров на трибуне... Значит у социализма может быть “человеческое лицо”. <...> Бесконечные митинги... Улицы утопали в листовках. <...> Каждый думал <...> вот сейчас правильные люди найдут правильные ответы. <...> Но жизнь становилась все хуже» [9, с. 60–64].

Перестройка стала настоящим испытанием как для властей, так и для населения. Суть происходящего в СССР выражена в словах американского политолога Дж. Сакса: «Мы положили больного (т. е. СССР. – О. Б.) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» [7, с. 396]. Общество, которое три четверти века развивалось по другому сценарию, во многом оказалось не готово к новым преобразованиям, а власть спонтанными действиями лишь усугубила ситуацию. Из года в год экономическое положение в стране продолжало ухудшаться. Это вызывало социальное напряжение, вело к поляризации общества. Появились «новые русские» и нищие безработные, олигархи и БОМЖи (лица без определенного места жительства). Возникла сеть коммерческих магазинов, в которых цены на товары были запредельными. Практически на все повседневные продукты был колоссальный спрос. Из магазинов исчезало мыло, стиральные порошки, белье, сахар, масло. К началу 1990-х гг. из тысячи наименований в продаже было только 56 продуктов [7, с. 367]. Для отпуска продовольствия и промышленных товаров в стране стали вводить адресные «карточки потребителя», которые выдавались по месту жительства на каждого члена семьи. О положении на потребительском рынке наиболее точно свидетельствуют современники перестройки: «Горбачевские годы... Свобода и купоны... Талоны... купоны... На все. От хлеба до крупы и носков. Стояли в очереди по пять-шесть часов. <...> Я в это время уже училась в аспирантуре. <...> Помню <...> в университетской библиотеке и в кабинете декана стояли бочки с солеными огурцами и помидорами. <...> Соленья продавали, и этими деньгами платили преподавателям зарплату. <...> Мы оказались не приспособлены к новой жизни, которую ждали» [9, с. 163]. Молодой человек с горечью вспоминал: «...Мы тоже мечтали о свободе. <...> Хотели жить как на Западе. <...> “Перемен хотим... перемен...” – пел Виктор Цой. Куда неслись – не понимали. Все мечтали... А в продуктовых магазинах стояли одни трехлитровые банки с березовым соком и маринованной капустой. Пачки лаврового листа. Талоны на макароны, масло, крупу... на табак... В очереди за водкой могли убить! Но напечатали запрещенных Платонова, Гроссмана...» [9, с. 282].

На руках у граждан скопились огромные денежные средства (в 1989 г. – более 100 млрд руб.), на которые нечего было купить. По инициативе правительства 24 января 1991 г. была проведена денежная реформа. За три дня планировалось обменять купюры номиналом 50 и 100 руб. нанеся таким образом удар теневой экономике. Были введены ограничения на выдачу наличных вкладов в сбербанках: на руки выдавали не больше 500 руб. С апреля 1991 г. правительство повышало розничные цены практически на все продовольственные и промышленные товары повседневного спроса, а также на транспорт и коммунальные услуги. Зарплата при этом повысилась лишь на 20–30 %, а единовременная компенсация равнялась 60 руб. [12, с. 375]. На фоне общих тревожных ожиданий такая политика правительства вызвала панику и озлобление людей. Кредит доверия властям был исчерпан, по стране прокатилась массовая волна забастовок. Ответной реакцией стало введение патрулирования милицией и военными улиц в крупных городах.

В годы перестройки в СССР началась стремительная криминализация общества. Разрешение индивидуально-трудовой деятельности и кооперативов фактически означало легализацию теневой экономики. Дополнительный приток товаров должен был сократить дефицит и стабилизировать ситуацию. Однако, пользуясь полученной свободой и бесконтрольностью со стороны властей, многие из новых кооператоров своими целями ставили личное обогащение, уклонение от уплаты налогов и пошлин, запутывание бухгалтерской отчетности. Только в 1987 г. прибыль теневых сектора экономики составила около 240 млрд руб., зарплата кооператоров приближалась к 500 руб. в месяц (у промышленных рабочих – 150–160 руб.) [10, с. 12–13]. Новым социальным явлением стала организованная преступность. В результате либерализации внешнеэкономической деятельности появились смешанные предприятия и иностранные фирмы, которые получали крупные прибыли от продажи сырья за границу. Мощной финансовой опорой для неформального сектора экономики стало хищение государственной собственности. Размер прибыли от подобного рода преступлений, по определению Госкомстата СССР, в 1990 г. составил 5,4 млрд руб. [10, с. 15]. Развитию криминального бизнеса способствовал дефицит товаров и услуг. Ежегодно примерно 1,5 млрд руб. граждане тратили на услуги разных дельцов. В конце 1980-х гг. 63 % жителей Москвы были вынуждены покупать обувь и одежду у спекулянтов. Доходы от перепродажи товаров по спекулятивным ценам в 1990 г. оценивались в размере 23,1 млрд руб., что составляло более 23 % от всего объема теневой экономики в СССР [10, с. 16–17].

Анализ криминальной статистики СССР за 1986–1991 гг. свидетельствует о том, что по стране возросла численность особо тяжких преступлений, таких

как убийство или покушение на убийство. Мотивы были самые разные: власть, материальные блага, зависть, ревность, обида, устрашение других людей и т. д. После долгих лет замалчивания в 1989 г. была рассекречена статистика преступлений по стране. В первые годы перестройки наблюдался спад зарегистрированных убийств, что было вызвано целым комплексом причин, начиная от общей атмосферы социального оптимизма и заканчивая положительным эффектом от антиалкогольной кампании. Однако в 1988 г. рост умышленных убийств составил 14 %, в 1989 г. – 28,5 %, 1990 г. – 15,9 %. Позитивные тенденции начали проявляться лишь с 2002 г. При этом многие преступления остаются или не раскрытыми, или не зарегистрированными правоохранительными органами [11, с. 156–161].

Одной из нашумевших кампаний периода перестройки стала борьба с пьянством. Значительно сократилось число торговавших спиртным магазинов, закрывались пивные, было приостановлено производство стеклянных бутылок для алкогольных напитков, крайней мерой стало истребление виноградников. В результате этих действий был нанесен катастрофический удар по бюджету:

в 1985 г. потери составили 60 млрд руб., а в 1988 г. – 40 млрд руб. [8, с. 458]. Граждане оказались не в состоянии купить за свои деньги водку, так как в городах оставалось лишь по 2–3 специализированных магазина, что вызывало только озлобление. Продавали не больше 2 бутылок водки в одни руки, и лишь на случай поминок по покойнику, по справке из ЗАГСа или из милиции разрешалось купить 12 бутылок. Человека, замеченного в употреблении алкоголя на работе, дома (если это привлекло чье-то внимание) или в купе поезда, могли уволить и исключить из партии. В стране процветала спекуляция спиртными напитками и массовое самогонование, увеличилось потребление различных суррогатов и спиртосодержащих жидкостей технического назначения, расширялось потребление наркотических веществ, участились случаи отравления. В 1988 г. было изготовлено 120 млн декалитров самогона, в медицинские вытрезвители было помещено 4,5 млн человек, с 1989 г. потребление алкоголя по стране выросло на 34 % [12, с. 32]. После нескольких лет запрета антиалкогольная кампания незаметно завершилась.

Заключение

Ряд позитивных и негативных последствий реформирования социализма в СССР, который дан в рамках настоящей статьи, не исчерпывающий. Однако, на наш взгляд, главный итог заключался в том, что перестройка, являясь объектом деятельности различных сил, вызвала в стране такую социально-экономическую и политическую ситуацию, результаты которой были противоположны ожиданиям большей части политической элиты и населения. Для советских граждан повседневная жизнь в годы радикальных перемен обернулась

как неожиданными открытиями, так и серьезными проблемами. Настроения в обществе менялись в зависимости от политической и экономической ситуации в стране: от оптимистических или нейтральных в первые годы перестройки до скептических и протестных на заключительном этапе. Падение уровня жизни большинства населения, а также усиление социальной напряженности обусловили иную стратегию поведения, в основе которой лежало стремление сохранить привычный уклад жизни.

Библиографические ссылки

1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. 2-е изд. / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М., 2008.
2. Маслов Д. В., Красавин В. А. «На шестом году перестройки призывают людей принести новые жертвы...» Статья бывшего первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина. 1989 г. // Истор. арх. 2014. № 6. С. 73–86.
3. Голубицкий Ю. А. Летопись реформирования России. Новая Русская смута на рубеже веков и тысячелетий в зеркале отечественной социологии. М., 2013.
4. Белохвостик Н. Светлана Алексиевич: «Мы живем в промежуточное время. Но европейское будущее все равно будет» [Электронный ресурс] // Комсом. правда в Белоруссии. 2014. 11 февр. URL: <https://www.kp.by/daily/26192/3080591/> (дата обращения: 10.10.2016).
5. Леман Л. Гласность в экспортном исполнении. Размышления публициста из ФРГ Лутца Лемана о «Гласности для иностранцев» // Родина. 1984. № 4. С. 74–76.
6. Вершель В. П. Политическая социализация рабочего класса СССР в ходе забастовочного движения 1989–1991 гг. // Клио. 2011. № 1. С. 77–82.
7. Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории, 1941–1991. М., 1999.
8. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.
9. Алексиевич С. А. Время секунд хэнд. М., 2013.
10. Богданов С. В., Орлов В. Н. Особенности развития экономической преступности в СССР в период общественных трансформаций (1985–1991 гг.) // Науч. проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11 (2). С. 11–18.
11. Пашин В. П., Богданов С. В. Политический режим и смертность от убийств. Сравнительный анализ криминальной статистики СССР-РФ и США // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 156–171.
12. Заиграев Г. Г. Испытание трезвостью // Родина. 1989. № 9. С. 33–37.

References

1. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s*. 2nd ed. Moscow, 2008 (in Russ.).
2. Maslov D. V., Krasavin V. A. «At the 6th year of perestroika they call on people to make new sacrifices...» An article of V. V. Grishin, the former First Secretary of the Moscow City Committee. *Istoricheskii arkhiv*. 2014. No. 6. P. 73–86 (in Russ.).
3. Golubitskii Yu. A. [Chronicle of the Reform of Russia. New Destember of Russia at the turn of the century and millenia in the domestic sociology]. Moscow, 2013. (in Russ.).
4. Belohvostik N. [Svetlana Aleksievich: «We live in an intermediate time. But the european future will be»]. *Komso-molskaya pravda in Byelorussia*. 2014. Febr. 11. URL: <https://www.kp.by/daily/26192/3080591/> (date of access: 10.10.2016) (in Russ.).
5. Leman L. [Publicity in export performance. Reflections of the publicist Lutz Leman about «publicity for foreigner»]. *Rodina*. 1984. No. 4. P. 74–76 (in Russ.).
6. Verschel V. P. Political socialization of working class in USSR in the strike movement during 1989–1991. *Klio*. 2011. No. 1. P. 77–82 (in Russ.).
7. Sokolov A. K., Tyazhelnikova V. S. [The course of Soviet history, 1941–1991]. Moscow, 1999 (in Russ.).
8. Pikhoya R. G. [The Soviet Union: the history of power. 1945–1991]. Moscow, 1998 (in Russ.).
9. Aleksievich S. A. [Time second hand]. Moscow, 2013 (in Russ.).
10. Bogdanov S. V., Orlov V. N. [Features of the development of economic crime in the USSR during the period of social transformations (1985–1991)]. *Nauchnye probl. gymanitarnych issled.* 2009. No. 11 (2). P. 11–18 (in Russ.).
11. Pashin V. P., Bogdanov S. V. The political regime and mortality from murders. The comprative analysis of criminal statistic of the USSR-Russian Federation and the USA 1986–2006. *Vestnik arkhivista*. 2009. No. 4. P. 156–171 (in Russ.).
12. Zaigraev G. G. [The test of sobriety]. *Rodina*. 1989. No. 9. P. 32–37 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.11.2016.
Received by editorial board 12.11.2016.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930.2

ПРАСАПАГРАФІЯ: ГІСТОРЫЯ СТАНАЎЛЕННЯ І РАЗВІЦЦЯ МЕТАДУ

С. А. ГАНЧАРЭНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Дзецца вызначэнне прасапаграфіі як метаду гістарычнага даследавання, акрэсліваюцца праблемы, якія ўскладняюць яго цэласнае разуменне. Усебакова разглядаюцца прычыны і ўмовы з'яўлення гэтага метаду ў сусветнай гістарыяграфіі, асноўныя этапы яго станаўлення і развіцця. Аналізуюцца працы навукоўцаў, якія стаялі ля вытокаў прасапаграфіі. Зроблена выснова аб яго патэнцыйнай карысці пры даследаванні праблем айчыннай гісторыі.

Ключавыя словы: метада; прасапаграфія; прасапаграфічны метада; біяграфія; біяграфічны метада; гістарыяграфія; сацыяльная гісторыя; Л. Стоўн; Л. Нэмір; Р. Сайм; Р. К. Мертан.

ПРОСОПОГРАФИЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕТОДА

С. А. ГОНЧАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Дается определение просопографии как метода исторического исследования, затрагиваются проблемы, усложняющее его целостное понимание. Всесторонне рассматриваются причины и условия возникновения этого метода

Образец цитирования:

Ганчарэнка С. А. Прасапаграфія: гісторыя станаўлення і развіцця метаду // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 94–100.

For citation:

Hancharenka S. A. Prosopography: the history of the formation and development of the method. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 94–100 (in Belarus.).

Автор:

Сергей Александрович Гончаренко – аспирант кафедры истории Беларуси древних времен и средних веков исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Любый.

Author:

Siarhei A. Hancharenka, postgraduate student at the department of Belarus history of the ancient time and the middle ages, faculty of history.
hanczarenka@gmail.com

в мировой историографии, основные этапы его становления и развития. Анализируются труды ученых, стоящих у истоков просопографии. Сделан вывод о ее потенциальной пользе при исследовании проблем отечественной истории.

Ключевые слова: метод; просопография; просопографический метод; биография; биографический метод; историография; социальная история; Л. Стоун; Л. Немир; Р. Сайм; Р. К. Мертон.

PROSOPOGRAPHY: THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE METHOD

S. A. HANCHARENKA^a

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

The article defines prosopography as a method of historical research, analyzes problems that complicate its holistic understanding. The reasons and conditions of the appearance of the prosopographical method, the main stages of its formation and development in historiography are considered. The works of the authors – founders of the method – are carefully analyzed. A conclusion is made about the potential usefulness of prosopography in the study of the problems of the history of Belarus.

Key words: method; prosopography; prosopographic method; biography; biographical method; historiography; social history; L. Stone; L. Namier; R. Syme; R. K. Merton.

За больш чым 25 гадоў існавання незалежнай беларускай дзяржавы айчынныя навукоўцы дасягнулі значных поспехаў у даследаванні самых розных праблем гісторыі Беларусі. Фактычна на ранейшым падмурку паўстала новая нацыянальная гістарычная школа, былі напісаны арыгінальныя і важныя для навукі працы, назапашаны веды акумуляваліся ў грунтоўных абагульняючых выданнях. На дадзены момант можна канстатаваць, што беларускія даследчыкі справіліся з найважнейшай задачай закрыцця так званых белых плям у гісторыі Беларусі, у сувязі з чым узнікае пытанне аб выкарыстанні новых падыходаў і метадаў у вывучэнні мінулага. Адным з іх з'яўляецца прасапаграфія. Мэта дадзенага артыкула – вызначыць прычыны і ўмовы фарміравання прасапаграфічнага метаду ў сусветнай гістарыяграфіі, асноўныя этапы яго складання і развіцця.

У гістарычнай навуцы не існуе адзінага прынятага вызначэння прасапаграфіі. Хутчэй наадварот, у дадзеным пытанні сярод гісторыкаў пануе плюралізм меркаванняў. Пры неабходнасці акрэсліць сутнасць прасапаграфіі даследчыкі, як правіла, выкарыстоўваюць адзін з двух падыходаў. Першы заключаецца ў імкненні даць гэтаму метаду азначэнне, якое грунтуецца на ўласным досведзе яго выкарыстання. Другі – у цытаванні найбольш вядомага тлумачэння прасапаграфіі, прапанаванага брытанскім даследчыкам Л. Стоўнам у 1971 г.: «Прасапаграфія – гэта даследаванне біяграфічных характарыстык груп асоб у гісторыі шляхам калектыўнага вывучэння іх жыцця»¹ [1, р. 46]. Аднак

часам нават тыя, хто звяртаецца да гэтага азначэння, прызнаюць, што яно значна састарэла.

Такі плюралізм меркаванняў і разнастайнасць стратэгий у падыходах да тлумачэння прасапаграфіі вынікае з гісторыі развіцця і прыроды гэтага метаду. Па-першае, ён узнік нашмат раней, чым адпаведны тэрмін, доўгі час існаваў у выглядзе збору і арганізацыі біяграфічных даных згодна з загадзя вызначанымі крытэрыямі. Толькі адносна нядаўна прасапаграфія пачала набываць тэарэтычныя абрысы [2, р. 18]. Па-другое, метада не з'яўляецца строгім наборам прадпісанняў, якіх кожны гісторык мусіць няўхільна прытрымлівацца. Прасапаграфія – гэта сукупнасць пэўных тэхнік, якія значна трансфармуюцца ў руках кожнага, хто да іх звяртаецца, бо залежаць ад мэты працы, перыяду, які даследуецца, прасапаграфічнай выбаркі канкрэтнай групы і апытальніка, што выкарыстоўваецца ў дачыненні да яе. Падобны стан нават выклікаў спрэчкі сярод гісторыкаў пра тое, ці з'яўляецца наогул прасапаграфія самастойным метадам [2, р. 3–5, 20, 25–26; 3, р. 156; 4, р. 37].

Спецыфіка прасапаграфіі вымусіла сучасных гісторыкаў падысці да яе вызначэння з іншага боку і вылучыць ключавыя ідэі, характэрныя для кожнага такога даследавання, незалежна ад яго мэты, прадмета і перыяду, які ў ім вывучаецца. Так, метаду прасапаграфіі ўласцівы наступныя атрыбуты: біяграфічны і групавы аспекты, знешнія біяграфічныя характарыстыкі, базы даных і іх апрацоўка [4, р. 39]. Такім чынам, прасапаграфія звяртаецца ў першую чаргу да інфармацыі біяграфічнага

¹Тут і далей пераклад наш. – С. Г.

характару, якая, аднак, датычыцца не адной асобы, а загалом вызначанай паводле нейкага крытэрыю (крытэрыяў) дастаткова вялікай групы асоб. Даследчыка цікавіць не ўнутраны свет людзей, што ўвайшлі ў выбарку, не іх суб'ектыўныя думкі і пачуцці, інакш кажучы, не тое, што з'яўляецца ўнікальным, а знешнія характарыстыкі, якія назіраюцца ў кожнага прадстаўніка групы: паходжанне, роднасныя і сваяцкія адносіны, адукацыя, кар'ера, сацыяльны статус, прыналежнасць да сацыяльных груп, рэлігія і г. д. Уся сабраная даследчыкам інфармацыя арганізаваная ў выглядзе базы даных для далейшага аналізу з мэтай выяўлення істотных карэляцый. Прасапаграфія шчыльна звязана з такімі дапаможнымі навукамі і паддyscyплінамі, як біяграфія, анамалістыка, генеалогія і сацыяграфія [2, р. 16–18; 4, р. 38, 40–41].

Метад мае працяглую гісторыю развіцця, якая выразна адлюстроўвае тэму змены, што адбываліся ў гістарычнай навуцы англасаксонскіх краін і краін кантынентальнай Еўропы з канца XIX ст. па цяперашні час. Само слова «прасапаграфія» паходзіць з грэчаскай мовы і літаральна перакладаецца як «апісанне знешніх індывідуальных характарыстык» [2, р. 4; 4, р. 36–37]. У 1971 г. Л. Стоўн адшукаў прыклад ужывання гэтага тэрміна ў 1743 г., аднак, як выяўляецца, слова мае яшчэ больш працяглую гісторыю. У XVI–XIX стст. яно адносілася да апісання знешніх характарыстык чалавека, радзей – яго свядомасці і маральных якасцей [1, р. 73; 5, р. 71–74].

Працэс станаўлення прасапаграфіі як метаду гістарычнага даследавання цягнуўся больш чым тры дзесяцігоддзі і складаўся з двух этапаў. Ужо традыцыйна пачынальнікам першага этапу і адначасова ўсяго прасапаграфічнага метаду лічыцца выдатны нямецкі гісторык-антыказнаўца Т. Момзен. Ён з'яўляецца ініцыятарам стварэння найстарэйшай у свеце працы ў межах прасапаграфіі – «Прасапаграфія Рымскай імперыі» (*Prosopographia Imperii Romani*), першае выданне якой было завершана ў 1898 г., а другое – толькі ў 2015 г. [2, р. 4; 5–7]. Дадзеная праца ўяўляе сабой біяграфічны слоўнік, які змяшчае звесткі пра ўсіх адносна значных асоб Рымскай імперыі ад бітвы пры Акцыуме ў 31 г. да н. э. да часоў кіравання імператара Дыяклетыяна. Момзен лічыў, што для разумення гісторыі імперскага Рыма недастаткова вывучэння яго палітычных інстытутаў, бо цэнтрам прыняцця рашэнняў з'яўляліся не яны, а імператар і яго бліжэйшае атачэнне. Гэтым абумоўлена яго выключная цікавасць да кар'еры імперскіх эліт [4, р. 42–43; 8]. Даследчыкі прызнаюць вялікае значэнне ў станаўленні прасапаграфіі не толькі выдання «Прасапаграфія Рымскай імперыі» і іншых падобных праектаў, якія запачаткаваў Т. Момзен, але і вядомай энцыклапедыі класічнай Антычнасці «Рэальная энцыклапедыя Паўлі-Вісова» (*Pauly-Wisso-*

wa Realencyclopädie, 1894–1978), якая разам з дадаткамі налічвае больш за сто тамоў [4, р. 43; 9]. Нягледзячы на тое што падобныя біяграфічныя энцыклапедыі ў канцы XIX ст. ужо не былі вялікай рэдкасцю, менавіта даследчыкі Антычнасці першымі звярнулі ўвагу на значэнне групавога даследавання біяграфій палітычных эліт, якія валодалі рэальнымі, але нефармальнымі механізмамі ўлады.

Варта таксама адзначыць вялікую ролю, якую для з'яўлення першых прасапаграфічных даследаванняў адыгрывала назапашванне на працягу XVIII–XIX стст. біяграфічных даных самага рознага характару. Першыя працы ў рэчышчы прасапаграфіі былі б немагчымыя без вялікай колькасці біяграфічных энцыклапедый, слоўнікаў, спісаў ураднікаў, імён і г. д., якія актыўна друкаваліся па ўсёй Еўропе ў XIX ст. і працягваюць выдавацца сёння [10–13]. Менавіта падобныя працы далі надзвычай вялікі аб'ём хаця і недасканалы, але каштоўнага матэрыялу для першых прасапаграфічных даследаванняў [1, р. 48–49].

Прасапаграфія, такім чынам, не толькі ў межах гісторыі Антычнасці, але і адносна іншых перыядаў развівалася па адной схеме. Спачатку з'яўляліся шматлікія біяграфічныя слоўнікі, разнастайныя спісы ўраднікаў, якія пазней служылі базай для ўласна аналітычнага прасапаграфічнага даследавання. Прамежкавым звяном паміж першым і другім этапамі стала дзейнасць амерыканскіх даследчыкаў Ч. Бірда і А. П. Ньютана, чые працы пабачылі свет напярэдадні Першай сусветнай вайны. Аўтары яшчэ не мэтанакіравана, а хутчэй інтуітыўна, выкарыстоўвалі тое, што ў будучыні атрымала назву прасапаграфічнага метаду [14–15]. Сапраўднымі яго заснавальнікамі варта лічыць трох даследчыкаў: брытанскіх гісторыкаў сэра Л. Нэміра і сэра Р. Сайма, а таксама амерыканскага сацыёлага Р. К. Мертана. Няцяжка заўважыць, што прасапаграфічны метада нарадзіўся і рабіў першыя крокі ў межах англасаксонскай гістарычнай навукі [1, р. 50–51; 4, р. 43].

Сэр Л. Нэмір, выдатны брытанскі гісторык польска-яўрэйскага паходжання, упершыню выкарыстаў новы падыход да вывучэння палітычных эліт Брытаніі ў працы «Структура палітыкі падчас уступлення на трон Георга III» (далей – «Структура палітыкі»), якая пабачыла свет у 1929 г. [16]. Гэта даследаванне, напісанае аўтарам як пэўнае адступленне ад яго галоўнай сферы зацікаўленасці – Амерыканскай рэвалюцыі, – стала пачаткам з'явы, якую часам называюць «нэміраўская рэвалюцыя». «Структура палітыкі», безумоўна, была наватарскай працай і цалкам укладалася ў рэчышча таго метадалагічнага перавароту ў гістарыяграфіі, які разгарнуўся пасля Першай сусветнай вайны. Абсалютна чужую школу «Аналаў» працу Нэміра яднаў з ідэямі французскіх гісторыкаў-наватараў пратэст супраць пануючых метадаў і жанраў гістарычнага

даследавання. У прадмове да першага выдання аўтар падрабязна апісаў, як разгортваліся яго інтэлектуальныя пошукі. Так, узяўшыся за вывучэнне брытанскай «палітычнай нацыі» напярэдадні Амерыканскай рэвалюцыі, Нэмір зразумеў, што яго высновы не ўкладаюцца ў традыцыйнае бачанне англійскай палітыкі XVIII ст. як першага «партыйнага» стагоддзя: дагэтуль палітычная гісторыя перыяду кіравання Георга III даследавалася ў межах ідэйнага змагання Вігаў і Торы ў Палаце абшчын. Аднак брытанскі даследчык рашуча сцвердзіў, што ні першых, ні другіх у тым разуменні, якое надавалі ім гісторыкі XIX – пачатку XX ст., папросту не існавала. Замест вывучэння партыйнай гісторыі Брытаніі ён правёў храналагічны разрэз на моманце ўступлення на трон Георга III і паспрабаваў даследаваць прыхаваныя палітычныя механізмы таго часу, задаючыся фундаментальнымі пытаннямі: навошта людзі сярэдзіны XVIII ст. ішлі ў палітыку; што яны атрымлівалі ад палітыкі; якімі матывамі пры прыняцці тых ці іншых рашэнняў кіраваліся; якія фактары вызначалі паводзіны асобных дэпутатаў Палаты абшчын? Велізарнае значэнне для інтэрпрэтацыі палітыкі было нададзена вывучэнню асабістых прыярытэтаў эліты; сямейным і родавым сувязям; эканамічным інтарэсам; сетцы нефармальных паслуг, якія палітыкі аказвалі і атрымлівалі. Новы метадазволіў не толькі па-новаму зірнуць на палітычную гісторыю сярэдзіны XVIII ст., але і на 20 гадоў прадвызначыў напрамак працы для многіх даследчыкаў палітычнай гісторыі Брытаніі ранняга Новага часу [1, р. 50–51; 16, р. IX–XIV; 17].

На гістарыяграфію Антычнасці значны ўплыў мела знакамітая праца сэра Р. Сайма «Рымская рэвалюцыя», якая пабачыла свет у 1939 г. [18]. Нягледзячы на тое, што даследаванні Нэміра і Сайма выйшлі з розніцай у 10 гадоў, апошні, карыстаючыся метадамі, надзвычай падобнымі да тых, якія ўжываліся ў працы «Структура палітыкі», не быў з ёй знаёмы. Падобнае супадзенне тлумачыцца самай навукавай атмасферай у Вялікабрытаніі пасля Першай сусветнай вайны. Асноўнымі складнікамі гэтай атмасферы былі распаўсюджанне сярод гісторыкаў пераканання ў інтэлектуальнай абмежаванасці і вычарпанасці падыходаў, якія з’явіліся і дасягнулі росквіту ў XIX ст.; пашырэнне культурнага рэлятывізму; апантанасць праблемамі сям’і, роднаснымі і сваяцкімі адносінамі; заняпад даверу да палітыкаў і палітыкі ў грамадстве. Апошні фактар быў істотным стымулам як для Нэміра, так і для Сайма шукаць прыхаваныя механізмы палітыкі замест традыцыйнага аналізу інстытутаў права і дыпламатыі [1, р. 52–55].

У цэнтры ўвагі ў працы «Рымская рэвалюцыя» – гісторыя ўзнікнення і ўсталявання новага імперскага ладу ў Рымскай імперыі. Даследчык разглядаў працэсы трансфармацыі дзяржавы і гра-

мадства ў перыяд ад 60 г. да н. э. да 14 г. н. э. [18, р. VII]. Аднак гісторык даследаваў не традыцыйныя біяграфіі вялікіх асоб, не ход найбольш значных бітваў, дыпламатычных перагавораў і г. д., а такія з’явы, як адносіны роднасці і сваяцтва паміж рымскімі і італійскімі фаміліямі; супольныя, часта матэрыяльныя, інтарэсы розных уплывовых рэспубліканскіх і імперскіх родаў, якія, на яго думку, і былі галоўным рухавіком палітычных падзей. Найважнейшую ролю ў палітычным жыцці Рыма аўтар адводзіць родавым кааліцыям і патранальна-кліентарным сістэмам. Такое бачанне вымусіла Сайма сканцэнтраваць увагу «не на асобе і ўчынках Аўгуста, а на яго прыхільніках», пры гэтым даследчык лічыў, што «структура ўрадавай эліты з’яўляецца ключавой праблемай палітычнай гісторыі» [18, р. VII–IX].

Выкарыстанне новага метаду дазволіла гісторыку кардынальна пераацаніць палітычныя працэсы перыяду ўсталявання і эвалюцыі прынцыпату Актавіана Аўгуста. Як і Нэмір, Сайм стаяў ля вытокаў цэлага напрамку ў гістарыяграфіі, у дадзеным выпадку – гістарыяграфіі Антычнасці [3, р. 156]. Варта таксама адзначыць, што праца «Рымская рэвалюцыя», напісаная «песімістычным і з’едлівым тонам» з «пазбяганням метафар і абстракцый», мае вялікую літаратурную вартасць [18, р. VIII; 19]. Унёсак Сайма ў даследаванне гісторыі Антычнасці дазволіў складальніку яго некралага ў 1989 г. назваць навукоўца «найбольш уплывовым антыказнаўцам стагоддзя» [20].

Праца «Навука, тэхналогіі і грамадства ў Англіі XVII стагоддзя» Р. К. Мертана, выдатнага амерыканскага даследчыка, аднаго з заснавальнікаў сучаснай сацыялогіі, істотна адрозніваецца ад прац Нэміра і Сайма ў плане тэматыкі і метадалогіі [21, р. 362–366]. Так, англійскія навукоўцы былі зацікаўлены перадусім у даследаванні палітычнай гісторыі, а Мертан вывучаў праблему прычын узнікнення і распаўсюджвання выключнай увагі да натуральных навук у Англіі ў XVII ст. Пры гэтым прыклад Англіі з’яўляецца толькі матэрыялам для пастаноўкі яшчэ больш фундаментальнага пытання. Даследчык спрабуе выявіць сацыяльныя прычыны і механізмы, якія прадвызначаюць пераважнае развіццё ў пэўны перыяд ці эпоху нейкай сферы чалавечай культуры, актыўнасці. Ён задаецца пытаннем: чаму інтэлектуалы Англіі ў XVII ст. масава пачалі цікавіцца менавіта натуральнымі навукамі? Іншымі словамі, «якія сацыяльныя фактары сталі прычынай паўстання сучаснай навукі і тэхналогій?» [21, р. 362–366].

Спрабуючы адказаць на гэтыя пытанні, Мертан не даследаваў загадзя вызначаную паводле выразных крытэрыяў групу асоб, а зрабіў выпадковую выбарку адносна невялікай колькасці біяграфій з брытанскага «Слоўніка нацыянальных біяграфій» і ўжыў у дачыненні да яе строгі апытальнік. Гэты

падыход у большай ступені мае статыстычны характар. Нэмір і Сайм дакладна ведалі біяграфіі асоб, якія траплялі ў выбаркі, іх сувязі паміж сабой і з канкрэтнымі палітычнымі падзеямі. Больш за тое, групавы партрэт, створаны пры дапамозе праспаграфіі, мусіў даць новую інтэрпрэтацыю палітычных і сацыяльных працэсаў. Мертана, у сваю чаргу, не цікавілі падрабязныя біяграфіі асоб. Ён паспрабаваў высветліць, якім чынам пэўны тып свядомасці англічан XVII ст. уплываў на іх стаўленне да натуральных навук, і выяўляў у выніку пазітыўную карэляцыю паміж уздымам пурытанізму і ранняй эксперыментальнай навукай [21, р. 367–397, 596–597; 22].

Працы Сайма і ў яшчэ большай ступені Нэміра мелі каласальны ўплыў на наступнае пакаленне гісторыкаў, які ў поўнай меры выявіўся толькі пасля Другой сусветнай вайны. Зрэшты, сам тэрмін «праспаграфія» не быў агульнапрынятым яшчэ на пачатку 1970-х гг. Яго распаўсюджванню паспрыяў аўтарытэт Л. Стоўна, які выказаўся за пашырэнне гэтага тэрміна сярод гісторыкаў па прычыне яго трапнасці і лаканічнасці [1, р. 46, 51–52, 73]. Вельмі паказальнай у гэтым плане з’яўляецца вядомая праца па праспаграфіі гісторыка Антычнасці Т. Ф. Кэрні, якая пабачыла свет у 1973 г. Аўтар ужо ў першым сказе акрэсліваў артыкул Стоўна як класічны, нягледзячы на тое, што крыху далей па тэкście ўступіў у палеміку з даследчыкам па многіх пытаннях [3]. Грунтоўныя і надзвычай уплывовыя публікацыі Стоўна і Кэрні абазначылі заканчэнне пэўнага этапу ў развіцці праспаграфіі: фактычна яна была прызнана самастойным метадам даследавання, які патрабуе асобнай тэарэтычнай рэфлексіі.

Гісторыкі Л. Нэмір, Р. Сайм і Р. К. Мертан не толькі заклалі асновы новага метадалагічнага падыходу ў гістарыяграфіі, але і акрэслілі два кірункі яго развіцця. Першы, заснаваны Нэмірам і Саймам, мае больш традыцыйны характар. Прадметам даследавання ў працах дадзенага напрамку выступаюць, як правіла, эліты: уладныя, палітычныя, сацыяльныя, культурныя і г. д. Праспаграфічная частка суправаджаецца ўважлівым вывучэннем канкрэтнага перыяду, пэўнай праблемы. Крыніцы з’яўляюцца пераважна наратыўнымі. Выбарка асоб для праспаграфіі адносна невялікая, апытальнік дастаткова падрабязны. Сама праспаграфія нярэдка выступае толькі як частка больш шырокага даследавання. У 1971 г. Л. Стоўн акрэсліваў дадзены кірунак як «элітарную школу», аднак час паказаў, што пры дастатковай колькасці крыніц ён можа быць пашыраны, хоць варта прызнаць, што эліты і палітычныя гісторыя па-ранейшаму застаюцца галоўным аб’ектам цікавасці прыхільнікаў напрамку [1, р. 47, 69; 2, р. 10–11; 4, р. 42]. Часам гэта мае адваротныя бакі: даследчыкі, якія працуюць у межах такога падыходу, схільныя бачыць гістарычны працэс як змаганне палітычных групавых, аб’яд-

наных роднаснымі і матэрыяльнымі інтарэсамі, а само змаганне апісваюць спрошчана, як «гульню з нулявой сумай» [3, р. 168].

Другі напрамак – «масавая школа» – мае больш квантытатывы характар і шмат у чым абавязаны сваім існаваннем сацыяльным навукам. Праспаграфічная выбарка ў ім значна шырэйшая; вельмі часта пра асоб, якія ў яе ўваходзяць, не захавалася амаль ніякіх біяграфічных звестак, бо яны не належалі ў свой час да эліт. Крыніцы маюць статыстычнае паходжанне. Выбаркі найчасцей ствараюцца пры дапамозе пабудовы камп’ютарных баз даных, а вынікі іх аналізу ўяўляюць сабой шэраг лічбаў, якія адлюстроўваюць пэўную сацыяльную дынаміку. Прыхільнікі такога падыходу больш зацікаўлены ў сацыяльнай гісторыі позняга Новага часу і Найноўшага часу, хоць пры наяўнасці дастатковай колькасці неабходных крыніц ён можа паспяхова ўжывацца і ў дачыненні да іншых перыядаў [1, р. 48; 2, р. 10–11]. Цікава, што ў позняй савецкай і сучаснай расійскай гістарыяграфіі даволі доўга панавалі менавіта гэты тып праспаграфічнага даследавання, існаванне элітарнага падыходу часам нават не прымалася да ўвагі [23].

Яшчэ адзін аспект праспаграфіі, які патрабуе асобнага каментарыя, – гэта падвоенае разуменне яе прыроды. У сучаснай гістарыяграфіі пад праспаграфіяй могуць разумецца асобна як база даных з пэўнай загадкай вызначанай групай асоб, так і ўласна аналітычнае даследаванне, зробленае на падставе адпаведнай базы. Пры гэтым калі першы элемент можа існаваць без другога, то другі непазбежна мусіць грунтавацца на першым, і не мае значэння, ці з’яўляецца аўтар аналітычнай часткі даследавання складальнікам праспаграфічнай базы. Часам сэнс праспаграфіі звужаецца выключна да першага значэння, аднак такая тэндэнцыя дастаткова востра крытыкуецца. Безумоўна, падобная падвоенасць уносіць пэўную блытаніну ў разуменне праспаграфіі, таму зусім не дзіўна, што перыядычна гучаць заклікі ўключаць у трактоўку паняцця абодва аспекты – збіранне базы даных і наступны яе аналіз [2, р. 6; 3, р. 156–159].

З часу выхаду артыкула Л. Стоўна праспаграфічны метада прайшоў значны шлях развіцця. З’явіўся нават падзел праспаграфіі на традыцыйную і новую. Новая праспаграфія ў апошнія два дзесяцігоддзі набыла значнае распаўсюджванне. Адным з яе галоўных папулярызатараў у навуковым свеце стаў факультэт лічбавай гуманітарыстыкі (*Department of digital humanities*) (раней – Цэнтр вылічэнняў у гуманітарыстыцы (*Centre for computing in the humanities*)), створаны пры Каралеўскім каледжы Лондана. Ён стаяў ля вытокаў такіх буйных праектаў, як «Праспаграфія Візантыйскай імперыі» (*Prosopography of the Byzantine Empire*) і «Праспаграфія Англіі англасаксонскага перыяду» (*Prosopography of Anglo-Saxon England*). Фактычна но-

вая прасапаграфія не ўяўляе сабой нейкага метадалагічнага прарыву. Яна з'яўляецца вынікам 40-гадовага развіцця дадзенага метаду, на які надзвычай моцны ўплыў аказала развіццё камп'ютарных тэхналогій. Таксама немагчыма не адзначыць сур'ёзнага змяшчэння акцэнтаў: куды большае распаўсюджанне з часам набыла масавая школа прасапаграфіі, якая натхняецца дасягненнямі сацыяльнай гісторыі і сацыялогіі. Асаблівае прызнанне сярод прасапаграфіі атрымала тэорыя сацыяльных палёў знакамітага французскага навукоўца П. Бурдзье, а таксама сацыялагічная тэорыя сацыяльных сетак. Гэта найбольш распаўсюджана, але не адзінкавыя прыклады цікавасці прасапаграфіі да сацыялагічных метадаў [2, р. 3, 12–13, 15, 21–24; 24].

На сучасным этапе прасапаграфічны метада шырока выкарыстоўваецца гісторыкамі, якія займаюцца вывучэннем самых розных перыядаў і напрамкаў. Па-ранейшаму вялікай папулярнасцю ён карыстаецца сярод даследчыкаў палітычнай гісторыі, нягледзячы на тое, што такія падыход у гістарыяграфіі не надзелены празмернай пашанай праз выключную цікавасць да палітычных эліт. У цэнтры ўвагі гісторыкаў, якія да яго звяртаюцца, – генеалогія, бізнес-інтарэсы, палітычная актыўнасць уладных эліт. Типовыя праблемы, вырашэнне якіх яны перад сабой ставяць, – фармальныя і нефармальныя механізмы прыняцця палітычных рашэнняў у дзяржаве, супольнасці; прынцыпы функцыянавання ўлады, інстытутаў; тыпы кар'ерных мадэлей і сацыяльнага авансу; характар і механізмы палітычных уплываў; пазаінстытуцыйныя праблемы функцыянавання дзяржаў, арганізацый, груп і г. д. Даследчыкі сацыяльнай гісторыі, зыходзячы з веры ў тое, што гістарычны працэс фарміруюць не эліты, а шы-

рокія сацыяльныя сілы, звяртаюць увагу на праблемы іншага характару. Типовымі даследчыцкімі мэтамі гэтых навукоўцаў можа быць вывучэнне сацыяльнай стратыфікацыі грамадства, сацыяльнай мабільнасці, складу сацыяльных груп, характару сувязей унутры сацыяльнай групы і паміж рознымі групамі, сацыяльнымі сеткамі і г. д. [4, р. 41, 46]. Развіццё прасапаграфіі на сучасным этапе, аднак, можа стаць тэмай для асобнага артыкула.

Такім чынам, за больш чым сто гадоў свайго існавання прасапаграфічны метада прайшоў значны шлях развіцця. Узнікшы ў межах гісторыі Антычнасці ў канцы XIX ст. у якасці дакладна арганізаванай працы па зборы біяграфічных звестак загадзя вызначанай групы асоб, ён перажыў у другой трэці XX ст. этап практычнага афармлення ў асобны метада вывучэння мінулага. З 1970-х гг. актыўна абмяркоўваецца тэарэтычны і метадалагічны фундамент прасапаграфіі. Пры гэтым яе папулярнасць не змяншаецца. Безумоўна, можна сцвярджаць, што ў XXI ст. прасапаграфія перажывае значны ўздым, пашыраючы тэматычна, храналагічна і геаграфічна сферу свайго выкарыстання. Айчынным гісторыкам варта ацаніць магчымасць ужывання метаду пры даследаванні актуальных праблем гісторыі Беларусі. Аднак для таго каб не забытацца ў вялікай колькасці інтэрпрэтацый, падыходаў, тэхнік і прыёмаў, якія распаўсюдзіліся сярод даследчыкаў-прасапаграфіаў у цяперашні час, трэба звярнуцца да яго пачаткаў, першых крокаў у яго развіцці, зробленых англасаксонскімі гісторыкамі ў другой трэці XX ст. Гэта дазволіць з усёй выразнасцю зразумець метадалагічны сэнс, сутнасць, асноўныя кірункі прасапаграфіі як метаду гістарычнага даследавання.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Stone L. Prosopography // *Daedalus*. 1971. № 1 (100). P. 46–79.
2. Keats-Rohan K. S. B. Introduction. Chameleon or Chimera? Understanding Prosopography // *Prosopography Approaches and Applications* / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford, 2007. P. 1–32.
3. Carney T. F. Prosopography: payoffs and pitfalls // *Phoenix*. 1973. No. 2 (27). P. 156–179.
4. Verboven K., Carlier M., Dumolyn J. A Short Manual to the Art of Prosopography // *Prosopography Approaches and Applications* / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford, 2007. P. 35–69.
5. Barnes T. D. Prosopography Modern and Ancient // *Prosopography Approaches and Applications* / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford, 2007. P. 71–82.
6. Klebs E., Rohden P. von, Dessau H. Prosopographia Imperii Romani Saec. I, II, III. Berolini, 1897–1898.
7. Prosopographia Imperii Romani Saec I, II, III. 2nd ed. Berlin, 1933–2015.
8. Martindale J. R. The prosopography of the Later Roman Empire: a memoir of the era of A. H. M. Jones' // *Fifty years of prosopography: the Later Roman Empire, Byzantium and Beyond*. Oxford, 2003. P. 1–10.
9. Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / eds: A. Pauly [et al.]. Stuttgart, 1894–1980.
10. Dictionary of national biography / ed. by S. Lee. London, 1900. Vol. LXIII.
11. Polski Słownik Biograficzny / red. A. Romanowski. T. 51/1. Warszawa ; Kraków, 2016.
12. Матвейчик Д. Ч. Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў : біягр. слоўн. Мінск, 2016.
13. Лісейчыкаў Д. В. Святар у беларускім соцыюме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. Мінск, 2015.
14. Beard C. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York, 1913.
15. Newton A. P. The Colonising Activities of the English puritans. New Haven, 1914.
16. Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George. 2nd ed. London, 1957.
17. Thomas P. Review of The Structure of Politics at the Accession of George III : rev. № 32a. 1997, June. URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/review/32a> (date of access: 11.02.2017).
18. Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.

19. Santangelo F. Syme, Momigliano, and a New Italian Edition of the Roman Revolution // *Histos*. 2014. No. 8. P. IXI–IXIII.
20. Ronald Syme, 86, Classics Scholar And Historian at Oxford, Is Dead. 1989, 7 Sept. URL: <http://www.nytimes.com/1989/09/07/obituaries/ronald-syme-86-classics-scholar-and-historian-at-oxford-is-dead.html> (date of access: 11.02.2017).
21. Merton R. K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England // *Osiris*. 1938. Vol. 4. P. 360–632.
22. Hollander J. Renowned Columbia Sociologist and National Science Winner Robert K. Merton Dies at 92. 25.02.2003. URL: <http://www.columbia.edu/cu/news/03/02/robertKMerton.html> (date of access: 11.02.2017).
23. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // *Изв. Урал. гос. ун-та*. 2005. № 39. С. 95–127.
24. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. ; М., 2005.

References

1. Stone L. Prosopography. *Daedalus*. 1971. No. 1 (100). P. 46–79.
2. Keats-Rohan K. S. B. Introduction. Chameleon or Chimera? Understanding Prosopography. *Prosopography Approaches and Applications*. Oxford, 2007. P. 1–32.
3. Carney T. F. Prosopography: payoffs and pitfalls. *Phoenix*. 1973. No. 2 (27). P. 156–179.
4. Verboven K., Carlier M., Dumolyn J. A Short Manual to the Art of Prosopography. *Prosopography Approaches and Applications*. Oxford, 2007. P. 35–69.
5. Barnes T. D. Prosopography Modern and Ancient. *Prosopography Approaches and Applications*. Oxford, 2007. P. 71–82.
6. Klebs E., Rohden P. von, Dessau H. Prosopographia Imperii Romani Saec I, II, III. Berolini, 1897–1898. Vol. 1–3 (in Lat.).
7. Prosopographia Imperii Romani Saec I, II, III. 2nd ed. Berlin, 1933–2015 (in Lat.).
8. Martindale J. R. The prosopography of the Later Roman Empire: a memoir of the era of A. H. M. Jones'. *Fifty years of prosopography: the Later Roman Empire, Byzantium and Beyond*. Oxford, 2003. P. 1–10.
9. Pauly A., Wissowa G., Kroll W., et al. (eds). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980 (in Germ.).
10. Lee S. (ed.). *Dictionary of national biography*. London, 1900. Vol. LXIII.
11. Romanowski A. (ed.). *Polski Słownik Biograficzny*. Warszawa ; Kraków, 2016. Vol. 51/1 (in Pol.).
12. Matveichyk D. C. [The participants of the rebellion of 1863–1864] : a biogr. dict. Minsk, 2016 (in Belarus.).
13. Liseichykau Dz. [Priest in Belarusian society: prosopography of the uniate clergy, 1596–1839]. Minsk, 2015 (in Belarus.).
14. Beard C. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York, 1913.
15. Newton A. P. The Colonising Activities of the English puritans. New Haven, 1914.
16. Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George. 2nd ed. London, 1957.
17. Thomas P. Review of The Structure of Politics at the Accession of George III : rev. No. 32a. 1997, June. URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/review/32a> (date of access: 11.02.2017).
18. Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.
19. Santangelo F. Syme, Momigliano, and a New Italian Edition of the Roman Revolution. *Histos*. 2014. No. 8. P. IXI–IXIII.
20. Ronald Syme, 86, Classics Scholar And Historian at Oxford, Is Dead. 1989, 7 Sept. URL: <http://www.nytimes.com/1989/09/07/obituaries/ronald-syme-86-classics-scholar-and-historian-at-oxford-is-dead.html> (date of access: 11.02.2017).
21. Merton R. K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. *Osiris*. 1938. Vol. 4. P. 360–632.
22. Hollander J. Renowned Columbia Sociologist and National Science Winner Robert K. Merton Dies at 92. 25 Febr. 2003. URL: <http://www.columbia.edu/cu/news/03/02/robertKMerton.html> (date of access: 11.02.2017).
23. Yumasheva Y. Y. [Historiography of prosopography]. *Izv. Ural. gos. univ.* 2005. No. 39. P. 95–127 (in Russ.).
24. Burde P. [Social space: fields and practices]. Saint Petersburg ; Moscow, 2005.

Артыкул пастуніў у рэдкалегію 03.04.2017.
Received by editorial board 03.04.2017.

ПУБЛИКАЦИИ

ПУБЛІКАЦЫІ

PUBLICATIONS

УДК 316(092):94(470)«1917»

ПИТИРИМ СОРОКИН: В БЕЗДНЕ РЕВОЛЮЦИИ

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ¹⁾, О. Ю. КУЗИВАНОВА²⁾, И. И. ЛЕЙМАН³⁾

¹⁾Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук, ул. Коммунистическая, 26, 167982, г. Сыктывкар, Россия

²⁾Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина, ул. Советская, 30, 167000, г. Сыктывкар, Россия

³⁾Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета
им. Питирима Сорокина, ул. Катаева, 9, 167001, г. Сыктывкар, Россия

Рассматривается глава «Бездна» из книги всемирно известного социолога П. А. Сорокина «Листки из русского дневника». В главе приводятся данные о революционных событиях в России 1917 г., участником которых оказался автор. Характеризуется политическая практика П. А. Сорокина в 1917–1918 гг. Освещается деятельность и ее основные результаты созданного в Сыктывкаре Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина.

Ключевые слова: Питирим Сорокин; мемуары; Великая русская революция; политические партии; Коми край; Центр «Наследие».

Образец цитирования:

Жеребцов И. Л., Кузиванова О. Ю., Лейман И. И. Питирим Сорокин: в бездне революции // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 101–112.

For citation:

Zherebtsov I. L., Kuzivanova O. Yu., Lejman I. I. Pitirim Sorokin: in the abyss of revolution. *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 101–112 (in Russ.).

Авторы:

Игорь Любомирович Жеребцов – доктор исторических наук; директор.

Ольга Юрьевна Кузиванова – кандидат исторических наук; директор.

Ирина Игоревна Лейман – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы.

Authors:

Igor L. Zherebtsov, doctor of science (history); director.
zherebtsov.hist@gmail.com

Ol'ga Yu. Kuzivanova, PhD (history); director.
rksorokinctr@mail.ru

Irina I. Lejman, PhD (history); head of the department of public relations and advertising.
irinalleyman@gmail.com

PITIRIM SOROKIN: IN THE ABYSS OF REVOLUTION

I. L. ZHEREBTSOV^a, O. Yu. KUZIVANOVA^b, I. I. LEJMAN^c

^a*Institute of Languages, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Kommunisticheskaya Street, 26, 167982, Syktyvkar, Russia*

^b*Pitirim Sorokin Centre «Heritage», Sovetskaya Street, 30, 167000, Syktyvkar, Russia*

^c*Institute for Human Sciences, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Kataeva Street, 9, 167001, Syktyvkar, Russia*

Corresponding author: I. L. Zherebtsov (zherebtsov.hist@gmail.com)

The Chapter «The Abyss» from the book of the famous sociologist P. A. Sorokin «Sheets from a Russian diary», dedicated to the events of November–December 1917 he participated in, is published. The introductory part gives a brief description of the political activities of P. A. Sorokin in 1917–1918, and provides information on the activities of the Center «Heritage» named after P. A. Sorokin, created in Syktyvkar.

Key words: Pitirim Sorokin; Great Russian revolution; political parties; Komi region; Centre «Heritage».

Социолог Питирим Александрович Сорокин получил широкую известность в научном (и не только) мире. Значительно менее известна политическая составляющая его биографии начала XX в. В этот период Россия переживала революционные бури. Стоит отметить, что, в то время как начало политической деятельности П. А. Сорокина несколько романтизировано и, возможно, приукрашено в знаменитой автобиографической книге «Долгий путь», в переломный 1917 г. ученый реально являлся довольно значимой фигурой в политической жизни как столицы Российской империи (Петрограде), так и ее окраины (Коми края). Именно взгляды П. А. Сорокина в 1917 г. определяли политические настроения абсолютного большинства обширного крайнего Северо-Востока Европы – родины ученого [1].

В основном с 1907 г. П. А. Сорокин жил в Петрограде, но продолжал поддерживать тесные связи с родиной, принимать участие в научных экспедициях, общаться с местной интеллигенцией, которая постепенно втягивалась в политическую жизнь страны. Еще в годы первой русской революции П. А. Сорокин, вступивший в партию социалистов-революционеров, сыграл весьма важную (возможно, ключевую) роль в политизации населения, возникновении партийных организаций эсеров и распространении социал-революционных идей среди жителей Коми края. В силу этого в 1917 г. с подавляющим большинством голосов П. А. Сорокин был избран в Учредительное собрание [2].

В предреволюционные годы в столице П. А. Сорокин познакомился со многими политиками, членами Государственной думы, руководителями различных политических партий, среди которых был и будущий премьер-министр Временного правительства А. Ф. Керенский. Когда началась Февральская революция, П. А. Сорокин записал в дневнике: «Ну что ж, да здравствует революция!». После Февраля политик работал в газетах «Дело Народа» и «Воля народа», являлся секретарем по проблемам науки во Временном правительстве, членом

особого совещания по выработке Закона об Учредительном собрании, организовывал Всероссийский съезд крестьянских депутатов, приветствовал провозглашение Российской республики 1 (14) сентября 1917 г., провел бурную предвыборную кампанию в Учредительное собрание, в котором собирался осуществлять активную деятельность [3]. Реализации планов П. А. Сорокина, который мог бы сделать блестящую политическую карьеру, помешал Октябрьский переворот. События Октября политик встретил резко отрицательно, а первые два месяца после переворота описал позднее в главе «Бездна» книги «Листки из русского дневника» [4]. Данная глава публикуется ниже в рамках настоящей статьи.

После явлений, описанных в «Бездне», произошел ряд событий. П. А. Сорокина арестовали 2 января 1918 г., а в феврале освободили, после чего он уехал в Москву. Там встретился с А. Ф. Керенским, и в мае, по просьбе последнего, увез из Москвы в Коми край (под Усть-Сысольск) жену, детей и тещу А. Ф. Керенского, где те прожили до августа 1918 г. Сам П. А. Сорокин до конца октября 1918 г. занимался общественно-политической деятельностью в районе Яренска – Котласа и Великого Устюга, позже оказался в устюжской тюрьме, где написал знаменитое письмо о выходе из партии эсеров и отказе от политической деятельности. Данное письмо получило широкую известность благодаря публикации в «Правде», а также благодаря статье В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». В конце ноября политика отправили в Москву, а в декабре 1918 г. освободили, и он уехал в Петроград, на этом политическая деятельность П. А. Сорокина завершилась. Коллегия Государственного политического управления при НКВД РСФСР 26 сентября 1922 г. постановила выслать П. А. Сорокина за границу. Он уехал из Петрограда на поезде, но вполне естественно стал ассоциироваться с когортой блестящих мыслителей, изгнанных из Родины на знаменитом «Философском пароходе» в том же году. П. А. Сорокин жил в Германии, затем

в Чехословакии, а в 1923 г. переселился в США, где и сделал блестящую научную карьеру [5, с. 7–11].

Несмотря на то что П. А. Сорокин не забывал свою малую родину и поддерживал контакты с оставшимися в Коми крае родственниками, до конца жизни (скончался 10 февраля 1968 г.) ему так и не удалось посетить родные места. В советский период российской истории имя П. А. Сорокина было табуировано как контрреволюционера и противника советской власти, а его выдающиеся достижения в качестве ученого-социолога с мировым именем замалчивались.

Только начиная с конца 1980-х гг. можно говорить о возвращении имени П. А. Сорокина на родину, в Россию. Первыми в Республике Коми о Питириме Александровиче заговорили ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, которые в 1989 г. провели мероприятие «Академическая среда», посвященное 100-летию выдающегося мыслителя. Примерно в это же время имя П. А. Сорокина начинает входить в культурно-общественную среду: проводятся различные мероприятия, появляются публикации в республиканских газетах. Значительную роль в «возвращении» Питирима Сорокина сыграло общественное движение коми народа «Коми войтыр», которое поддерживало все общественные инициативы по расширению знаний о личности и творчестве ученого.

К осознанию мирового значения вклада П. А. Сорокина в социологическую науку общественность подтолкнуло признание заслуг ученого современной российской социологией. В конце 1990-х гг. начинается лавинообразная публикация в российских научных журналах монографий и статей, посвященных биографии и научному творчеству П. А. Сорокина, на самом высоком уровне проводятся международные конференции. Имя П. А. Сорокина институционально закрепилось в российской социологической науке как имя выдающегося ученого и самого известного в мире российского социолога.

Большой вклад в легитимацию имени П. А. Сорокина внесли посвященные ученому международные конференции в Сыктывкаре (1992 г., 1999 г., 2009 г., 2014 г.). Трижды в город приезжал сын ученого Сергей Питиримович Сорокин, ныне проживающий в США. Во время его визита в 2009 г. в селе Турья, где родился П. А. Сорокин, была открыта стела и музей в память об ученом, в 2014 г. перед Сыктывкарским государственным университетом установлен единственный в мире памятник этому социологу, а в том же году университету было присвоено имя П. А. Сорокина.

В связи с ростом общественного интереса к личности и научному наследию П. А. Сорокина руководство Республики Коми приняло решение о создании специального учреждения, в обязанности которого будет входить популяризация наследия ученого. Также учреждение должно быть институционально встроено в сферу науки и культуры. Постановлением Правительства Республики Коми в 2010 г. было образовано государственное бюджетное учреждение «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина».

Создание Центра стало возможным благодаря двум обстоятельствам: общественному признанию П. А. Сорокина на родине как выдающегося ученого и земляка и интересу региональных государственных органов власти к тому, чтобы научное наследие ученого стало составной частью культурного имиджа республики. Кроме того, Центр «Наследие» сразу предстал в качестве культурного и научного учреждения, значимого для России в целом, что также способствует обогащению имиджа республики.

Главная уставная задача Центра – популяризация, и включение в социально-культурную жизнь республики наследия П. А. Сорокина¹. Одно из важнейших направлений деятельности Центра «Наследие» реализуется через издание одноименного научного журнала, первый номер которого вышел в 2011 г. Изначально журнал был ежегодником, а с 2014 г. начал выходить два раза в год. Можно сказать, что журнал «Наследие» объединяет единомышленников в отношении деятельности П. А. Сорокина, разделяющих его методологические и мировоззренческие основы и готовых развивать идеи ученого в ракурсе современности.

В материалах журнала исследуются научные теории самого П. А. Сорокина, отражается их связь с актуальными проблемами современности, рассматриваются факты из биографии ученого через призму социально-культурной среды XX в., публикуются материалы по истории социологии, актуальным современным социально-политическим проблемам. К настоящему времени вышло восемь номеров журнала².

Ежегодно в феврале Центр проводит круглые столы, именуемые «Сорокинские чтения», приуроченные ко дню рождения П. А. Сорокина. В работе круглых столов участвуют ученые, журналисты, краеведы, которые обсуждают темы, связанные с жизнью и творчеством ученого, а также перспективы применения его идей в оценке современных социокультурных изменений [6].

Важным направлением деятельности Центра является издание трудов П. А. Сорокина. В настоящее время реализуется крупный республиканский

¹Устав Центра «Наследие» [Электронный ресурс]. URL: <http://rksorokinctr.org/images/docs/ustav.pdf> (дата обращения: 10.05.2017).

²См. архив. URL: <http://rksorokinctr.org/index.php/2011-06-02-18-12-00.html>

проект по изданию собрания сочинений ученого, куда предположительно войдет 30 томов, из которых в настоящее время издано пять: «Ранние сочинения. 1910–1914 гг.» [7], «Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» [8], «Преступление и кара, подвиг и награда» [9], «Прачечная человеческих душ. Художественные произведения 1907–1923 гг.» [10] и «Листки из русского дневника. Социология революции» [4].

Переломной точке отечественной истории – Русской революции – в 2017 г. исполняется 100 лет. Питирим Сорокин, вовлеченный в вихрь двух революций 1917 г., оставил ценные воспоминания, проливающие свет на многие аспекты эпохальных событий тех дней. В дальнейшем особое внимание в творчестве автор уделял теме войны и революции. В связи с этим 3 февраля 2017 г. Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина совместно с Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук провел уже ставший традиционным круглый стол «Сорокинские чтения» на тему: «П. А. Сорокин “Листки из русского дневника” (к 100-летию Русской революции 1917 г.)» [11].

«Листки из русского дневника» – это дневниковые записи и воспоминания П. А. Сорокина, начиная с февраля 1917 г. и заканчивая сентябрем 1922 г. Рукопись была подготовлена к публикации сразу после эмиграции, переведена на английский язык и опубликована в 1924 г. в США. На русском языке дневники публиковались частями, а полностью были выпущены в 2015 г. в собрании сочинений. Другая близкая по теме работа П. А. Сорокина, «Социология революции», вышла в свет в США в начале 1925 г. Сохранился машинописный текст книги на русском языке, который спустя много лет был опубликован в России. К публикации обе книги подготовил известный специалист по творчеству П. А. Сорокина В. В. Сапов, он же перевел «Листки из русского дневника» на русский язык.

Эта книга была написана П. А. Сорокиным в самые трудные годы его жизни – в период революции 1917 г. Понимая, что он является свидетелем эпохальных событий, ученый со всей наблюдательностью социолога стал вести дневник. Причем записи делались им в разных условиях: дома при свечах и керосиновой лампе; в лесу, когда он скрывался от преследования большевиков; в тюрьме. Затем, уже в Америке, эти записи были дополнены его воспоминаниями.

Сам автор не скрывает того факта, что «Листки из русского дневника» проникнуты огромной неприязнью к большевикам и большевистской власти. В автобиографическом романе «Долгий путь» П. А. Сорокин подтверждает, что в тот американский период, когда готовились к печати «Листки...», в анализе революционных событий в России

он «особо выделял разрушительность, жестокость и зверства пяти первых лет коммунистической революции...» [12, с. 171]. Данный факт замечали американские критики и писали об этом в рецензиях. Оценки П. А. Сорокина событий Русской революции порой были особенно жесткими и, как следствие, наводили читателя на мысль о необъективности автора. Так, в одной из рецензий было написано, что у П. А. Сорокина проявляется «психология беженца» и «обида изгнанного из своей страны политика», поэтому он дает нелюбимые оценки большевистской власти [4, с. 600–604].

На наш взгляд, чувства П. А. Сорокина на самом деле были результатом неподдельного шока от Русской революции и ее результатов. Напомним, что сам ученый имел опыт революционной подпольной работы в царской России, активно включился в революционную деятельность в 1917 г., а потом стал свидетелем неспособности Временного правительства навести в стране порядок и вернуть стабильность. Большевики же, к которым у П. А. Сорокина была идеологическая неприязнь, осенью 1917 г. взяли власть в свои руки и установили диктатуру. Прежде революция казалась П. А. Сорокину вполне демократичной, а насилие и разрушения, связанные с ней, – приемлемыми. Однако с начала диктатуры большевиков революция для ученого превращается в сплошной ужас, кровавый террор и бандитизм, что и отражено на страницах «Листков из русского дневника». По мере осознания всей разрушительности произошедшей революции, П. А. Сорокин приходит к пониманию иллюзорности своих дореволюционных представлений о способах переустройства общества. В «Листках...» он пишет: «Традиционная идеология русской интеллигенции – материализм, социализм и революция – сгорела в пожарище революции» [4, с. 212], «отныне я не революционер, ибо революция есть катастрофа» [4, с. 151].

Пережив личностный, идеологический и мировоззренческий кризис, П. А. Сорокин только спустя много лет смог дать более объективную оценку Русской революции. Часть V «Листков...» называется «Тридцать лет спустя». В ней автор подводит итоги революции, отмечает достижения и неудачи. Взгляды П. А. Сорокина к этому времени эволюционировали, теперь он видит революцию не как переворот, совершенный группой фанатиков, навязавших свою волю всему обществу, а как историческое событие в ряду других разрушительных событий «эпохального распада <...> чувственной западной культуры» [4, с. 253]. От обличений жестокостей и ужасов Октября П. А. Сорокин переходит к отрицанию любых революций и войн, называя их «вспышками массовой ненависти» и призывая народы следовать законам любви, творчества и свободы.

Эмоциональное потрясение П. А. Сорокина от Русской революции было настолько сильным, что мотив отрицания насилия как возможного инстру-

мента политической борьбы стал проходить через все его творчество. Понимание разрушительности социальной революции привело уже всемирно известного социолога к теории альтруистической

любви, которую П. А. Сорокин развивал в последние десятилетия своей научной карьеры. При Гарвардском университете социологом был создан центр по изучению творческого альтруизма.

Сорокин П. А. Листки из русского дневника

Глава восьмая¹

БЕЗДНА

Октябрь — декабрь 1917

Бездна наконец-то разверзлась. Большевизм одержал победу... Все произошло очень просто. Временное правительство и первый Всероссийский Совет были свергнуты так же легко, как и царский режим. Через свои Военно-революционные комитеты большевики получили контроль над военными силами. С помощью петроградского Совета рабочих депутатов получили власть над рабочим классом. Эти солдаты и рабочие Петрограда захватили все автомобили на улицах, заняли Зимний дворец, Петропавловскую крепость, железнодорожные станции, телефоны и почтамты. Для того, чтобы свергнуть старое правительство и образовать новое, потребовалось всего лишь двадцать четыре часа.

Двадцать пятого октября, несмотря на болезнь, я направился к Зимнему дворцу, чтобы узнать новости. На улицах я увидел привычное зрелище: мчащиеся автомобили, полные матросами и солдатами-латышами; ни одного трамвая, ни дрожек. Эта ситуация настолько обыкновенна для нас, выросших в таких условиях, что я ничему не удивился. Подойдя к Зимнему, я увидел, что он окружен большевистскими войсками. Было бы чистой глупостью идти прямо в их лапы, поэтому я развернулся и направился в Мариинский дворец, чтобы найти кого-нибудь из Совета республики. Там я узнал, что в то время, когда Керенский в спешном порядке отправился на фронт за военной поддержкой, Коновалов и другие министры, в том числе и петроградский губернатор Пальчинский, забаррикадировались в Зимнем дворце, который защищали лишь женский батальон и три сотни юнкеров.

— Это возмутительно! — бушевал депутат от меньшевиков. — Мы заявим решительный протест против этого насилия.

— Что, мы собираемся принять еще одну резолюцию? — съязвил я.

— От имени Совета депутатов, Совета Республики и правительства мы обратимся к стране и мировой демократической общественности, — ответил он, оскорбленный моим легкомыслием.

— И что это будет, как не еще одна резолюция? — спросил я не без иронии.

— Мы должны обратиться к армии.

— К какой такой армии?!

— К офицерам и казакам, которые еще верны правительству.

— То есть к тем самым людям, которых революционеры и демократы поносили как контрреволюционеров и мракобесов, — настаивал я. — Неужели вы забыли, как оскорбляли их, особенно после провала корниловского мятежа? И после всего этого вы воображаете себе, что они захотят нас защищать? Я, наоборот, думаю, что они скорее обрадуются тому, что произошло.

На открывшейся сессии Совета республики на обсуждение был вынесен протест против преступного свержения правительства и попрания прав народа. Но дискуссия была непродолжительной, потому что в зал заседаний внезапно ворвались солдаты, которые объявили:

— Согласно указу нового правительства, Совет республики должен быть распущен. Покиньте помещение немедленно. В случае неповиновения вы будете арестованы.

Председатель Совета произнес:

— Все слышали резолюцию о протесте. Кто за, поднимите руку.

¹Печатается по изданию: Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / пер., сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар, 2015. С. 107–115, 676–678.

Резолюция была принята. Затем председатель добавил:

— Под угрозой силы Совет Республики вынужден временно прекратить свою работу. Таким был конец первой республики, такой же бесславный, как и роспуск Думы.

С большим трудом я пробрался через толпу к исполкому Совета крестьянских депутатов. Здесь тоже царило крайнее возбуждение. Меньшинство Совета под руководством Спиридоновой, Натансона, Штейнберга, Каца и Шрейдера уже готово было присоединиться к большевикам. Большинство Совета выглядело беспомощным, но я все же обнаружил признаки активности: в одном из помещений депутаты были вооружены револьверами и ручными гранатами. Это, по крайней мере, больше походило на дело, чем пустые разговоры.

— Товарищ Сорокин, есть у вас револьвер? — спросил у меня глава военной секции. И на мой утвердительный ответ сказал:

— Возьмите еще один. Может пригодиться.

Было принято решение, что наши представители должны встретиться сегодня вечером с членами Всероссийского Совета, и, поскольку большевики, безусловно, попытаются при поддержке петроградского Совета вынудить большинство Всероссийского Совета присоединиться к ним, договорились, что местом встречи с этим большинством будет городская Дума, центр антибольшевистских сил.

Я простудился и пролежал весь день в постели. Слышал несмолкающий грохот орудий, стрекотание пулеметов и треск винтовок. По телефону я узнал, что большевики привели из Кронштадта военное судно «Аврора» и открыли огонь по Зимнему дворцу, потребовав от членов Временного правительства, забаррикадировавшихся в нем, сложить свои полномочия. В семь часов вечера я отправился в городскую Думу. Из многих вопросов, стоявших перед нами, была и та ужасная ситуация, что сложилась на данный момент в Зимнем дворце. Отчаянное сопротивление атаке большевистских войск оказывали женский батальон и отряд юнкеров, да еще министр Коновалов призывал на помощь по телефону. Несчастные девушки и несчастные парни — положение их было безнадежно, и мы понимали, что озверевшие матросы после взятия дворца, скорее всего, порвут их на куски. Что мы могли сделать? Наскоро посовещавшись, мы приняли решение, что все мы, т. е. члены Советов, городской управы, комитетов социалистических партий, члены Совета республики, должны организовать шествие к Зимнему дворцу и предпринять все возможное для спасения министров, женщин-солдат и юнкеров. Мы уже приготовились идти, когда раздался телефонный звонок и в трубку прокричали:

— Ворота Дворца взяты. Началась бойня... Скорее! Толпа уже захватила первый этаж. Все кончено. Прощайте... Они ломают дверь. Они...

Последние слова Коновалова заглушил крик.

Мы поспешно построились в нечто похожее на колонну и двинулись в темноте по неосвещенным улицам, находя путь лишь с помощью нескольких тусклых фонариков. Никогда еще Петроград не видел столь безотрадного шествия. Мы, как призраки, шли в полной тишине. Около Казанского собора дорогу нам преградили три автомобиля, забитые матросами с пулеметами и бомбами.

— Стой! Кто идет?

— Представители управы, Советов, Совета республики и социалистических партий.

— И куда направляетесь?

— К Зимнему дворцу, чтобы закончить гражданскую войну и спасти его защитников.

— К дворцу никому нельзя. Поворачивайте назад, иначе откроем по вам огонь.

Делать нечего — в зловещей тишине мы вернулись в здание Городской думы. Там мы попытались связаться с Зимним дворцом, но провода к тому времени уже были обрезаны. Огонь прекратился, и мы предполагали, что бойня идет полным ходом.

В непроглядной тьме я доплелся до своего дома. Жена от страха за меня была полужива. Но я успокоил ее.

— Дорогая моя, теперь мы должны быть готовы ко всему что угодно. И наверное, к худшему.

На следующий день я пошел на встречу с моими несчастными товарищами. Положение вещей было ужасающим. На углу Знаменской и Бассейной я натолкнулся на толпу солдат, грабивших винный склад. Уже зверски набравшись, они выкрикивали: «Да здравствуют большевики! Смерть министрам-капиталистам!» Аналогичные сцены наблюдались повсюду. Огромные толпы солдат, матросов и рабочих грабили подвалы Зимнего дворца. Сквер был завален осколками бутылок. Крики, вопли, стоны, матерщина наполнили ясное утро.

Многие из тех, кто забирался в подвалы, не могли оттуда выбраться из-за натиска тех, кто, обезумев, заталкивал их назад, стремясь попасть внутрь. Подвалы были буквально затоплены вином из разбитых бочек и бутылок. И многие на самом деле утонули в этом потоке.

Осажденных министров не убили, а отправили в Петропавловскую крепость, к царским министрам. Но судьба женщин оказалась гораздо хуже, чем можно себе представить. Многие из них были убиты, тех, которым не удалось избежать легкой смерти, большевики зверски изнасиловали^{1*} (здесь и далее цифры со звездочкой отсылают к комментариям после текста. — *примеч. ред.*). Некоторые женщины солдаты подверглись такому извращенному насилию, что они умерли в страшной агонии. Некоторые чиновники Временного правительства также были убиты с садистской жестокостью.

О, свобода, какие преступления, какие невыразимо тяжкие преступления совершаются во имя твое!

От Керенского поступали сбивчивые известия. Руководители партии эсеров и социал-демократов на встрече попытались собрать юнкеров и учащихся кадетских училищ.

В помещении редакции нашей газеты я написал свою первую статью о победителях, заклеив их как убийц, насильников, бандитов и грабителей^{2*}. Я подписался под этой статьей своим полным именем, несмотря на протесты моих коллег и даже наборщиков текста. «Пусть моя подпись останется, — ответил я. — Мы все так или иначе стоим лицом к лицу со смертью». Если говорить без ложной скромности, моя статья имела такой успех, что нам пришлось тираж этого номера газеты увеличить втрое по сравнению с обычным. Пока мои друзья радовались этому, банды на улицах все более распоясывались, врываются даже в частные дома. Повсюду убийства, нападения, повешенные, особенно в винных магазинах. Страсть к выпивке росла так быстро, что целые толпы рисковали умереть от этого. Необходимо было произвести безотлагательную «национализацию» магазинов алкогольной продукции. Отчаявшиеся жители готовились к защите своих домов. С наступлением вечера вооруженная группа людей ворвалась в редакцию нашей газеты с целью арестовать всех сотрудников. К счастью, в то время там был только Лебедев, экс-министр военно-морского флота в кабинете Керенского, и он сумел скрыться через черный ход. Друзья уговаривали меня не ночевать дома, и я решил последовать их совету. Я согласился также изменить свою внешность, и поэтому перестал бриться. Многие сделали то же самое: раньше всегда чисто выбритые мужчины отращивали бороды, а бывшие прежде бородачами начали бриться.

На следующий день от Керенского не поступило никаких известий, но мы узнали о сражении под Гатчиной и массовых убийствах учащихся всех кадетских училищ Петрограда. Эти юные герои сражались как львы и погибли, как настоящие патриоты. Все общественные заведения были закрыты: школы, магазины, банки, конторы. Голод повсеместно усиливался.

Керенский потерпел поражение. Большевики захватили банки, государственные и частные, и мой друг Пятаков назначен министром финансов. С фронта приходят новые ужасающие известия. Верховный главнокомандующий Духонин был убит вместе с сотнями других офицеров^{3*}. Наша армия сейчас — это одичавшая толпа, бегущая сломя голову и сметающая все на своем пути. Немецкое вторжение теперь неизбежно.

Чиновники и служащие государственных и частных учреждений устроили забастовку в знак протеста против большевистского произвола. Этот саботаж является серьезной угрозой новым правителям, которые обрушили на них беспощадные репрессии. Многие брошены в тюрьму. Несмотря на это, забастовщики держатся стойко. Сегодня я выступал на их собрании, и, как только закончил, председатель крикнул:

— За вами пришли! Бегите через эту дверь!

Я выскочил на улицу и был быстро увезен на автомобиле, который эти простые герои держали на всякий случай.

Началась игра в кошки-мышки. Отлично, пусть я буду мышкой. Нас в конце концов поймают, но, пока этого не произошло, мы должны сохранять совесть и неуклонно делать то, чего требуют разум и долг.

Сегодня мой коллега Аргунов, один из основателей партии социалистов-революционеров, попался в когти кошки. Издание и печатание газет будет теперь сопряжено с большими трудностями. Вторжения в редакционные и типографские помещения стали событиями заурядными. Солдаты-большевики уничтожают тиражи газет и даже типографские станки. Формально мы подчиняемся постановлениям о запрещении наших газет, но они

сразу же появляются снова под несколько измененными названиями. «Воля народа», запрещенная вчера, сегодня выходит как «Воля», а затем — как «Народ», «Чаяния народа» и т. п. Газета «День» появляется как «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь», «Полночь», «Час ночи», «Два часа ночи». Главное — это то, что наши газеты продолжают выходить. Читатели, которые не смогли достать газету утром, прочтут ее вечером.

Сегодня я опять едва избежал ареста. Как только я вошел во двор нашей редакции, за мной устремилась банда преследователей, одни вошли в редакцию, другие остались у ворот. К счастью, они не знали меня в лицо, и, поскольку было темно, я задержался снаружи, чтобы обдумать план побега. Один из наших наборщиков появился в дверях, я подозвал его и обрисовал ему свою ситуацию. «Минуточку», — сказал он и через некоторое время вернулся с документом, удостоверяющим, что я работник типографии. «Ну, теперь порядок. Выходим вместе, как будто хотим поужинать». Возле ворот нас остановили и потребовали документы. Мы их предъявили, и охранник грубо сказал: «Проходите». Таким образом, мышка снова ускользнула. Интересно, что этими преследованиями занимаются те самые люди, которые совсем недавно громче всех выступали за свободу печати.

Наше домашнее дневное меню стало, мягко говоря, экзотическим. Хлеба нет, но вчера в небольшой лавке мы нашли несколько банок консервированных персиков. Вместо хлеба мы приготовили «пирог» из картофельных очистков, и оказалось, что есть его не так уж и противно. Да здравствует революция, поощряющая изобретательность и делающая людей скромнее в их аппетитах и желаниях!

Выборы в Учредительное собрание проводятся по всей России. Эти выборы станут ответом страны на большевистскую революцию. Если правда на стороне большевиков, то они должны получить большинство голосов. Конечно, большевики делают все, что в их силах, для того, чтобы сорвать выборы, а преследуемые ими мыши прилагают все усилия, чтобы выборы состоялись. В течение последней недели я выступил на двенадцати митингах. У трудящихся наступила первая стадия отрезвления. Рай, нарисованный большевистской идеологией, начал тускнеть, как и враждебность по отношению к социал-патриотам. Трижды простые рабочие спасали меня от ареста. На митинге у Трубочного завода^{4*} появилась группа вооруженных людей, которые прервали мою речь криками: «Наконец-то ты попался! Ты арестован!» Я крикнул в ответ: «Я буду арестован, если присутствующие здесь рабочие согласятся на это».

— Руки прочь от товарища Сорокина! — заревела толпа. Пока одна часть толпы удерживала солдат, другая окружила меня и помогла скрыться.

Опубликованы предварительные результаты выборов: большевики проиграли. Вместе с левыми эсерами они оказались далеко позади правых эсеров и в Учредительном собрании составляют меньшинство. В Вологодской губернии я и другие мои товарищи собрали приблизительно девяносто процентов всех голосов. Вчера вечером мы устроили чрезвычайно экстравагантный банкет: для каждого из нас на столе был кусочек хлеба, половина сосиски, консервированные персики и чай с сахаром.

Большевики потерпели явное поражение^{5*}, но наша ситуация осложняется, ответственность несоизмеримо возрастает. Если бы большевики получили большинство голосов, мы вынуждены были бы подчиниться, но народное голосование провозгласило их правительство незаконным. Мы, конечно, понимаем, что они не собираются мириться с этим приговором. Пока они надеялись на благоприятный для них исход выборов, они не возражали против созыва Учредительного собрания. Теперь они попытаются воспрепятствовать этому. На силу мы должны ответить силой. Другого пути у нас нет.

Создан Комитет защиты Учредительного собрания^{6*}. Он хорошо действует в сфере пропаганды, но не так успешно — в деле формирования вооруженных сил. У нас есть какое-то количество войск, но явно меньше, чем у большевиков. Я выступаю каждый день, посещаю заседания, на которых разрабатываются законы, декреты и политика Учредительного собрания. Тем временем я по-прежнему играю роль мышки, убегающей от кошки. По закону все депутаты пользуются правом неприкосновенности, но закон — это одно, а действия большевиков — совершенно другое. Все дороги теперь ведут в тюрьму. Я устал, я измотан отчасти работой и нервозностью, отчасти — голодом. Но я повторяю слова поэта: «Подожди немного, отдохнешь и ты»^{7*}. В тюрьме или в могиле.

Атака на Учредительное собрание началась с того, что большевики приказали всем депутатам отправиться к Урицкому, специально назначенному комиссаром, для регистрации наших имен и адресов и предъявления документов, подтверждающих факт выбора в Учредительное собрание, открытие которого перенесено с 27 ноября на 5 января 1918 года.

Мы объявили этот приказ незаконным. Народные депутаты не могут уклониться от явки к Урицкому, поскольку проверка их полномочий является задачей специальной комиссии депутатов, большинство которых составляют большевики. Кроме того, мы заявили протест по поводу произвольного переноса неформального созыва депутатов, назначенного на 27 ноября.

27 ноября. Этот день, который по закону должен был стать днем открытия Учредительного собрания, начался изумительным рассветом. Голубое небо, ослепительно белый снег — все это стало прекрасным фоном для видневшихся повсюду плакатов: «Да здравствует Учредительное собрание — хозяин земли Русской!» Толпы людей с этими плакатами приветствовали высшее руководство страны, истинный голос русского народа. Когда депутаты дошли до площади Таврического дворца, тысячи людей приветствовали их оглушительными криками. Но подойдя к дворцовым воротам, депутаты обнаружили, что они закрыты и охраняются вооруженными до зубов латышскими стрелками.

Нужно было что-то делать, причем безотлагательно. Взобравшись на железную ограду дворца, я обратился к народу, а тем временем другие депутаты, следуя моему примеру, перелезали через решетку ограды. Им удалось отпереть ворота, и толпа, ворвавшись во двор, заполонила его. Ошеломленные смелостью этого прорыва, латышские стрелки прибывали в нерешительности. Мы напирали на двери дворца, также охраняемые латышскими стрелками, позади которых находились Урицкий и другие большевики. Переговорив еще раз с людьми, я решил обратиться к латышским стрелкам с благодарностью за гостеприимство по отношению к высшей власти России и их явную готовность защищать свободу. В заключение своей речи я обнял командующего ими офицера. Вокруг царил полная неразбериха, в результате чего дверь была открыта, и мы вошли внутрь. За нами вошли и многие простые граждане. На пути встал Урицкий, еврей с чрезвычайно отталкивающей внешностью, потребовавший от нас пройти в его кабинет для того, чтобы зарегистрироваться, но мы презрительно оттолкнули его, заявив, что Учредительное собрание не нуждается в его услугах. Была принята резолюция, что, несмотря ни на какие препятствия, Учредительное собрание откроется 5 января.

Чтобы обеспечить его открытие, мы проводили ежедневные митинги на заводах и среди солдат. В это же время наши лидеры продолжали свою работу по подготовке основных законов и постановлений, процедурных и других вопросов. Эти совещания происходили, как правило, у меня на квартире. Перед лицом глубочайшего кризиса мы стремились к тому, чтобы похоронить все расхождения во взглядах и пытались работать абсолютно согласованно. До сих пор обнаруживались признаки общей слабости.

Сегодня на митинге представителей петроградского гарнизона предметом обсуждения стало отношение солдат к Учредительному собранию. Были представлены докладчики от всех партий. Гарнизон занял скорее выжидательную позицию, не враждебную, конечно, но и не агрессивно-оборонительную. Обозленный этим проклятым пацифизмом, я вспылil и попросил солдат вспомнить, сколько поколений русский народ мечтал о созыве Учредительного собрания как о величайшем благе, которое может быть в их жизни.

— Тысячи мужчин и женщин, — говорил я, — жертвовали собой, чтобы воплотить эту мечту в жизнь. И сейчас, когда дело идет к тому, что Учредительное собрание вот-вот откроется, вы тешите себя идеей рая, который вам обещают большевики, отказываетесь выполнять свой долг. Вы — изменники Родины! Если вы поддадитесь этому безумному обману, вам потом придется пожинать его плоды. Не пройдет и несколько месяцев, как на вас обрушатся тирания, гражданская война, ужасы, которые вы даже не в состоянии себе представить. Тогда вы вспомните того, кто предупреждал вас о том предательстве, которое вы собираетесь совершить. Вот все, что я могу сказать.

Два отряда пообещали защищать Собрание. На другие надежды нет.

На Петроград обрушилась тяжкая длань разрухи. Вся деловая жизнь давно уже парализована. Магазины закрыты. На фабриках царит разруха, работники проводят дни за пустыми разговорами. Горы грязного снега заблокировали улицы. Днем и ночью слышится стрельба. Безумие, грабежи, мародерство захлестнули города и села. Армии больше нет, и немцы могут идти куда им угодно.

Вот и последний день 1917 года. Я оглядываюсь на него с чувством горечи и разочарования. 1917 год принес нам революцию, но что принесла эта революция, кроме разрушения и позора? Получили ли мы свободу? Улучшила ли она положение народа? Нет, революция превратилась в зверя, она как порочная проститутка, от которой ожидали, что она — чистая богиня, как это описывали некоторые революционеры.

Новый год мы встречаем вместе: лидеры эсеров и депутаты. Все наши разговоры пронизаны глубокой печалью, смешанной с мрачной решимостью умереть в борьбе за свободу. Это траурное настроение достигло апогея после слов, произнесенных моим другом К.^{8*}, — а мы в это время слушали знаменитую арию из оперы Мусоргского «Хованщина» («Стрелецкий сон»):

— Моя несчастная Россия спит; она окружена врагами! Иноземцы грабят ее. Много лет назад она была под татарским игом, стонала под ярмом бояр. Моя несчастная Россия! Кто теперь спасет тебя от врагов? Кто теперь убережет тебя от злосчастной участи? О, моя любимая, бедная Россия!^{9*}

Эти слова потрясли нас до глубины души.

«Мы не знаем, кто спасет нашу Россию. Но какие бы горести ни обрушились теперь на тебя, любимая наша страна, ты не погибнешь. Ты воскреснешь из праха, великая страна, великий народ, самая могучая из всех могучих на всей земле. Если от нас потребуется, чтобы мы ради этого отдали свои жизни, — мы готовы.

Таковы были слова нашего красноречивого К., ими мы и закончили празднование Нового года.

Перспективы 1918 года покрыты мраком, но, что бы ни случилось, я верю в мою страну и ее историческую миссию. Рано или поздно мы найдем выход. Я благословил каждый день и каждую ночь моей любимой страны.

Комментарии

^{1*}Говоря о «зверских изнасилованиях» женского батальона в дни Октябрьской революции большевиками, П. А. Сорокин опирается, по-видимому, на слухи, которые распространялись на страницах антибольшевистской прессы и на заседаниях городской думы. Советские ученые, напротив, в течение всех лет существования советской власти доказывали, что Октябрьский переворот произошел почти без жертв с обеих сторон или, по крайней мере, при минимальном количестве жертв. По подсчетам советских историков, общее число жертв за период октябрьского вооруженного восстания составляло: убитых 10–15 человек, раненых около 50–60. Что касается жертв во время взятия Зимнего дворца, то они составляли 6 убитых и несколько раненых (*Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 461–462). Джон Рид, свидетель тоже не вполне объективный, пишет по этому поводу следующее: «Говорилось, что некоторые женщины-солдаты были выброшены на мостовую из окна, почти все остальные были изнасилованы, а многие сами покончили с собою, будучи не в состоянии пережить все эти ужасы». Однако особая комиссия, назначенная для расследования всех обстоятельств дела, засвидетельствовала, что «из окон Зимнего дворца не было выброшено ни одной женщины, что изнасилованы были трое и что самоубийством покончила одна, причем она оставила записку, в которой пишет, что “разочаровалась в своих идеалах”» (*Рид Д.* Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968, с. 550).

^{2*}Имеется в виду статья «Победителям» (Воля народа. 1917, № 156, 28 октября).

^{3*}Генерал Н. Н. Духонин, бывший при Керенском начальником штаба верховного главнокомандующего, принял на себя обязанности верховного главнокомандующего 1 ноября 1917 г. ввиду безвестного отсутствия Керенского. Советское правительство потребовало от Духонина официально обратиться к немцам с предложением прекратить военные действия и начать переговоры о мире. Ставка (находившаяся в то время в Могилеве) ответила на это молчанием. В ночь на 9 ноября Духонина вызвали к прямому проводу. В Петрограде у аппарата находились Сталин и Крыленко. Духонину вновь, на этот раз ультимативно, было предписано приступить к заключению перемирия. Он ответил, что только правительство, поддерживаемое армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов, и указание Совнаркома выполнить отказался. В тот же день Совнарком объявил Духонина смещенным со своего поста. Новым главнокомандующим Совнарком назначил прапорщика Н. В. Крыленко. Духонину под страхом ответственности было предписано продолжать ведение дел до прибытия его преемника. Н. В. Крыленко прибыл в Могилев около 11 часов вечера 19 ноября 1917 г. Первым делом большевистский главноверх распорядился доставить к нему Духонина. Они беседовали около часа, после чего Крыленко отбыл в город, оставив Духонина в вагоне. Часа через два Крыленко донесли, что у вагона, где находился Духонин, собралась толпа солдат и матросов, которая требует его выдачи. Крыленко немедленно отправился на вокзал. С трудом пробившись сквозь людскую массу, он поднялся на площадку вагона и стал уговаривать собравшихся разойтись.

В конце концов толпу удалось успокоить. Солдаты выражали готовность уйти, если им выдадут пусть не самого Духонина, так хотя бы его погоны. Крыленко и приехавший с ним генерал С. И. Одинцов (кстати, однокурсник Духонина по академии) прошли в вагон и попросили у Духони-

на для спасения его жизни его погоны. У Духонина тряслись руки, и он не мог отцепить погоны от кителя. Тогда Одинцов сам отвязал их и передал Крыленко.

Получив погоны, толпа разошлась. Но через полчаса Крыленко снова вызвали из вагона. Оказалось, что пришла делегация матросов и требует выдать ей Духонина. Крыленко опять начал уговоры, но в это время другие матросы проникли на площадку за его спиной, ворвались в вагон и вытащили наружу Духонина. Кто-то всадил ему в спину штык, затем его сбросили на землю и добивали ногами. Поживились и мародеры — с тела стащили сапоги, вытащили часы с бумажником и сняли верхнюю одежду. На следующий день гроб с телом Духонина был поставлен в товарный вагон и прицеплен к киевскому поезду. В Киеве Духонин был похоронен на Лукьяновском кладбище.

История русской революции полна кровавых эпизодов. Убийство десятков и сотен старших и высших офицеров стало привычным делом и проходило незамеченным. Но расправа над Духониным явилась одним из первых дел такого рода и потому прогремела на всю страну. Выражение «отправить в штаб Духонина» как эвфемизм для обозначения убийства было повсеместно распространено на протяжении всей Гражданской войны. В этом смысле смерть Духонина стала началом страшной междоусобной бойни» (*Ушаков А., Федюк В.* Корнилов. М., 212, с. 271–272; см. также: *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. London, 1991, с. 41). Следует отметить, что есть версия о том, что убийство генерала Духонина было если не спровоцировано Крыленко, то, по крайней мере, произошло с его попустительства.

^{4*}Трубочный завод был основан в Петербурге в 1869 г. с целью ликвидировать экономическую и военную отсталость страны, о чем свидетельствовало поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. Перед Первой мировой войной Трубочный завод оказался одним из самых крупных в городе по численности рабочих. Целый ряд политических партий добивались своего влияния на его коллектив. Отражением тех событий явился митинг, состоявшийся на заводе в мае 1917 г., на котором выступали министры Временного правительства, лидеры меньшевиков. Позицию большевиков защищал В. И. Ленин. После революции Трубочный завод стал именоваться Государственным заводом № 1, а затем был назван в честь М. И. Калинина, работавшего здесь в 1906–1907 и 1917 гг. Во время Великой Отечественной войны в условиях жестокой блокады здесь создавалось новейшее по тому времени ракетное оружие, которое после битвы под Москвой народ назвал «Катюшей». Адрес завода: Уральская улица, 1.

^{5*}В дни выборов в Учредительное собрание (12–14 ноября 1917 г.) проголосовало 44 445 тыс. избирателей; за большевиков — 10 649 тыс., или 24 %, за эсеров, меньшевиков и депутатов различных национальных партий — 26 374 тыс., или 59 %, за кадетов и партии, стоявшие правее кадетов — 7 420 тыс., или 17 %. Из 703 делегатов, избранных в Собрание, 229 были эсерами, 168 — большевиками, 39 — левыми эсерами (*Рубинштейн Н.* Большевики и Учредительное собрание. М., 1938, с. 54–55). Результаты выборов были опубликованы 30 ноября.

^{6*}Точнее — «Союз защиты Учредительного собрания», который был создан в Петрограде 23 ноября (6 декабря) 1917 г. Союз объединил представителей правых эсеров, меньшевиков, народных социалистов, кадетов, правления отдельных профсоюзов и кооперативов. Председателем Союза стал эсер В. Н. Филипповский. Союз выдвинул лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», участвовал в организации ряда демонстраций, издавал газету, выпускал и распространял листовки. После роспуска Учредительного собрания в ночь на 7 (20) января 1918 г. Союз распался.

^{7*}Заключительные строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Из Гете» (1840).

^{8*}Имеется в виду Н. Д. Кондратьев.

^{9*}Сорокин по-английски и, разумеется, прозой пересказывает арию Шакловитого из третьего действия «Хованщины»:

Спит стрелецкое гнездо. Спи, русский люд, враг не дремлет!
Ах, ты и в судьбине злосчастная, родная Русь!
Кто ж, кто тебя, печальную, от беды лихой спасет?
Аль недруг злой наложит руку по судьбу твою?
Аль немчин злорадный от судьбы твоей поживы ждет?
Стонала ты под яремом татарским, шла, брела за умом боярским.
Пропала дань татарская, престала власть боярская,
А ты, печальница, страдаешь и терпишь!
Господи, ты, с высот беспредельных наш грешный мир объемлющий,
ты, ведый тайная вся сердец, болящих, измученных,
Ниспошли ты разума свет благодатный на Русь, даруй ей избранника,
той бы спас, вознес злосчастную Русь, страдалицу.
Ей, господи, вземляй грех мира, услышь меня:
Не дай Руси погибнуть от лихих наемников!

Библиографические ссылки

1. Жеребцов И. Л. «Среди народа коми»: годы становления российско-американского социолога Питирима Сорокина // Росс. и славян. исслед. 2012. Вып. 7. С. 205–210.
2. Жеребцов И. Л. Сорокин Питирим Александрович // «Памятуя лишь о благе и пользе России...»: представители Коми края в российском парламенте / под ред. И. В. Ковзеля, А. Н. Челпановского, И. А. Нестеровой и др. Сыктывкар, 2014. С. 22–23.
3. Жеребцов И. Л. Питирим Сорокин: между политикой и наукой // Наследие. 2012. № 2. С. 125–128.
4. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост. подг. текста, пер. В. В. Сапова. Сыктывкар, 2015.
5. Савельева Э. А., Жеребцов И. Л. Вымская земля – родина Питирима Сорокина: очерки истории культуры. Сыктывкар, 2011.
6. Круглый стол на тему: «Перспективы изучения жизни и творчества Питирима Сорокина» // Наследие. 2015. № 1 (6). С. 120–134.
7. Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / под ред. С. Н. Казакова. СПб., 2014.
8. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / под ред. В. В. Сапова. Сыктывкар, 2014.
9. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / под ред. В. В. Сапова. Сыктывкар, 2015.
10. Сорокин П. А. Прачечная человеческих душ. Художественные произведения 1907–1923 / под ред. В. В. Сапова, М. В. Ломоносовой. Сыктывкар, 2017.
11. Круглый стол на тему «П. А. Сорокин “Листки из русского дневника” (к 100-летию Русской революции 1917 г.)» // Наследие. 2017. № 1. С. 55–69.
12. Сорокин П. А. Долгий путь / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар, 1991.

References

1. Zherebtsov I. L. [«Among the Komi people»: the formative years of the Russian-American sociologist Pitirim Sorokin]. *Ross. i slavyanskije issled.* 2012. No. 7. P. 205–210 (in Russ.).
2. Zherebtsov I. L. [Sorokin Pitirim Aleksandrovich]. In: Kovzel' I. V., Chelpanovski A. N., Nesterova I. A. , et al. (eds). [«Pamyatuya lish' o blage i pol'ze Rossii»: predstaviteli Komi kraja v rossijskom parlamente]. Syktyvkar, 2014. P. 22–23 (in Russ.).
3. Zherebtsov I. L. Pitirim Sorokin: between politics and science. *Nasledie*. 2012. No. 2. P. 125–128 (in Russ.).
4. Sorokin P. A. [Sheets from a Russian diary. Sociology of revolution]. Syktyvkar, 2015 (in Russ.).
5. Savelyeva E. A., Zherebtsov I. L. [Vymskaya zemlya – rodina Pitirima Sorokina: essays on the history of culture]. Syktyvkar, 2011 (in Russ.).
6. [Round table «Prospects for the study of the life and work of Pitirim Sorokin»]. *Nasledie*. 2015. No. 1 (6). P. 120–134 (in Russ.).
7. Sorokin P. A. [Early works: 1910–1914]. Saint Petersburg, 2014 (in Russ.).
8. Sorokin P. A. [Hunger as a factor. The influence of hunger on human behavior, social organization and social life]. Syktyvkar, 2014 (in Russ.).
9. Sorokin P. A. [Crime and punishment, feat and reward. A sociological sketch about the main forms of public behavior and morality]. Syktyvkar, 2015 (in Russ.).
10. Sorokin P. A. [Laundry of human souls. Works of art 1907–1923]. Syktyvkar, 2017 (in Russ.).
11. [Round table «P. A. Sorokin “Sheets from a Russian diary”»]. *Nasledie*. 2017. No. 1. P. 55–69 (in Russ.).
12. Sorokin P. A. Long journey. Syktyvkar, 1991 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.06.2017.
Received by editorial board 12.06.2017.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Terzich S. Stara Srbija (XIX–XX vek). Drama jedne civilizacije. Novi-Sad : Pravoslavna rech Beograd, 2012. 662 s.

Terzich S. Old Serbia (XIX–XX). The drama of one civilization. Novi Sad : Pravoslavna Rech Beograd, 2012. 662 p.

В Национальной библиотеке Республики Беларусь хранится единственная рецензируемая монография сербского историка, члена-корреспондента Сербской академии наук и искусств, дипломата, Чрезвычайного и полномочного посла Республики Сербия в Российской Федерации и Туркменистане Славенко Терзича. Эта монография раскрывает феномен Старой Сербии, рассказывает сербскую историю XIV – начала XXI в. В предисловии к книге С. Терзич пишет о том, что предостережение одного из крупнейших сербских ученых, дипломата и государственного деятеля, академика, президента Сербской Королевской академии наук Стояна Новаковича о неизбежности последствий крупных политических, этнических и демографических изменений в Старой Сербии при увеличении территории путем построения нового сербского государства оказалось тщетным. Автор с горечью констатирует: «...дальновидность Новаковича подтвердили драматические изменения, произошедшие в течение XX века»¹ (с. 10). Этому деятелю в книге уделено большее внимание, на его работы в различные периоды деятельности чаще делаются ссылки. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), который повлек за собой создание в 1992 г. независимого Македонского государства, а также после фактического отделения в феврале 2008 г. Косова и Метохии, 2/3 территории Старой Сербии вновь оказались за границами современного сербского государства.

Старая Сербия – исторический термин, широко распространенный в сербской, дореволюционной русской и европейской историографии. Он включает в себя историческое название земель Рашки, Косово и Метохии и Скопско-Тетовского района – колыбели Сербской государственности и родины сербского национально-освободительного движения. Термин «Старая Сербия» имеет яркую политическую окраску, поскольку на протяжении всего XIX в. с его помощью очерчивалась та территория, которую Сербия должна была освободить от власти Османской империи. Именно это понятие использовалось политиками, историками, географами и публицистами вплоть до XIX в. Позже термин «Старая Сербия» был вытеснен из массового сознания понятием «Княжество Сербия», введенным для обозначения образованного на севере страны центра сербского национально-освободительного движения (в то время как старое название продолжало существовать в Османской империи вплоть до 1912 г.).

В начале монографии автор останавливается на вопросах терминологии и географии Старой Сербии. Многими европейскими авторами достаточно небрежно определялись границы находящихся под османским владычеством земель. Историк подчеркивает: «Старая Сербия – важная и интересная тема с точки зрения исторических исследований. На таком незначительном географическом пространстве встречаются три крупнейшие мировые религии – восточное и западное христианство, ислам со всеми внутренними делениями, а также элементы иудаизма» (с. 48). Переломным моментом в развитии края становится турецкое вторжение, повлекшее подчинение в середине XV в. Старой Сербии. Сербский эпос хранит память о битве на Косовском поле в 1389 г., когда сербское войско под

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Д.

предводительством князя Лазаря и султана Мурада (оба погибли на поле боя) потерпело поражение. Эта битва стала символом жертвенности во имя свободы, рассказала о столкновении европейской христианской и азиатской исламской цивилизаций (с. 52). Поражение сербско-боснийского войска привело к установлению в Сербии османского ига. Окончательно территория Старой Сербии была завоевана турками в 1459 г., и на протяжении последующих 350 лет сербские земли находились под властью Османской империи. С турками в Старую Сербию приходят не только оккупация и унижение, но и упадок культуры. Серб-христианин не обладал никакими правами, а имел только многочисленные обязанности. Вместе с турками на территорию страны приходят и албанцы, более эффективно интернировавшиеся в социально-политическую структуру Османской империи и принявшие ислам.

Автор монографии пишет о том, что албанцы-мусульмане на протяжении всего восточного кризиса были сторонниками турецкого владычества. С. Терзич, ссылаясь на хорватского историка Б. Стулли, показывает, что именно албанские роты в турецкой армии были «главной ударной силой, традиционно используемой против других народов Турецкого царства и что эти “нерегулярные” роты, состоящие в основном из албанцев, особенно часто чинили насилия и грабежи» (с. 118). Первое сербское восстание 1804–1813 гг. положило начало воссозданию сербского государства. При настойчивой дипломатической и военной помощи России, опиравшейся на статью VIII Бухарестского мирного договора 1812 г., Сербия в 1830–1833 гг. получила статус автономного княжества. Особое внимание в произведении уделено созданию Призренской лиги (по названию местечка Призрен в Косово) – албанского националистического объединения, появившегося в 1878 г. как реакция на решения Берлинского конгресса, когда княжество получило полную независимость и значительно расширило свою территорию. Сербия получила северные районы Старой Сербии, однако большая часть этой территории, включая Косово, Метохию, Санджак и Вардарскую Македонию, оставалась под властью Высокой Порты вплоть до Первой балканской войны 1912 г. В 1882 г. Сербия стала королевством.

По итогам балканских войн (1912–1913 гг.) османская империя теряет практически все свои европейские владения. Бухарестский мирный договор от 10 августа 1913 г. юридически закрепил результаты обеих войн, признал Старую Сербию и Вардарскую Македонию частями Сербии, тем самым поспособствовав их воссоединению с Сербским королевством. До апреля 1941 г. Сербия являлась единым и неделимым государством.

В главе 18 С. Терзич приводит статистические данные о численности населения Старой Сербии

к моменту освобождения от османского владычества: из 980 тыс. человек 447 тыс. принадлежат национальностям, проповедующим православие (славяне) и мусульманство, 430 тыс. человек были албанцами, остальные – турками, цыганами, евреями и др. (с. 345). Освободившаяся от османского владычества Старая Сербия стала объектом геополитических претезаний Албании, Болгарии и в первую очередь Австро-Венгрии.

В начале XX в. Австро-Венгрия представляла собой двуединую монархию со значительной частью неавстрийского и невенгерского населения, т. е. славян, которые предъявляли все большие права на равное представительство и превращение государства в триединую империю. На роль славянского центра претендовали чехи, словаки, русины и сербы, проживавшие в Воеводине и Боснии. Венский кабинет опасался, что стремление сербов жить в одном государстве в перспективе может лишить Австро-Венгрию населенных сербами земель, а также стимулировать к подобным действиям другие народы империи. В связи с этим в Вене решили ослабить и расчленить Сербию и как максимум включить ее в состав Австро-Венгрии. Такие амбиции привели Австро-Венгрию и всю Европу к Первой мировой войне.

Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) была создана в 1920 г. Переняв от вышестоящего Коминтерна убеждения в «праве наций на самоопределение вплоть до отделения», КПЮ допустила «присоединение областей к своему национальному государству» (с. 269). Весь межвоенный период коммунисты добивались подрыва и развала «буржуазной» Югославии, которая по их убеждению была версальским и великосербским творением». Для развала королевства коммунисты использовали национальные и религиозные конфликты, отдельные оппозиционные партии. Отправной точкой взаимодействия была степень отрицания государства.

Завершение Первой мировой войны и поражение в ней стран Четверного союза вернули прежнее положение дел. Старая Сербия вновь оказалась территорией Сербии, ставшей 1 декабря 1918 г. составной частью нового государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) (с 1929 г. – Югославия). Впоследствии в рамках Королевства СХС и Югославии внутренние границы региона неоднократно менялись, в итоге территория Старой Сербии была разделена между Республикой Сербия и Республикой Македония. При этом одни из ключевых с точки зрения историко-культурного значения районов Старой Сербии были объединены в автономный край Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

Значительное внимание в монографии уделено Второй мировой войне, которая принесла Югославии раздел и оккупацию. Старая Сербия была

расчленена и оккупирована «Независимым государством Хорватия» и «Великой Албанией». Героическая борьба югославского народа за свободу и независимость стала причиной присвоения ему славы народа-победителя. Страна была освобождена от оккупантов, восстановлена в границах, к власти пришли коммунисты во главе с И. Б. Тито.

После победы над врагом изгнанные из Косово сербы могли вернуться на свою родину. Но лидер Югославии И. Б. Тито неожиданно принимает решение «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания», в котором говорится: «Впредь воспрещается возвращение колонистов в места их прежнего проживания, и пусть все останутся на своих местах» (с. 220). Таким образом, изгнанные со своей земли сербы остаются в изгнании, а албанцы – на местах.

Исторически албанцы давно жили на территории Косово, но не составляли существенной части населения. После Второй мировой войны И. Б. Тито разрешил албанцам, оказавшимся в ходе войны на территории Югославии, остаться в Косово. Рассчитывая на союзнические отношения с Албанией, он не стал изгонять из Косово обосновавшихся там албанцев и вместе с тем не допустил массового возвращения в край изгнанных сербов. Более того, в 1945 г. в рамках Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) Старая Сербия выделяется из самой Сербии в автономный край Косово и Метохия (далее – КиМ) (с. 33). Сепаратистская деятельность радикальной части албанцев в Косово началась сразу после войны. Менялись средства и тактика, но цель была неизменной – отделение от Сербии. Эта цель зависела от статуса края в республике, количества вкладываемых денег и уровня межнациональных отношений во всей федерации. С. Терзич отмечает, что большинство албанцев, совершивших военные преступления, не были привлечены к суду в рамках «интернационализации», а большая часть всех судебных и административных органов власти в КиМ была сформирована албанцами.

Конституция Югославии 1974 г. предоставила входящим в состав Сербии краям фактически статус республик, исключая только право на отделение. Косово как автономный социалистический край получило свою собственную конституцию (с. 343), высшие органы власти, а также своих представителей во всех основных союзных органах. Так, в Приштине имеются свой университет, несколько средних школ, союз писателей, ряд издательств, Национальная и университетская библиотеки, Краевой архив, Национальный театр, киностудия, художественная галерея, ТВ-центр.

В рамках монографии неожиданным предстает образ руководителя Союза коммунистов Югославии

(СКЮ) и президента Югославии И. Б. Тито. Автор упоминает прозвище «последний Габсбург на Балканах», которое с недавних времен было дано маршалу И. Б. Тито: «Внутренние административные границы между республиками не имели ни исторических, ни этнических, ни географических оснований, народу не была дана возможность свободно выразить свою демократическую волю – в каких границах он желает жить. Их утверждали несколько ведущих югославских коммунистов во главе с Тито, с ясной политической целью навязать с помощью этих границ концепцию маргинализации сербского фактора в новом государстве – оправдываясь борьбой против “великосербской гегемонии”» (с. 43). Как следствие, в республиках Югославии, кроме «центральной Сербии», сербский народ стал национальным меньшинством, хотя ни юридически, ни численно таковым не являлся.

Далее в книге утверждается, что «масштабная этническая чистка коренного населения в исторической области Старой Сербии происходила на глазах сербской, югославской и мировой общественности с 1945 г. до начала 90-х гг. XX в.». В подтверждение данного тезиса приводится следующая статистика: в ходе Второй мировой войны в рамках идеи «Великая Албания» из Старой Сербии было изгнано около 100 тыс. сербов и заселено столько же албанцев, а в период 1945–1999 гг. было выселено еще 250 тыс. сербов (с. 450). В военные действия в 1999 г. вмешалось НАТО: массовым бомбардировкам были подвергнуты югославские города и военные объекты. В результате сербское правительство было вынуждено согласиться на ввод в Косово военного контингента KFOR¹ и переход края под управление ООН, что было осуществлено на основании резолюции Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 г. № 1244 (с. 468). На территории Косово концентрируется самое большое количество культурно-исторических памятников в Европе. До начала боевых действий 90-х гг. на территории края насчитывалось около 1800 храмов и монастырей, 200 из которых древнее XIV в. или относятся ко времени провозглашения сербской патриархии (1346 г.). Однако в виду того, что большинство населения страны – албанцы, проповедующие мусульманство, произошла трагедия православного сербского населения: большинство святынь было разрушено или разграблено.

Монография С. Терзича достаточно объемна: она состоит из введения, 23 глав, списка 7 архивов и 18 фондов, списка литературы, состоящего из 22 страниц. Несомненную информационную ценность представляют указатель имен (с. 599–629), представленные в алфавитном порядке персоналии, упоминаемые в книге географические названия (с. 633–662), иллюстрации, карты и докумен-

¹Международные силы НАТО (в официальных документах ООН на русском языке именуется СДК – «Силы для Косово»).

тальные приложения. Каждая из глав монографии освещает самостоятельную тему, которая прослеживается до начала XXI в.

Отмечая очевидные достоинства книги, выскажем отдельные замечания. Автору следовало бы обратить внимание на изменение политики России по отношению к Югославии в 1999 г. (по сравнению с 1992 г.), на знаменитый «разворот над Атлантикой» премьер-министра Российской Федерации Е. М. Примакова, на события 17 февраля 2008 г., когда парламент Косово единогласно утвердил независимость края, который после косовского кризиса 1999 г. юридически оставался в составе Сербии, но фактически управлялся ООН, по сути являясь международным протекторатом. Парламент Косово 9 апреля 2008 г. также единогласно принял Конституцию Республики Косово, которая вступила в силу 15 июня и провозгласила Косово светской республикой, «независимым, суверенным, демократическим, единым и неделимым го-

сударством». Сербия заявила, что ни при каких обстоятельствах не признает решение Приштины, и заранее аннулировала декларацию независимости края.

Тем не менее высказанные замечания не влияют на общее восприятие рецензируемого труда. С нашей точки зрения, монография заслуживает высокой оценки, это – одно из наиболее содержательных и глубоких исторических сербских произведений последних лет. В целом труд С. Терзича отличается глубиной анализа, объективностью суждений, взвешенностью оценок, обширной источниковой базой. Монография является оригинальным вкладом в сербскую историческую науку. Данная книга, без сомнения, найдет своего читателя и может оказаться полезным источником для ученых, магистрантов, аспирантов и студентов, интересующихся историей Сербии.

М. С. Довгялло,
кандидат исторических наук, доцент

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

**МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЛОРУССКО-ЧЕШСКО-УКРАИНСКАЯ
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ»
(Пльзень, 24 апреля 2017 г.)**

**INTERNATIONAL BELARUSIAN-CZECH-UKRANIAN
STUDENT CONFERENCE «ETHNOLOGY AND SOCIAL HISTORY OF THE SLAV
NATIONS IN HISTORICAL AND COTEMPORARY PERSPECTIVE».
IN THE UNIVERSITY OF WEST BOHEMIA (Plzeň, 24 April, 2017)**

Исторический факультет Белорусского государственного университета активно развивает партнерские отношения с центрально-европейскими университетами и научными центрами, вовлекая в эвристический процесс все больше молодых белорусских исследователей, студентов, магистрантов и аспирантов.

На философском факультете Западно-Чешского университета (ЗЧУ), который является многолетним партнером Белорусского государственного университета (БГУ) в Чешской республике, 24 апреля 2017 г. состоялась Международная студенческая научно-практическая конференция «Этнология и социальная история славянских народов в исторической и современной перспективе», организованная кафедрой антропологии ЗЧУ и историческим факультетом БГУ при участии кафедры археологии и этнологии Украины исторического факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

Международная конференция проходила в рамках Четвертой научно-образовательной стажировки студентов исторического факультета БГУ в Западно-Чешском университете (3–30 апреля 2017 г., Чешская Республика, Пльзень). В ЗЧУ проходили

стажировку 14 студентов БГУ под руководством доцента кафедры истории южных и западных славян, кандидата исторических наук В. В. Репина. Учащиеся представляли сразу четыре кафедры исторического факультета: истории южных и западных славян, которая стоит у истоков сотрудничества с Западно-Чешским университетом; истории Беларуси нового и новейшего времени; истории России; новой и новейшей истории. Стажировка проводилась в соответствии с Договором о сотрудничестве между Западно-Чешским университетом в г. Пльзень и Белорусским государственным университетом, подписанным 28 января 2013 г.

Студентами была выполнена обширная научно-образовательная и культурная программа, которая включала обновленные, специально подготовленные курсы лекций на русском языке: «Актуальные проблемы этнополитических отношений стран Центральной Европы в XX столетии» и «Средняя Европа в концепциях теоретиков школы *Etnologia Europæana* и *Slavica*». Лекции читали ведущие специалисты кафедры антропологии: доцент Петр Лозовюк и доцент Франтишек Багиньский. Студенты БГУ имели возможность получить консультации экспертов в области богемистики и истории

этнических процессов в Центральной и Восточной Европе.

Конференция продолжила цикл мероприятий, включавших 3 стажировки студентов исторического факультета БГУ на философском факультете ЗЧУ, длиной по одному месяцу (март 2014, апрель 2015, апрель 2016 гг.), а также первую стажировку студентов ЗЧУ в БГУ (сентябрь 2016 г.), первую международную научную конференцию «Чешско-белорусские культурные, общественные и научные связи в XIX–XX вв.» (Минск, 29 сентября 2016 г.), проведение научно-исследовательских семинаров молодых чешских и белорусских историков и антропологов (16 апреля 2015 г., 20 апреля 2016 г.), регулярный обмен публикациями в университетских изданиях и другие мероприятия в рамках богемистического кружка, действующего на историческом факультете БГУ.

На открытии конференции с приветственным словом выступили заведующий кафедрой антропологии философского факультета Западно-Чешского университета доктор философии, доцент Петр Лозовиц; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета кандидат исторических наук Репин Виталий Валерьевич; доцент кафедры археологии и этнологии Украины исторического факультета Одесского Национального университета им. И. И. Мечникова доктор исторических наук Пригарин Александр Анатольевич.

Проблемное поле конференции было представлено пятью тематическими секциями. Белорусские участники выступили в рамках всех секций. Так, в рамках работы секции «Формирование и трансформация этнической идентичности в контексте исторической репрезентации славянских народов» конференцию открыла студентка второго курса магистратуры кафедры антропологии философского факультета ЗЧУ Кудрявцева Ксения Андреевна, выступив с докладом «Проблематика чешско-русской интеркультурной коммуникации». В выступлении спикер на основании теоретических выкладок нидерландского социолога Г. Хофстеде (предложил совокупность показателей, определяющих культурные характеристики различных народов) обозначила концептуальные и методологические подходы к исследованию межкультурного взаимодействия на примере своего диссертационного исследования. После выступила Тригубенко Полина Михайловна, студентка пятого курса кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ, с докладом на тему «Белорусские стереотипные представления о чехах (по материалам интервью респондентов в Чехии в 2014 г. и Беларуси в 2015–2016 гг.)», в котором рассказала о поиске респондентов и этнографических опросах, которые проводили белорусские студенты во время научно-образовательной стажировки в г. Пльзень в 2014 г. и во время подготовок поездок

в 2015–2017 гг. В последнем случае студенты БГУ опрашивали респондентов, совершивших поездки в Чехословакию до 1989 г. Студентка пятого курса кафедры истории России исторического факультета БГУ Романюк Елизавета Петровна, являющаяся одновременно младшим научным сотрудником отдела вещевых источников Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, в докладе «Историзация образа Второй мировой войны на примере создания Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны» представила обзор основных этапов и концептуальных принципов формирования экспозиции главного белорусского военно-исторического музея. Студентка отразила их в контексте репрезентации пространства исторической памяти в социалистический послевоенный и современный периоды.

В рамках работы панели «Средневековые рецепции в ментальных схемах современников» выступили Демьянович Юрий Александрович, студент второго курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ, с докладом «Польный гетман коронный Ян III Собеский в Польско-казацко-татарской войне 1666–1671 гг.» и Ковалевич Егор Владимирович, студент первого курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ, с темой «Иржи из Подебрад: трансформация фигуры в исторической памяти в Чехии». В работе докладчик обозначил эволюцию образа «гуситского короля» в традиции историописания и публичной репрезентации в чешской культуре в XIX–XXI вв.

Третья секция «Социальная трансформация и формирование модели публичной коммуникации в модернизационных процессах» была представлена следующими докладами белорусских и чешских участников. Студент второго курса кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ Мехоношин Матвей Валерьевич рассматривал проблему «Феномен преступности в среде городских сословий на примере белорусских губерний и габсбургского города Пльзень в конце XIX – начале XX в.», в выступлении он обозначил общие тенденции и различия социального явления преступности в условиях модернизации и социальной трансформации славянских народов. Чешский докладчик Давид Пергл, студент первого курса кафедры антропологии философского факультета ЗЧУ, в работе «К вопросу о формировании этнокультурной и политической идентичности населения белорусских губерний Российской империи в конце XIX – начале XX в.» предложил видение процессов национальной эмансипации народов Восточной Европы на основании теоретических подходов Мирослава Гроха и недавно вышедшей монографии пражского исследователя из Карлова университета Алены Марковой, посвященной феномену политики белорусизации в БССР.

Наиболее широким образом белорусская сторона была представлена в секции «Социалистическое прошлое в историографической перспективе и коллективной памяти славянских народов». Так, студент четвертого курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ Кондратенко Артур Сергеевич в презентации «Значение Словацкого национального восстания 1944 г. в публично-политическом и историографическом измерениях послевоенной славистской гуманитаристики» осуществил попытку объективации предпосылок, процессов и результатов крупнейшего восстания на территории Словакии во время Второй мировой войны в контексте чешско-словацких отношений в 1930–1940-е гг. Лавринович Марина Александровна, студентка четвертого курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ, в докладе «Политический процесс Милады Гораковой (июнь 1950 г.) как феномен современной чешской исторической памяти» рассмотрела репрессивные практики в коммунистической Чехословакии с 1948 по 1953 г. При этом она проанализировала сфабрикованный политический процесс по обвинению в «Заговоре против республики» 1950 г., главной фигуранткой которого стала женщина-политик, представитель партии народных социалистов Милада Горакова, а также последующую реабилитацию его жертв. Студентка определила место, занимаемое фигурой Милады Гораковой и жертвами репрессий периода коммунизма в современной чешской исторической памяти. Учащаяся второго курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ Свентецкая Татьяна Валерьевна выступила с докладом на актуальную в чешском историческом дискурсе тему «Насильственное выселение судетских немцев из Чехословакии в 1945–1946 гг. в исторической памяти и ментальных схемах чехов».

В последнем тематическом блоке «Современные вызовы устойчивому развитию в регионе Центральной и Юго-восточной Европы» выступил с концептуальным обзором доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ кандидат исторических наук Репин Виталий Валерьевич. В докладе «Конфликт практик исторической памяти о периоде социализма в странах Центральной и Восточной Европы» исследователь поставил проблему разных моделей репрезентации исторического прошлого о периоде позднего социализма в бывших социалистических странах, определив узловые точки их взаимодействия.

Студент четвертого курса кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ Ходов Александр Сергеевич в докладе «Правый популизм в общественно-политической жизни стран Вышеградской четверки (2010–2017 гг.)» выдвинул гипотезу о том, что политическая трансформация 1990-х гг. в Центральной Европе не смогла сформировать устойчивую демократическую куль-

туру в обществе, что вместе с экономико-политическими сложностями, нарастающими в Европейском союзе, привело к росту популизма в странах Центральной Европы.

Всего в конференции приняли участие 11 студентов Белорусского государственного университета, 4 студента Западно-Чешского университета, 7 студентов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

На конференции представили доклады молодые белорусские исследователи, релевантно представлявшие на международном уровне достижения современной студенческой науки, будущего белорусской славистики, что сопровождалось оживленной научной дискуссией. Доклады участников отличались новаторством в постановке научных проблем, глубоким знанием отечественной и зарубежной историографии, аналитическим подходом к исследованию, что также было отмечено чешскими коллегами. В завершении мероприятия обеими сторонами было озвучено стремление продолжить традицию совместных семинаров и «круглых столов».

В ходе стажировки были определены перспективы дальнейшего сотрудничества партнерских вузов Беларуси и Чехии, запланированы академические обмены и цикл мероприятий на 2018 год, юбилейный для истории чешской и чехословацкой государственности. Были рассмотрены пути установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Чешской Республикой, а также возможность организации новой стажировки. На октябрь 2017 г. запланирована Вторая чешско-белорусская историческая конференция, призванная осветить вопросы исторической памяти и наследия Франциска Скорины в чешско-белорусском контексте. Мероприятие состоится в Минске, на площадке исторического факультета БГУ, и продолжит традицию, заложенную Первой Международной научной конференцией «Чешско-белорусские культурные, общественные и научные связи в XIX–XX вв.», состоявшейся 29 сентября 2016 г. на историческом факультете БГУ. Также белорусский университет в сентябре 2016 г. примет на вторую месячную стажировку группу магистрантов кафедры антропологии Западно-Чешского университета.

В завершении выразим благодарность организаторам конференции, в особенности заведующему кафедрой антропологии философского факультета Западно-Чешского университета (Пльзень) доктору философии, доценту Петру Лозовюку и декану исторического факультета доктору исторических наук, профессору Кохановскому Александру Геннадьевичу, а также другим членам оргкомитета за большое содействие и институциональную поддержку, которые позволили провести мероприятие на высоком научно-методическом уровне.

В. В. Репин,
кандидат исторических наук, доцент

**МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«МУЗЕЙ І КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА: ГІСТОРЫЯ, СУЧАСНАСЦЬ,
ПОГЛЯД У БУДУЧЫНІЮ» (Мінск, гістарычны факультэт Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта, 27–28 чэрвеня 2017 г.)**

**INTERNATIONAL CONFERENCE «MUSEUM AND CULTURAL
HERITAGE: A DISCOURSE ON THE PAST HISTORY,
PRESENT STATE AND FUTURE PROSPECTS»
(Minsk, faculty of history, Belarusian State University, 27–28 June, 2017)**

У Мінску на гістарычным факультэце БДУ 27–28 чэрвеня 2017 г. адбылася Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Музей і культурная спадчына: гісторыя, сучаснасць, погляд у будучыню», прысвечаная 25-годдзю адкрыцця ва ўніверсітэце спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках)». Арганізатарам канферэнцыі выступіла кафедра этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў, якая з’яўляецца прафілюючай (выпускаючай) для студэнтаў гэтай спецыяльнасці.

Пленарнае пасяджэнне адкрылася прывітальным словам да ўдзельнікаў канферэнцыі дэкана гістарычнага факультэта Г. А. Кахановскага. Выступленне А. А. Гужалоўскага (Мінск) было прысвечана асноўным кірункам развіцця музейнай справы Рэспублікі Беларусь. Дакладчык адзначыў, што гэта сфера культуры ў краіне, бадай, як ніякая іншая, нясе на сабе адбітак усіх праблем, якія стаяць перад грамадствам у перыяд глыбокіх пераўтварэнняў. Гэта, у сваю чаргу, вымушае айчынную музейную супольнасць задумвацца над глыбінным сэнсам музейнай дзейнасці і займацца пошукамі новых напрамкаў, сродкаў і метадаў работы. Інавацыі ў прававым забеспячэнні работы беларускіх музеяў ахарактарызаваў у сваім дакладзе Д. Г. Шляхцін (Мінск). Асабліваю ўвагу выступовец надаў месцу і ролі музейнага заканадаўства ў вучэбных планах падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі музейнага персаналу ў Рэспубліцы Беларусь. Даследчыца А. М. Масцяніца (Санкт-Пецярбург) прапанавала ўдзельнікам канферэнцыі ўласнае бачанне эвалюцыі культурна-адукацыйнай сацыяльнай функцыі музея на сучасным этапе. Пленарнае пасяджэнне працягнулася выступленнем А. В. Булавы (Варшава), прысвечаным гістарычнаму шляху і сучаснаму стану Музея польскай арміі ў Варшаве. Дакладчык падкрэсліў значэнне, якое надае кіраўніцтва культурна-адукацыйнаму аспекту дзейнасці буйнейшага ваенна-гістарычнага музея Польшчы. Даклад Г. А. Чучвагі (Эдмантан), прачытаны аўтарам у рэжыме відэаканферэнцыі, пазнаёміў слухачоў з арганізацыяй дзейнасці і асноўнымі формамі работы музеяў Канады. У прыватнасці, даследчыца спынілася на ролі дзяржавы і грамад-

скай ініцыятывы ў музейнай сферы, новых формах узаемаадносін музея і наведвальніка, а таксама канадскіх музейных інтэрнэт-праектах.

Пасля заканчэння пленарнага пасяджэння работа канферэнцыі працягнулася на дзвюх секцыях – «Музей як сацыякультурны інстытут» і «Музей як камунікацыйная сістэма». Работу адкрыла Т. А. Бембель (Мінск), якая ў сваім дакладзе «*ICOM Belarus* як магчымасць інтэграцыі айчынных музеяў у сусветны кантэкст» прааналізавала міжнародны аспект музейнай дзейнасці ў Рэспубліцы Беларусь на сучасным этапе. Даследчыца вызначыла праблемныя кропкі ў міжнародным супрацоўніцтве беларускіх музеяў, іх дасягненні, паказала перспектывы пашырэння ўдзелу айчынных спецыялістаў у Міжнародным савеце музеяў. Найважнейшы напрамак навукова-фондавай дзейнасці Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея – камплектаванне фондавага збору – абраў у якасці тэмы свайго даклада А. Ф. Вашкевіч (Гродна). Асобы акцэнт выступовец зрабіў на важнасці гісторыка-бытавых музейных экспедыцый, а таксама спецыфіку іх арганізацыі і правядзення. Уплыў антрапацэнтрызму на новыя экспазіцыйныя праекты Краязнаўчага музея Полацка прадэманстравала ў сваім дакладзе С. В. Гаўрылава (Полацк). Аўтар паказала, як антрапацэнтрычная канцэпцыя рэалізуецца падчас экспазіцыйнай прэзентацыі мясцовай гісторыі, чым яна адрозніваецца ад традыцыйнай для краязнаўчых музеяў падачы матэрыялу. У дакладзе М. В. Казанцавай (Мінск) была зроблена арыгінальная спроба рэканструкцыі калекцыі фарфору з даваеннага фондавага збору Беларускага дзяржаўнага музея. Даследчык Ю. В. Кітурка (Гродна) разгледзеў асноўныя спрэчныя пытанні рэстаўрацыі і музейфікацыі Старога замка ў Гродне. У прыватнасці, дакладчык пазнаёміў удзельнікаў канферэнцыі з праектам рэканструкцыі замка ў канцэпцыі архітэктара У. Бачкова. З уласным бачаннем рэстаўрацыі гэтага аб’екта культурнай спадчыны выступіў гісторык М. А. Волкаў (Мінск). Важную інфармацыю па вывучэнні і захаванні археалагічнай спадчыны Слуцка змяшчала выступленне Л. У. Калядзінскага (Мінск). Сярод іншага аўтар узяў пытанне фізічных умоў за-

хавання археалагічных артэфактаў у фондасховішчы Слуцкага краязнаўчага музея. Абмеркаванне розных аспектаў тэмы захавання і вывучэння археалагічнай спадчыны ў музеях была працягнута ў дакладах Р. І. Крыўка (Мінск) «Грашова-рэчавы скарб 1665 г. з вёскі Пагост-Загародскі», У. А. Юргенсана (Мінск) «Клады першай паловы XVII ст. як зрэз грашовага абарачэння», Н. А. Пачобут (Гродна) «Музей Фарнага касцёла ў Наваградку», а таксама А. А. Хацько (Гродна) «Праблема камплектавання і атрыбуцыі будаўнічай керамікі (на прыкладзе ГДГАМ)». Шэраг дакладаў быў прысвечаны комплекснаму аналізу музея як сацыякультурнага інстытута. Першы з іх пад назвай «Мемарыяльны комплекс Брэсцкая крэпасць-герой як сацыякультурны інстытут у часе і прасторы» прачытала А. У. Міцюкова (Брэст). Пасля кароткага гістарычнага экскурсу даследчыца засяродзілася на праблемах, з якімі сутыкаецца мемарыяльны комплекс на сучасным этапе развіцця, а таксама вызначыла перспектывы кірункі пашырэння ў ім музейнай дзейнасці. Падобную структуру меў даклад М. С. Шуміна (Мінск) пад назвай «Музей гісторыі медыцыны Беларусі: сучасны стан і перспектывы развіцця», а таксама Т. А. Наваградскага (Мінск) «Стварэнне і дзейнасць клуба-музея Чэслава Немэна ў в. Старыя Васілішкі Шчучынскага раёна». Малавядомы бок дзейнасці Музея гісторыі БДУ – падрыхтоўку кадраў для турыстычнай індустрыі Рэспублікі Беларусь – абралі ў якасці тэмы даклада І. У. Алюніна і Э. Л. Маліноўскага (Мінск). На шматлікіх прыкладах выступоўцы падрабязна паказалі практычныя магчымасці музея ўстанова вышэйшай адукацыі ў галіне прафесійнай падрыхтоўкі студэнтаў на праект «Культурная спадчына і турызм» спецыяльнасці «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны». Асноўныя этапы і праблемы, якія суправаджаюць працэс музейфікацыі традыцыйнай музычна-інструментальнай спадчыны Беларусі паказаў С. Э. Чаус (Мінск). Не абмяжоўваючыся канстатацыяй праблемных сітуацый, дакладчык прапанаваў уласнае бачанне выйсця з іх з мэтай стварэння новых інтэрпрэтацыйных мадэлей дадзенай часткі Дзяржаўнага музейнага фонду. Выступленне М. С. Моніча (Мінск) было прысвечана асаблівасцям музейфікацыі прадметаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва краін Усходу.

Адной з задач канферэнцыі з’яўлялася навуковае асэнсаванне ролі музейнай камунікацыі ў арганізацыі музейнай дзейнасці ў сучасных умовах. Увага дакладчыкаў секцыі «Музей як камунікацыйная сістэма» была скіравана галоўным чынам на экспазіцыйна-выставачную і культурна-адукацыйную дзейнасць, дзе камунікацыйныя аспекты адлюстраваны найбольш яскрава. Так, І. В. Іваноў (Мінск) у паведамленні «Навуковая канцэпцыя і мастацкі падыход у экспазіцыі “Падняпроўскае

шапавальства”» паказаў падрыхтоўку тэматычнай экспазіцыі на базе фондавых калекцый Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту, якая была адкрыта ў маі 2016 г. У архітэктурным помніку «Вяночны двор з в. Бракава Слабада Чавускага раёна» дэманструецца народнае майстэрства па вырабе з воўны галаўных убораў, валёнкаў, лямцу праз стасункі з носьбітамі традыцыйнай рамеснай тэхнікі. Даследчыца К. С. Даўгапалюк (Мінск) пазнаёміла слухачоў з асаблівасцямі выкарыстання малых архітэктурных форм у ансамблевай экспазіцыі на прыкладзе ўсталявання прыдарожнага абракальнага крыжа на экспазіцыйным сектары Падняпроўе ў Беларускім дзяржаўным музеі народнай архітэктуры і побыту. Прыдарожныя абракальныя крыжы з’яўляюцца неад’емным элементам беларускай вёскі, адлюстроўваюць істотную з’яву матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў. Доклад У. І. Мядзянікі і Ю. Л. Уласюка (Мінск) адлюстравалі праблемы прадстаўлення тэмы «Брэсцкі замак» у экспазіцыях музеяў Брэста. Аб узаемадзеянні музейных і архіўных устаноў у справе захавання, выкарыстання і папулярызацыі дакументальнай спадчыны ішла гаворка ў дакладзе Ю. Ф. Крыўдзюк (Мінск) «Музеі і архівы: сумесная выставачная дзейнасць як аснова для захавання і папулярызацыі дакументальнай спадчыны (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь)».

На пасяджэнні секцыі разглядаліся таксама пытанні арганізацыі культурна-адукацыйнай дзейнасці музеяў, яе тэхналогіі, а таксама інавацыйныя метады і формы работы з рознымі катэгорыямі наведвальнікаў у музеі. У прыватнасці, Э. Кавальская (Варшава) падзялілася вопытам адукацыйнай дзейнасці Катынскага музея, які з’яўляецца музеем новага тыпу. Гэта датычыцца як экспазіцыі, якая спалучае значную базу аўтэнтычных музейных прадметаў з сучаснай мультымедыянай тэхнікай, так і культурна-адукацыйнай работы ўстанова. Апошняя грунтуецца на прынцыпе персаналізацыі і выкарыстанні разнастайных форм, у тым ліку выхад за музейныя сцены з дапамогай выстаў, конкурсных праектаў, лекцыйных цыклаў, якія рэалізуюцца як у Польшчы, так і за межамі краіны. Докладчыца І. І. Бамбешка (Мінск) паказала асноўныя тэндэнцыі развіцця культурна-адукацыйнай дзейнасці рэгіянальных краязнаўчых музеяў Беларусі ў апошнія два дзесяцігоддзі. У дакладзе А. М. Жукавай і І. У. Марчанка (Мінск) на тэму «Практыка-арыентаваныя інструменты маркетынгу ў культурна-адукацыйнай дзейнасці музея» зроблена грунтоўнае даследванне маркетынговых тэхналогій пры стварэнні і ўдасканаленні музейнага прадукта, прааналізаваны ўплыў гэтых тэхналогій на розных этапах яго жыццёвага цыклу. Аўтары прыйшлі да высновы пра тое, што выкарыстанне маркетынговых тэхналогій павышае эфектыўнасць

работы музея і забяспечвае базавыя патрабаванні арганізацыі. Узровень сучаснай падрыхтоўкі спецыялістаў у галіне культурна-адукацыйнай дзейнасці музея прааналізавала В. У. Мірончык (Мінск). Аб культурна-адукацыйнай рабоце Столінскага краязнаўчага музея, скіраванай на развіццё творчага патэнцыялу падлеткаў, паведаміла К. І. Жаўнерык (Столін). У дакладзе А. М. Жукавай (Мінск) і І. А. Юдзінай (Ветка) «Нацыянальна-культурны аспект музейна-адукацыйнай праграмы “Якуб Колас – за навуку!”» раскрыты змест аўтарскай музейна-адукацыйнай праграмы, метады і падыходы пры яе рэалізацыі ў студзені – красавіку 2017 г. на базе Музея кнігі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі. Асноўнай мэтай пілотнай праграмы стала далучэнне вучняў да роднага слова шляхам паглыблення ў нацыянальна-культурную прастору ў музеі, знаёмства з літаратурнай і навукова-педагагічнай спадчынай Якуба Коласа. Праграма стала цікавым педагагічным эксперыmentам, які паказаў магчымасці выкарыстання сучасных тэхналогій і метадаў музейнай педагагікі, падкрэсліў асаблівую ролю музея ў справе папулярызацыі беларускай мовы, нацыянальнай культуры і спадчыны. Вопытам культурна-асветніцкай работы студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі «Сябры музея» пры кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны падзялілася Н. В. Карнікава (Гомель).

Абмеркаванне новых форм работы музея ішло ў дыскусійнай форме. У дакладзе «Квэст як інавацыйная форма ўзаемадзеяння сучаснага музея з наведвальнікам» В. У. Макаруч (Гродна) падзялілася вопытам выкарыстання новых метадаў працы з музейнай аўдыторыяй, сярод якіх найбольш запатрабаваным у наведвальнікаў стаў музейны квэст – унікальнае спалучэнне гульні і пазнавальнага працэсу, падчас якога адбываецца знаёмства з гісторыяй, асаблівасцямі прыроды, культурнымі традыцыямі роднага краю. Ідэя і агульная логіка квэсту заключаецца ў праходжанні ўдзельнікамі невядомага квэставага маршруту з адначасовым атрымання новых ведаў. У дакладзе А. М. Рысь

(Кобрын) разглядалася клубная форма работы Кобрынскага ваенна-гістарычнага музея імя А. В. Суворова з падлеткамі. Выкарыстанне новых музейных метадык спрыяе паспяховай навукова-даследчай рабоце, эфектыўнай рабоце школы юнага экскурсавода, развіццю творчых здольнасцей членаў клуба «Музей для юных сяброў».

Два даклады былі прысвечаны актуальным праблемам вывучэння наведвальніка ў сацыялагічным ракурсе і спосабаў узаемадзеяння музея з рознымі сегментамі аўдыторыі, што з’яўляецца неабходнай умовай удасканалення экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай работы музея. Уласны погляд на даследаванне адносін наведвальнікаў да музейнага прадукта выказала К. У. Навіцкая (Мінск). У прыватнасці, у дакладзе «Музейная прастора і наведвальнік. Як даследаваць наведвальніка (пастаноўка праблемы)» аўтар абгрунтавала думку пра тое, што асабліва актуальнай для большасці музеяў з’яўляецца праблема культуры наведвання. У дакладзе «Музейная прастора і наведвальнік: журналісты» С. В. Ключкі (Мінск) засяродзіў увагу на праблемах узаемадзеяння музея з наведвальнікам, прааналізаваў вопыт непасрэдных стасункаў супрацоўнікаў Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны з прадстаўнікамі розных СМІ. Дакладчык выказаў прапановы па арганізацыі сацыялагічных даследаванняў наведвальнікаў з мэтай выяўлення агульных тэндэнцый развіцця музеяў краіны, а таксама прыняцця варыянтаў вырашэння праблем на рэспубліканскім узроўні.

На падсумаванні вынікаў канферэнцыі было выказана адзінадушнае меркаванне аб мэтазгоднасці правядзення на гістарычным факультэце БДУ рэгулярных канферэнцый, прысвечаных айчыннай музейнай справе, а таксама праблемам захавання, вывучэння і выкарыстання культурнай спадчыны.

Л. У. Бярэішык,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

А. А. Гужалоўскі,
доктар гістарычных навук, прафесар

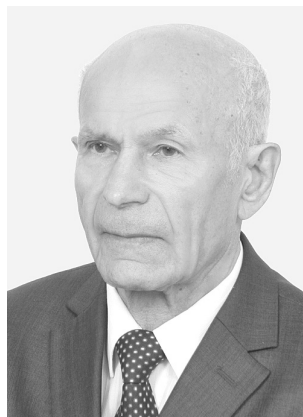
НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

OUR JUBILEE

Иван Федорович РОМАНОВСКИЙ

Ivan Fedorovich ROMANOVSKII

В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения кандидата исторических наук профессора кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ. Ивана Федоровича Романовского. Почти полвека жизнь этого ученого тесно связана с университетом.

Родился И. Ф. Романовский 5 августа 1937 г. в д. Погост Туровского (ныне Житковичского) района Гомельской области в большой крестьянской семье. У родителей было шестеро детей: сам

Иван Федорович, старший брат Михаил и четыре сестры. Старшие дети помогали отцу и матери по хозяйству, родители собственным примером прививали им жизненные уроки терпения и трудолюбия.

Неизгладимый след в памяти И. Ф. Романовского оставили события Великой Отечественной войны: отец ушел на фронт, а во время карательной акции в августе 1941 г. фашисты сожгли родную деревню, убили 69 жителей, в числе которых

оказалась мать будущего ученого Марта Лаврентьевна.

Оставшись без родителей, дети выживали как могли. Юный Иван с односельчанами находился в зоне действия партизанского отряда «За Родину», в котором сражался брат Михаил. Сам Иван Федорович вспоминает: «Мы испытывали постоянный голод. По осени к голоду присоединился холод, по ночам спать в шалашах было уже невозможно. Поэтому начали рыть землянки, но скученность и сырость в них вели к разным болезням. К тому же, когда гитлеровцы прочесывали лес, сельчане прощались с жизнью».

После войны И. Ф. Романовский в связи с тяжелой болезнью был направлен в Мозырский детский приемник-распределитель, а позже, до демобилизации отца, воспитывался в Калинковичском и Туровском детских домах, в которых сама жизнь закаляла характер детей войны, учила их доброте, честности, справедливости, умению преодолевать трудности.

Окончив в 1954 г. среднюю школу, Иван Федорович поступил в Мозырский государственный педагогический институт, по окончании которого работал учителем средней школы в д. Кольно Житковичского района. В 1961 г. работал инструктором Гомельского обкома, первым секретарем Калинковичского райкома, заведующим сектором подготовки кадров ЦК ЛКСМБ.

В аспирантуру Белорусского государственного университета И. Ф. Романовский поступил в 1969 г. Этот шаг стал определяющим в его профессиональной жизни. Важную роль в становлении Ивана Федоровича как преподавателя сыграли известные ученые, в числе которых член-корреспондент АН БССР В. М. Сикорский, профессор М. Е. Шкляр и др. Юбилар в 1973 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, в 1978 г. получил ученое звание доцента, а в 1998 г. – профессора по специальности «История».

Сфера научных интересов И. Ф. Романовского – исследование актуальных проблем государственности Беларуси, истории общественных движений и политических партий, а также других аспектов национальной истории XX в. Иван Федорович – автор и соавтор более 150 научных публикаций: монографий, учебных пособий, брошюр, статей, материалов научных конференций. Среди них можно выделить следующие: «Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий» (Минск, 1999), «Беларусізацыя, 1920-я гады. Дакументы і матэрыялы» (Мінск, 2001), «Анτισоветское подполье в Беларуси 1919–1925 гг.» (Минск, 2002). В этих работах на новой методологической основе проанализированы

сложные, противоречивые и порой драматические процессы становления белорусского государства.

При активном участии И. Ф. Романовского подготовлены учебные пособия «Политические партии Республики Беларусь» (Минск, 2005), «Палітычныя партыі Беларусі: гісторыя і сучаснасць» (Мінск, 2011), документально-аналитические материалы «История политических партий и общественных движений» (Минск, 2014). Данные исследования характеризуются системным подходом к освещению сложных вопросов истории, скрупулезным вниманием к фактам и документам, стремлением к их объективному анализу.

Нельзя не отметить высокий профессионализм Ивана Федоровича, его принципиальность и в то же время доброжелательность, отзывчивость, порядочность, скромность и трудолюбие как главные черты его личности, неизменно вызывающие уважение окружающих. По характеру профессор энергичен, но сдержан, всегда ровен в отношениях с людьми, готов щедро делиться своими знаниями и многогранным научно-педагогическим опытом. Под его руководством кандидатские диссертации защитили пять исследователей.

Должное внимание И. Ф. Романовский уделяет общественной работе. В 1991–1995 гг. он был ученым секретарем совета по защите кандидатских диссертаций в БГУ, членом совета БГУ по работе с иностранными студентами, заместителем заведующего кафедрой политической истории, являлся экспертом Государственной инспекции вузов Министерства образования Республики Беларусь.

В настоящее время профессор участвует в работе Республиканского общественного объединения «Туровское научно-просветительское общество», занимается поиском и систематизацией архивных и других документальных материалов, посвященных истории Туровщины, охотно откликается на предложения студентов и преподавателей выступить перед заинтересованной аудиторией с воспоминаниями о пережитом им в годы Великой Отечественной войны.

За плодотворную учебно-педагогическую, научную и общественную работу И. Ф. Романовский награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР, знаком Министерства высшего образования СССР «За отличные успехи в работе», Грамотой и нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі». В 2012 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник Белорусского государственного университета».

Друзья и коллеги сердечно поздравляют Ивана Федоровича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, мужества, благополучия и долголетия.

Іван Апанасавіч
ЛІТВІНОЎСКІ

Ivan Apanasavich
LITVINOUSKI

Дацэнт кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта БДУ Іван Апанасавіч Літвіноўскі – адзін з тых, хто сваёй шматгадовай і руплівай працай на ніве педагогікі і навукі ў поўнай меры ўвасабляе прызначэнне і сутнасць прафесіі выкладчыка ўніверсітэта. Больш за тое, ён з’яўляецца прыкладам шчырай адданасці сваёй *alma mater* за атрыманую ў яе сценах вышэйшую адукацыю і магчымасць прайсці шлях кандыдата навук і дацэнта, выдатнага знаўцы гісторыі спачатку ўсёй вялікай савецкай краіны, а потым, разам з калегамі па кафедры, сканцэнтравана менавіта на гісторыі Расіі і Украіны. І ва ўсіх абставінах працы, ва ўзаемаадносінах з калегамі і студэнтамі дацэнт І. А. Літвіноўскі быў і застаецца ўзорам прафесійнасці, такту, прыроднай інтэлігентнасці, адказнасці за максімальнае эфектыўнае выкананне справы.

Іван Апанасавіч з’явіўся на свет далёка ад Мінска – у с. Слабада Бурынскага раёна Сумскай вобласці Украінскай ССР. Нарадзіўся 15 ліпеня ў страшны 1942 г., калі родныя мясціны знаходзіліся пад фашысцкай акупацыяй. Яго бацькі, украінскія сяляне Апанас Цярэнцьевіч і Праскоўя Максімаўна, да вайны працавалі ў калгасе «Чэrvоний Донбас». Бацьку паспелі прызваць у Чырвоную армію, і ён да 1944 г. ваяваў, а пасля цяжкага ранення вярнуўся да сям’і і хутка памёр. Маці давялося адной падымаць дзяцей на ногі, надрываючы жылы за працадні на калгасных палетках. Сын Іван з маленства спазнаў цяжкі сялянскі хлеб, але ўсяляк намагаўся атрымаць прыстойную адукацыю. Ён выдатна закончыў Першамайскую сярэднюю школу ў Сумскай вобласці, у 1957 г. уступіў у камсамол, але спачатку не мог вызначыць далейшы кірунак рэалізацыі сваіх інтэлектуальных задаткаў. Прышлося нават амаль год пасля школы папрацаваць слесарам на цукровым заводзе, які знаходзіўся ў родным сяле.

Нейкім чынам прыйшло азарэнне: «Хачу быць гісторыкам!» Вось толькі рэалізаваць намер юнак адважыўся далёка ад родных мясцін. Спакусіла тое, што ў Мінску Беларускаму ўніверсітэту ў 1960 г. прапанаваў абітурыентам новую і па тагачасных мерках унікальную кваліфікацыю – быў адкрыты прыём на спецыяльнасць «Гісторыя» з магчымасцю яе выкладання на замежнай мове. Подых адлігі і такім чынам адбіўся на дзейнасці БДУ. Смелая і апантаная моладзь з розных куткоў усяго Савецкага Саюза не баялася ехаць на іспыты ў Мінск, не звяртаючы ўвагі нават на велізарны конкурс. І адным з тых шчасліўчыкаў, хто змог вытрымаць конкурс і стаць студэнтам гістарычнага факультэта БДУ, стаў Іван Літвіноўскі.

Пяць гадоў вучобы праляцелі хутка, і ўжо з верасня 1965 г. малады спецыяліст па размеркаванні стаў выкладаць у сярэдняй школе № 3 г. Маладзечна. Яго кваліфікацыя, пазначаная ў атрыманым дыплеме, і сёння гучыць унушальна: «Гісторык. Настаўнік гісторыі сярэдняй школы з выкладаннем на замежнай мове». Але першы педагогічны вопыт хутка абарвала павестка з ваенкамата. Для выпускніка БДУ ваенная служба была нядоўтай – са студзеня па лістапад 1966 г. З 1967 г. пасля дэмабілізацыі Іван Апанасавіч стаў працаваць рэферэнтам Мінскай гарадской арганізацыі таварыства «Веды», потым – метадыстам Беларускага рэспубліканскага Савета прафсаюзаў, дзе ён адказваў за арганізацыю культурна-масавай работы і нават нейкі час за мастацкую самадзейнасць у створаным рэспубліканскім прафсаюзным цэнтры – адмысловым доме. Зразумела, што такі напрамак рэалізацыі атрыманай ва ўніверсітэце падрыхтоўкі ніяк не мог задаволіць маладога спецыяліста. Хацелася прадоўжыць вывучэнне гісторыі ўжо на навуковым узроўні.

Таму натуральным стаў крок паступлення ў аспірантуру роднага факультэта БДУ ў 1968 г. Іван Апанасавіч пісаў дысертцыю на кафедры гісторыі СССР. Тэмай была абрана праблема ажыццяўлення электрыфікацыі ў Беларусі ў міжваенны перыяд. Канечне, для назвы на той час у абавязковым парадку патрэбна было дадаць, што гэта важная справа ажыццяўлялася як увасабленне «ленінскіх ідэй». Галоўнае ж тое, што малады вучоны ўпершыню ў Беларусі паслядоўна прасачыў увесь шлях насычэння прамысловых і грамадзянскіх аб'ектаў энергіяй XX ст. І зрабіў гэта на падставе новых крыніц, прагляду і аналізу мноства наратыўнага і кагнітыўнага матэрыялу. Напрыканцы 1971 г. дысертцыя была паспяхова абаронена, а маладога кандыдата навук залічылі выкладчыкам у штат кафедры, якая яго выхавала як навукоўца. Залічылі на падставе міністэрскага пасведчання № 130, якое за подпісам намесніка міністра адукацыі зафіксавала тое, што выпускнік аспірантуры «направляецца в распоряжение ректората» для работы на посадзе асістэнта з акладам 105 руб.

Так распачалася шматгадовая плённая праца выкладчыка, а з 1978 г. – дацэнта гістарычнага факультэта БДУ Івана Апанасавіча Літвіноўскага. Плённая, бо за дзесяцігоддзі ён стаў на факультэце ўвасабленнем педагагічнай і навуковай грунтоўнасці, адначасова з тым шчырай сардэчнасці і цеплыні ў адносінах да сваіх выхаванцаў і калег. Мабыць, гэтыя чалавечыя якасці адыгралі сваю ролю, калі маладому яшчэ выкладчыку была прапанавана пасада выконваючага абавязкі загадчыка навастроенай кафедры гісторыі СССР эпохі сацыялізму. Яе вылучылі з кафедры гісторыі СССР (як і кафедру гісторыі СССР дасавецкага перыяду). Такі падзел кафедры, што дзейнічала на факультэце ажно з сярэдзіны 1930-х гг., быў абумоўлены новым віткам надання з боку ўлады асаблівай ідэалагічнай знакаваасці менавіта савецкаму перыяду ў асэнсаванні і студэнтамі, і грамадствам шматвектарнай і нават не зусім зразумелай гісторыі СССР. А незразумеласць зыходзіла з таго, што гэты курс, які выкладаўся адпаведнымі кафедрамі ва ўсіх савецкіх установах вышэйшай адукацыі і амаль на ўсіх спецыяльнасцях, са сталінскіх часоў павінен быў распаўсюджаць не толькі пра гісторыю савецкай краіны, але і пра яе перадгісторыю. А гэта значыла, што гісторыя СССР як бы распаўсюджвалася і на старажытны перыяд, і на сярэдневяковы, і на Новы час у гісторыі ўсіх 15 савецкіх рэспублік.

Таму Іван Апанасавіч быў «кінуты» на зацвярджэнне ў адукацыйным працэсе беларускага ўніверсітэта прыярытэту падрыхтоўкі спецыяльных знаўцаў выніковага этапу гістарычнага развіцця «шматнацыянальнага савецкага народа». І навуковец аказаўся на сваім месцы, бо змог не толькі распачаць такую падрыхтоўку, але і ў перыяд з 1974 па 1988 г. зрабіў кафедру адной з самых вядомых

на факультэце і ва ўніверсітэце. На ёй сабраліся маладыя амбіцёзныя кадры (згадаем хаця б імяны Л. А. Міхайлоўскага, К. І. Осіпава, Е. Ф. Саўчук, У. Н. Сідарцова, М. Э. Часноўскага, П. К. Краўчанкі, А. П. Салькова). Адны, на жаль, ужо сышлі ад нас, другія плённа працуюць, сталі дактарамі навук, загадчыкамі кафедраў. На кафедры гісторыі СССР эпохі сацыялізму былі падрыхтаваны дзясяткі аспірантаў, якія сёння ў БДУ і не толькі працягваюць даследаванні па шматлікіх праблемах такога складанага і насычанага падзеямі XX ст. Іван Апанасавіч, як кіраўнік кафедры, стаў тым чалавекам, што даў ім пуцёўку ў вялікую навуку.

Потым, з канца 1980-х гг., пачаўся новы этап у лёсе І. А. Літвіноўскага. На хвалах перабудовы і пачатку гісторыі незалежнай Беларусі ён, як і ўсе яго калегі-гісторыкі БДУ, прайшоў складаны шлях асэнсавання свайго прызначэння – выкладчыка вышэйшай школы Рэспублікі Беларусь. Адбываўся пошук новых навуковых парадыгм, арганізацыйных форм вучэбнага працэсу. Лагічным падсумаваннем пературбацый 1990-х гг. стала стварэнне ў чэрвені 1998 г. кафедры гісторыі Расіі з выкладаннем на ёй сістэмнага курсу «гісторыя Расіі і Украіны» – бліжэйшых краін-суседак, так шчыльна знітаных агульнымі гістарычнымі павязямі з Беларуссю. Іван Апанасавіч увайшоў у першы кадравы склад новай кафедры і стаў выкладаць важныя лекцыйныя курсы міжваеннай гісторыі ўсходнеславянскіх краін, акцэнтуючы ўвагу менавіта на гісторыі сваёй малой радзімы – Украіны. Дацэнт Літвіноўскі засяродзіўся на распрацоўцы вучэбных матэрыялаў па ўкраінскай гісторыі, стаў адным з аўтараў шэрагу першых беларускіх універсітэцкіх дапаможнікаў па гісторыі Расіі і Украіны.

Вакол Івана Апанасавіча на кафедры, у аўдыторыях і калідорах факультэта заўсёды шмат студэнтаў. Ціхі прыглушаны барытон дацэнта чутны пастаянна, бо моладзь цягнецца да свайго выкладчыка, здольнага даць каштоўныя парады, адкрыць таямніцы гісторыі Другой сусветнай вайны, знешняй палітыкі СССР (у гэтых пытаннях ён, бадай, самы аўтарытэтны на гістарычным факультэце спецыяліст). Да таго ж расіязнаўца ў апошнія гады выступае як энтузіяст-арганізатар ужо некалькіх студэнцкіх канферэнцый «Кітай: гісторыя і сучаснасць», якія праводзяцца БДУ сумесна з Інстытутам Канфуцыя ў рамках Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Кітайская цывілізацыя ў дыялогу культур». У многім дзякуючы крэатыўнасці І. А. Літвіноўскага канферэнцыі не толькі набылі маштабнасць, але і прыцягнулі да паглыбленага вывучэння гісторыі далёкай краіны дзясяткі студэнтаў. А для папулярызацыі сярод моладзі сваіх асабістых навуковых пошукаў па праблемах гісторыі энергетыкі Іван Апанасавіч нядаўна стаў завадатарам студэнцкай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Атам на службе чалавека: учора, сёння,

заўтра». Навуковец запатрабаваны на тэлебачанні, радыё, дзе асабліваю цікавасць выклікаюць яго расповеды пра абставіны падзей Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

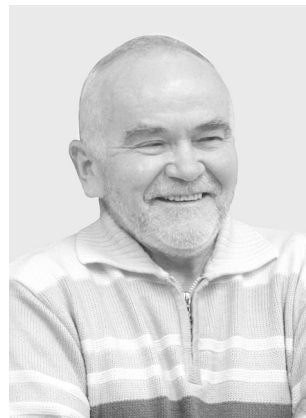
Выключнай рысай выкладчыка і навукоўца з'яўляецца яго добрасумленнасць, адданасць справе жыцця, памножаныя на выдавочную любоў і павагу да сваіх вучняў. А яны, вучні, штораў вяртаюць настаўніку сваю ўдзячнасць не толькі за набытыя веды, але і за прыклад таго, якім павінен быць педагог.

Больш за тое, усе без выключэння калегі Івана Апанасавіча – а многія з іх лічаць яго сваім настаўнікам – не менш за студэнтаў удзячныя яму за выдавочныя прыклады вернасці музе Кліа і чалавечай шчырасці, шчодрасці, сумленнасці ва ўсім. Калектыў гістарычнага факультэта, калегі па кафедры гісторыі Расіі зычаць юбіляру моцнага здароўя, працягу плённага спазнання таямніц мінулага!

А. А. Яноўскі,
кандыдат гістарычных навук, прафесар

Міхаіл Фёдаравіч ШУМЕЙКА

Mihail Fiodaravich SHUMEIKA

Споўнілася 65 гадоў кандыдату гістарычных навук, дацэнту, дацэнту кафедры крыніцазнаўства БДУ Міхаілу Фёдаравічу Шумейку.

Нарадзіўся М. Ф. Шумейка 20 жніўня 1952 г. у в. Верхняя Злобінка Почапскага раёна Бранскай вобласці (Расія). Па заканчэнні сярэдняй школы ў 1969 г. паступіў на факультэт архіўнай справы Маскоўскага дзяржаўнага гісторыка-архіўнага інстытута (МДГАІ). Міхаіл Фёдаравіч Шумейка – вучань выдатнага навукоўца Сігурда Отавіча Шміта, знаёмства з якім не толькі шмат у чым прадвызначыла навуковы шлях юбіляра, але і стала для яго каштоўным асабістым здабыткам. Пасля паспяховага заканчэння адной з найлепшых устаноў вышэйшай адукацыі Савецкага Саюза ў 1974 г. малады гісторык-архівіст вярнуўся на Браншчыну, дзе непрацяглы час працаваў старшым навуковым супрацоўнікам Дзяржаўнага архіва Бранскай вобласці. У 1974–1975 гг. служыў у Савецкай арміі. У 1976 г.

заныў пасаду старшага навуковага супрацоўніка Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Кастрычніцкай рэвалюцыі БССР, а ў 1977 г. – супрацоўніка Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры Савеце Міністраў БССР.

З 1977 г. навучаўся ў аспірантуры МДГАІ па спецыяльнасці «Крыніцазнаўства, гістарыяграфія, метады гістарычнага даследавання». У 1980 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Из истории выявления и собирания документов революционного движения в России второй половины XIX – начала XX в. (по материалам архива В. Я. Богучарского)».

У 1977–1991 гг. Міхаіл Фёдаравіч працаваў у Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ (з кастрычніка 1990 г. – Інстытут гісторыка-палітычных даследаванняў КПБ). Калі ў 1991 г. на базе гэтай установаў быў створаны Беларускі навукова-даследчы цэнтр дакументазнаўства і рэтраінфармацыі (сёння – Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДІДАС)),

М. Ф. Шумейка стаў намеснікам дырэктара гэтай навастворанай навуковай установы. Міхаіл Фёдаравіч і сёння не перарывае сувязі з БелНДІДАС, працуючы там вядучым навуковым супрацоўнікам.

З 1995 г. М. Ф. Шумейка пачаў выкладаць на гістарычным факультэце БДУ (з 1997 г. – на пастаяннай аснове) на пасадах дацэнта кафедры крыніцазнаўства, намесніка загадчыка кафедры крыніцазнаўства. У 2007 г. Міхаілу Фёдаравічу нададзена вучонае званне дацэнта. У 1990-я гг. ён быў адным з арганізатараў і нязменным куратарам падрыхтоўкі гісторыкаў-архівістаў на гістарычным факультэце БДУ. На пачатку 2000-х гг. М. Ф. Шумейка актыўна ўдзельнічаў у стварэнні дакументазнаўчага аддзялення на гістарычным факультэце. Юбілярам распрацаваны шэраг агульных і спецыяльных курсаў для студэнтаў розных спецыяльнасцей, падрыхтавана некалькі падручнікаў па архівазнаўстве і археаграфіі. Акрамя таго, М. Ф. Шумейка чытае курсы «Археаграфія», «Замежная археаграфія», «Архіўная рэстытуцыя» для студэнтаў першай ступені і курс «Сучасныя праблемы дакументазнаўства і архівазнаўства» для магістрантаў.

Важным напрамкам дзейнасці Міхаіла Фёдаравіча з'яўляецца практычная археаграфія. З моманту стварэння ў 1999 г. у Беларусі Археаграфічнай камісіі ён актыўна ўдзельнічае ў яе працы. Сёння Міхаіл Фёдаравіч – старшыня Бюро Археаграфічнай камісіі Дэпартаменту па архівах і справаводства Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь. Непасрэдна юбілярам або з яго ўдзелам падрыхтаваны цэлы шэраг дакументальных публікацый: «По воле народа. Из истории образования Белорусской ССР и создания Коммунистической партии Белоруссии» (1988), «Документальные памятники Советской Белоруссии» (1990), «Архіўная справа на Беларусі ў дакументах і матэрыялах (1921–1995 гг.)» (1996), «Первая всебелорусская конференция архивных работников, 12–15 мая 1924 г.» (1999), «1 января 1919 года: Временное рабочее-крестьянское советское правительство Белоруссии» (2005), «Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945» (2005), «Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941» (2006), «Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961» (2009), «Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта» (2011), «Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.)» (2015) і інш.

У кола асноўных навуковых інтарэсаў М. Ф. Шумейкі ўваходзяць архівазнаўства, археаграфія, крыніцазнаўства, палітычная і ваенная гісторыя Новага і Навейшага часу, пытанні захавання і выкарыстання гісторыка-культурнай спадчыны. Міхаіл Фёдаравіч з'яўляўся кіраўніком шэрагу навуковых праектаў як у рамках дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў, так і па лініі Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў. Ён аўтар каля 600 публікацый, у тым

ліку некалькіх манаграфій: «Собрать рассеянное: о реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем» (1997), «Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло» (2002), «Белорусская археография в XIX–XX вв. (проблемы теории, истории, методики)» (2007), «Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов» (2013). Прыемна адзначыць, што калі трымаеш у руках навуковае выданне, падрыхтаванае Міхаілам Фёдаравічам ці пад яго рэдакцыяй, можаш быць упэўненым у тым, што работа выканана на самым высокім навуковым узроўні.

Юбіляр не толькі сам актыўна займаецца навукай, але і ўцягвае ў даследчую работу моладзь, выступаючы навуковым кіраўніком дыпломных работ, магістарскіх і кандыдацкіх дысертацый. Міхаіл Фёдаравіч падрыхтаваў чатырох кандыдатаў гістарычных навук (Ю. У. Несцяровіч, В. С. Иванова, Т. Д. Герновіч, В. В. Урублеўскі), вялікая праца праводзіцца ім і пры экспертызе дысертацый.

Акрамя таго, М. Ф. Шумейка – член савета гістарычнага факультэта БДУ, удзельнік працы вучэбна-метадычных аб'яднанняў па гуманітарнай адукацыі і адукацыі ў галіне кіравання, член вучоных саветаў БелНДІДАС, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. З'яўляўся членам экспертнай групы Камісіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь па выяўленні, вяртанні, сумесным выкарыстанні і ўвядзенні ў навуковы і культурны ўжытак нацыянальных культурных каштоўнасцей, якія апынуліся за межамі Беларусі.

Міхаіл Фёдаравіч з'яўляецца членам рэдакцыйных калегій шэрагу айчынных і замежных навуковых часопісаў і зборнікаў – «Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя», «Архівы і справаводства», «Беларускі археаграфічны штогоднік», «Пам'яткі: археаграфічны шорічнік», «Архіварыус» (зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў) і інш.

За дасягненні ў навуковай, педагогічнай і грамадскай дзейнасці адзначаўся разнастайнымі ўніверсітэцкімі, галіновымі і ведамаснымі ўзнагародамі, у тым ліку – нагруднымі знакамі «Ганаровы архівіст Беларусі» і «Выдатнік адукацыі». Міхаіл Фёдаравіч не проста прызнаны навуковец, вядомы як у Беларусі, так і за яе межамі, ён сапраўдны інтэлігент. У паўсядзённым жыцці гэта прыязны і добразычлівы чалавек, заўсёды здольны падтрымаць, даць добрую параду. Выключны прафесіяналізм і высокія чалавечыя якасці – падмурак аўтарытэту і павагі, якімі Міхаіл Фёдаравіч заслужана карыстаецца сярод навукоўцаў і студэнтаў. Калегі і сябры шчыра віншуюць Міхаіла Фёдаравіча з юбілеем і жадаюць яму здароўя, шчасця, дабрабыту, натхнення і новых здзяйсненняў.

С. М. Ходзін,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

А. М. Назаранка,

старшы выкладчык кафедры крыніцазнаўства

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPER DEPOSITED AT BSU

УДК 321(4)(091)

Пути становления и развития государственности в Восточной Европе в период Средневековья и раннего Нового времени [Электронный ресурс] : сб. ст. Междунар. науч. круглого стола «Пичетовские чтения» (Минск, 9 нояб. 2016 г.) / редкол.: О. А. Яновский [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2017. 156 с. : ил. Библиогр. в конце ст. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/179544>. Деп. 31.08.2017, № 005531082017.

В сборнике опубликованы статьи участников международного научного круглого стола «Пичетовские чтения». В представленных работах рассмотрены актуальные научные проблемы генезиса и эволюции государственности в Восточной Европе в период Средневековья и раннего Нового времени. Адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, специалистам и всем читателям, интересующимся историей.

СОДЕРЖАНИЕ • ЗМЕСТ

От редакции.....	8
1917 ГОД В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ • 1917 ГОД У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ	
<i>Лавринович Д. С.</i> Политическое масонство в общественно-политической жизни России и Беларуси в 1905–1917 гг.	10
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Антрапалогія рэвалюцыі: паўсядзённае жыццё мінчан у 1917 г.	20
<i>Бондаренко К. М.</i> Брестский отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела: создание и деятельность	30
<i>Брыгадзін П. І.</i> Першы Усебеларускі з’езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя	37
<i>Бердинских В. А., Меньковский В. И.</i> Сталинская эпоха: особенности формирования ГУЛАГа	44
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ • ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ	
<i>Мезга Н. Н.</i> Воссоединение Западной Беларуси с БССР и Западной Украины с УССР в отражении советской историографии 1939–1941 гг.	55
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ • УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ	
<i>Печатнова Л. Г.</i> Набис и илоты	61
<i>Кащеев А. В.</i> Военные пасторы военных округов и действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны	69
<i>Сальков А. П.</i> Судьба Австрии и югославские территориальные претензии к ней: позиция СССР в межсоюзнических отношениях (июнь 1941 – май 1945 г.)	76
<i>Бригадина О. В.</i> Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991)	87
ИСТОРИОГРАФИЯ • ГІСТАРЫЯГРАФІЯ	
<i>Ганчарэнка С. А.</i> Прасапаграфія: гісторыя станаўлення і развіцця метаду	94
ПУБЛИКАЦИИ • ПУБЛІКАЦЫІ	
<i>Жеребцов И. Л., Кузиванова О. Ю., Лейман И. И.</i> Питирим Сорокин: в бездне революции	101
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ • КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ	
<i>Довгялло М. С.</i> Терзич С. Стара Србија (XIX–XX век). Драма једне цивилизације [Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX века). Драма одной цивилизации]	113
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ • НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ	
<i>Репин В. В.</i> Международная белорусско-чешско-украинская студенческая научно-практическая конференция «Этнология и социальная история славянских народов в исторической и современной перспективе» (Плзень, 24 апреля 2017 г.)	117
<i>Бярэ́йшык Л. У., Гужалоўскі А. А.</i> Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Музей і культурная спадчына: гісторыя, сучаснасць, погляд у будучыню» (Мінск, гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 27–28 чэрвеня 2017 г.)	120
НАШИ ЮБИЛЯРЫ • НАШЫ ЮБІЛЯРЫ	
Иван Федорович Романовский	123
Іван Апанасавіч Літвіноўскі	125
Міхаіл Фёдаравіч Шумейка	127
Аннотации депонированных в БГУ работ	129

CONTENTS

Editorial	8
1917 IN THE BELARUSIAN HISTORY	
<i>Lavrinovich D. S.</i> Political freemasonry in the social-political life of Russia and Belarus in 1905–1917.....	10
<i>Huzhalouski A. A.</i> Anthropology of revolution: daily life of Minsk residents in 1917	20
<i>Bondarenko K. M.</i> Brest department of the Russian people's union named after Michael Archangel: creation and activities	30
<i>Bryhadzin P. I.</i> The First all-Belarusian congress (December 1917): to the centenary	37
<i>Berdinskikh V. A., Menkouski V. I.</i> The Stalin Era: some characteristics of the formation of the GULAG.....	44
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Miazga M. M.</i> Reunification of Western Belarus with Byelorussian SSR and Western Ukraine with Ukrainian SSR as covered in the Soviet historiography of 1939–1941	55
WORLD HISTORY	
<i>Pechatnova L. G.</i> Nabis and helots	61
<i>Kashcheyeu A. V.</i> The military pastors of the military districts and the army of the Russian Empire during the First World War	69
<i>Salkov A. P.</i> The fate of Austria and the Yugoslav territorial claims to it: the position of the USSR in inter-allied relations (June 1941 – May 1945)	76
<i>Brigadina O. V.</i> Living in an era of change: the mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during the years of perestroika (1985–1991)	87
HISTORIOGRAPHY	
<i>Hancharenka S. A.</i> Prosopography: the history of the formation and development of the method	94
PUBLICATIONS	
<i>Zherebtsov I. L., Kuzivanova O. Yu., Lejman I. I.</i> Pitirim Sorokin: in the abyss of revolution	101
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Dovgiallo M. S.</i> Terzich S. Old Serbia (XIX–XX). The drama of one civilization	113
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Repin V. V.</i> International Belarusian-Czech-Ukrainian student conference «Ethnology and social history of the Slav nations in historical and cotemporary perspective». In the University of West Bohemia (Plzeň, 24 April, 2017)	117
<i>Bereishik L. V., Huzhalouski A. A.</i> International conference «Museum and cultural heritage: a discourse on the past history, present state and future prospects» (Minsk, faculty of history, Belarusian State University, 27–28 June, 2017)	120
OUR JUBILEE	
<i>Ivan Fedorovich Romanovskii</i>	123
<i>Ivan Apanasavich Litvinouski</i>	125
<i>Mihail Fiodaravich Shumeika</i>	127
Indicative abstracts of the paper deposited at BSU	129

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.

Тел. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Вестник БДУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы О. А. Бабашова, С. Е. Богуш
Технический редактор Ю. А. Тарайковская
Корректор Д. В. Русс

Подписано в печать 02.10.2017.
Тираж 100 экз. Заказ 623.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.

Correspondence address: Kal'varyjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors O. A. Babashova, S. J. Bohush
Technical editor Y. A. Taraikouskaya
Proofreader D. V. Russ

Signed print 02.10.2017.
Edition 100 copies. Order number 623.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čyrvonaarmiejskaja Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017